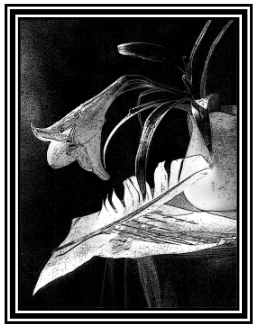
Антология русской поэзии
«**Поэзия третьего тысячелетия**» 2012 г.

Издание подготовлено и осуществлено в рамках
литературного проекта **Русский Автобан**



Поэтическая библиотека Русского Автобана
Серия основана в 2009 году

Originalausgabe April 2012
Copyright: © «Poetry of the third millenium. 2012»
ISBN 978-3-8442-2213-5

Verfasser: Elena Ryschkova
Umschlagkonzept : Aleksandr Brodskyy
Fotodesign: Elena Ryschkova

Druck und Verlag: epubli GmbH, Berlin, www.epubli.de
Geschätsfürer: Dr. Jörg Dänemann, Kaspar von Mellenthin
Handelsregister Charlottenburg, HRB 108995

Das Werk ist urheberrechtlich geschüzt.
Sätliche, auch auszugsweise Verwertungen bleiben vorbehalten.

Printed in Germany
Druck und Verlag: epubli GmbH, Berlin, www.epubli.de

Издание Апрель 2012
Copyright: © «Поэзия третьего тысячелетия. 2012»
/Сост. Е.Рышкова. – Берлин,: epubli, 2012. – 256 с.: ил. - (Поэтическая библиотека)
ISBN 978-3-8442-2213-5

Составитель: Елена Рышкова
Оформление обложки: Александр Бродский
Фотодизайн книги Елены Рышковой
Стихотворения. 256 с.
Издательство: epubli Berlin, www.epubli.de

В книгу вошли произведения поэтов, участвовавших в литературном конкурсе «**Согласование времён»** 2010-2011 гг.

Printed in Germany.
Druck und Verlag: epubli GmbH, Berlin, www.epubli.de

Небольшой экскурс в историю поэзии.

Бог ничего не даёт взаймы и если поэзия существует, то это для чего-то нужно.

Она гораздо старше письменности, книгопечатания, читателя, критика и даже языка. Она стоит у начала человеческой истории, овеществляя неуловимую связь мышления, речи, человеческого сознания в божественную троицу человеческой культуры.

Если всмотреться вглубь этих невообразимых исторических тысячелетий, то пахнет оттуда такой плотной энергией словообразования и словоовеществления, что впору вровень им ставить лучшие методики массмедиа нашего века.

Человек среднего и верхнего палеолита обладал образным мышлением в не меньшей степени, чем наш современник и умел овеществлять свои виртуальные видения в картинах невероятной силы и, что интересует меня более всего - в музыке, танцах и шаманистических песнопениях.

Но слово было раньше изображения, оно есть предтеча всему и я предполагаю, что слово это было облечено в поэтическую форму.

Что даёт мне право делать такие предположения?

Начало человеческой речи лежит не в области передачи информации, но в рамках методики манипуляции другой особью в собственных целях. Праслово было не сообщением, но общением с целью получить желаемое.

Если говорить об абсолютном оружии в палеолитических сообществах ранних гоминид, то им было - слово, потому что именно с его помощью пралюди без приложения материальных средств, пользуясь только словом заставляли себе подобного сделать то, что противоречило интересам последнего - отдать своё чужому. И сделать это не под угрозой реального топора, но руководствуясь словесным указанием говорящего.

В основе этого механизма управления лежит очень сложный нейрологический процесс и я не ставлю своей целью его обьяснить. В конце моих лирических заметок есть небольшая библиография для тех, кто захочет расширить свои познания в этом и других, затронутых мною вопросах.

Должна сказать, что вся человеческая речь и проистекающие из неё искусства не утратила этой феноменальной способности по сию пору - внушать что-то в интересах говорящего.

Мы и говорим лишь для того, чтобы убедить. Лишите человеческое общение, либо информационное сообщение этого качества и оно превратится в ничто, в обезличенный и безразличный нам субстрат, в набор букв или звуков.

Только направленность речи на собеседника реального, либо мнимого делает её человеческой речью.

Итак, смею предположить, что речь в первую очередь существует для убеждения. Иными словами, для манипуляции чужим поведением/сознанием.

Это первая и главенствующая функция речи, языка, как её производного и в том числе поэзии.

Вторая функция речи - информационная, но и она, как я уже сказала, опосредована идеей манипуляции корреспондентом.

Из сказанного очевидно рассмотрение всех свойств поэтической речи, начиная с её первых праисторических явлений, в единой связи с её свойствами средства убеждения и манипуляции сознанием.

Все современные исследователи начал человеческой истории сходятся во мнении, что проявления человеческой культуры на самых ранних стадиях её истории были связаны с религиозными культами. Собственно, сами эти культы были средством познания окружающего мира, его структуризации. Что здесь было первичным, а что вторичным, изначально ли прачеловек обладал волшебными свойствами анализа окружающей среды на основе своего воображения, либо они появились в результате каких-то мутаций мозговых структур пока что неясно.

Однако если попытаться ответить на сакраментальный вопрос - чем же человек отличается от обезьяны, то получается именно этим - умением создавать с помощью речи виртуальное, воображаемое пространство. Вымышленный мир. Мир грёз, богов и интернета.

При этом именно этот вымышленный мир и позволяет человеку удачнее всего структурировать мир реальный, приспосабливать его к собственным нуждам и чувствовать себя в реальном мире, как дома.

К феноменам вымышленного мира, который наиболее значимо изменил реальный мир обитания человека можно отнести религию во всех её проявлениях, а ныне, это равноценный ей по силе воздействия, но не осознанный до сих пор в своей значимости - виртуальный мир общественного сознания - интернет.

На заре человеческой истории с помощью слова создавалась методика влияния одного индивида на другого, либо, что ещё лучше - на группу индивидов. Таким образом, рождалась социальность, а уж она в дальнейшем развёртывала эволюцию человеческого развития с энергией ядерного взрыва.

Давно замечено, что человек в группе наиболее подвержен влиянию ритма и звука в определенных тональностях. Далеко ходить за примерами не нужно. Любой рок концерт, религиозные собрания, да и партийные съезды с совместным пением гимнов, подтверждают сказанное.

Праслово имело сакральную мощь потому, что прачеловек в силу нейробиологических свойств мозга был ему послушен. Оно сразу же было выделено человеческим сообществом в ранг священных, исключительных сущностей.

Кроме того, слово обладало необоримой силой виртуального знака, поскольку только при помощи слова мог как-то обозначаться невидимый и не воспринимаемый потусторонний мир духов, тотемических предков, богов и других подобных существ. И это стало возможно потому, что слово в его реальном значении или смысле находится в субъективном мире человека, в его сознании, в то время как изображение, так или иначе привязано к действительности как воплощение образов предметов и явлений этой действительности в материале искусства. Отсюда проистекает безграничное могущество слова в создании воображаемых миров, преодолении времени и пространства, развитии логического мышления и возникновении всех форм общественного сознания -- мифологии, религии искусства и науки.

Но поэтическое слово, имеющее в своём арсенале воздействия ритм, звуковой ряд, мелодику повторов было абсолютным оружием в области воздействия на сознание нашего предшественника.

Эти качества поэтического слова были немедленно использованы в нужных целях шаманами и всеми последующими религиями в человеческих сообществах любых времен и народов. Живы они и по сию пору во всех ипостасях воздействий одного человека на другого.

Итак, я смею утверждать, что назначением прапоэзии являлось, усовершенствованное до вершин абсолютного оружия, искусство внушения и манипуляции чужим сознанием с целью создания социально структурированного человеческого сообщества.

При этом возникли такая институция, как человеческая культура во всех её проявлениях - от религии до первого канала российского телевидения.

Но любая дорога ведет в двух направлениях.

Для того, чтобы усовершенствовать силу воздействия первым шаманам приходилось создавать шедевры ритмической и музыкальной речи и, смею предположить, что они были ничуть не менее прекрасны, чем наскальные рисунки на стенах пещеры Ляско.

Возникали встречные потоки развития - создание первых религий и необоримые изменений в самой речи, вызванные осознанием новых образов в окружающей действительности.

Используемая, как средство управления человеческим сообществом, поэтическая речь развивалась по законам языка, как оказалось единым для всех человеческих языков мира, но при этом, как любая поэтическая речь, сама моделировала окружающий мир своими словообразами.

И вот в этом я вижу её не менее важную роль в развитии человеческой культуры.

Поэзия, как таковая, начиналась, как средство манипуляции, но благодаря ей создан виртуальный мир человеческой культуры и он продолжает свою эволюцию в рамках человеческого языка.

Поэзия творит язык, она ощупывает окружающее пространство щупальцами образов и звуков, соотносит с ним свои невероятные метафоры, выплескивает в мир новые сравнения и даже слова и, вот вам чудо - мы можем спокойно представить себе флейту из водосточных труб, или лик века волкодава. Кому что по плечу.

Путешествуя из прошлого в настоящее, я предполагаю, что главной целью и задачей современной поэзии является созидание языка, а не следование каким либо канонам и правилам. Благодаря своим качествам и внутренним законам, только она и является настоящей лабораторией и опытным полигоном современного человеческого языка, одновременно его высоким храмом, и деревенской кузницей.

Поэтому ей не страшны колебания маятника читательского интереса, не пугает множество пишущих, не обескураживают массы избранных поэтов и отчаянные стенания критиков о чистоте поэтических рядов.

Она живет по своим законам, которые определены свойствами человеческого мозга и социальными условиями в куда большей степени, чем предполагают её критики, апологеты и прорицатели.

Ей угодны и те и другие, она творит язык, а он, как известно, не принадлежит категориям элит.

Елена Рышкова

Julia Klem

Алёна Бабанская

Родилась в подмосковном городе Кашира. Закончила МГПИ им Ленина, к тому моменту уже МГПУ, филологический факультет. Стихи писала лет с 10, после окончания института был перерыв 12 лет. «Вторая серия» стихов пошла с 2003 года. В настоящее время живу в Москве, работаю в банковском журнале. Печаталась в «Арионе», «Крещатике», «Детях Ра», «Волге», «Литературной учебе», «Кукумбере», победитель /бронза/ литературного конкурса «Согласование времён 2011».

средняя полоса

дачники снова зимний сжигают хлам
прямо над лесом дыма молочный флер.
птицам вдогонку вытянул шеи храм,
а за деревней поле и косогор.
всюду следы пожарищ наводят грусть,
козы мотают мордами у пруда,
где не свинье товарищ дородный гусь,
и отражает вербы вода-слюда.
что, пассажир дорожный, тыгдым-тыгдым,
лучше дремать на полке, прикрыв глаза.
так ли он сладок, горький, весенний дым?
задница мира, средняя полоса.

гон

И мнится тебе, что победа близка,
Знамена все выше.
Но знаешь ли ты, как дерутся войска
Цветущие вишен?
Идет в наступленье разбуженный сок,
И полнится лоно
Невидимой силой (в положенный срок)
Весеннего гона?
Крушенье империй ему нипочем,
Уловки стратега.
И машет призывно в ответ кумачом
влюбленное эго.

вжик

Под сенью девушек в цвету,
Таких в районе тыщи,
Я сердце девичье мету,
А сердце жаром пышет.

Зачем оно горит огнем,
Как мак трепещет горный?
Я ночью думаю о нем
Пускай я только дворник.
Я тихий, маленький таджик,
Без прав, мечты, и денег.
И только вжик метла, и вжик,
Проклятый русский веник.

Ретроград многоцветный

Сер небосклон,
мокрую вздыбил холку.
А Симеон,
ну щебетать и щелкать
грудь раздувать,
 лить золотые трели.
Что синева,
если ее не спели?
Скрипнет перо,
Вздрогнет рука над ятем.
трудно зело,
коли умен и знатен.
Счастье ль, беда
или разверзлись хляби –
поступь тверда
трудных твоих силлабик.
Что Вертоград –
мир неказист и скучен.
Царственных чад
 русским глаголом мучим.
Взялся – не плачь,
но ничего о личном.
Тертый калач,
свитый ключом скрипичным.

«Мир ловил меня, но не поймал» Гр. Сковорода...

Мир ловил меня – не поймал,
эти патока и крахмал –
кружевных облаков оборки,
рек кисельные берега,
солнца блеск, карамель, нуга
захолустье, Европ задворки.

Мир ловил меня – не поймал,
не таким он судьбу ломал,
не такие от боли выли.
Я ж, непойманный певчий птах,
не отсиживался в кустах,
но зазря не подставил выи.

Мир ловил меня за рукав,
Для чего искушал, лукав,
недопитым любовным медом?
Я прощаю, ведь он не злой,
неприметной лечу пчелой
к незаполненным божьим сотам

мнимому больному

Скажись простуженным и хилым,
Пока гроза втыкает вилы,
Ерошит сено над Москвой,
И пахнет свежестью морской.
Гроза сойдет волною мутной,
Ты будешь слабостью минутной.
Покашляй для отвода глаз.
Дорога высохнет за час.
Любезный друг, меня не слушай,
Бей драгоценные баклуши,
Глотай у подмосковных дач
Жасмина огненный первач.
На речке с удочкой зависни,
И, позабыв дурные мысли,
Лови шершавую плотву.
А я тебя не позову.

способ

Если некуда идти –
Стой, где воткнут.
Или разум замути
Сном да водкой,
Или, может быть, спляши
Есть же способ
Для спасения души
Безголосой.
Свету белому не рад,
Смотришь хмуро.
Есть же омут, есть же яд,
Пуля-дура.
Ведь давно отводят взгляд
Домочадцы.
Если нечего терять,
Что теряться?

никодим

Темнеет, и ты никуда не ходи.
там нож на тебя наточил никодим.
Он спрятан в овине меж сваленных кож –
Ни в чем не повинный заточенный нож
Заблеяли овцы, от страха дрожа.
Уйдешь со двора – не уйдешь от ножа.
Ведь даже у тучи над нашим селом
Стальная заточка под левым ребром

молитва

Свет ты мой, батюшка родный,
что там с погодою летной?
Тучи поднялись, поди,
ты от меня не лети.
Пёрушки чистить пустое,
где измеренье шестое?
пятое бьется в груди,
ты от меня не лети.
Пусть твой шесток невысокий,
пусть в огороде осока,
пусть не созрела лоза,
только бы слово сказать.
Лямку потянешь земную,
а перелетные, ну их!
Сколько собьется в пути.
Ты от меня не лети

ночь

Какая ночь над нами вздыблена,
что ни одной по небу звездочки,
Лишь темноты немая рыбина
Перемывает свету косточки.
И все ее движенья гибельны,
Ты для нее кусочек лакомый,
и никого она не выплюнет:
Ни червяка, ни крошки маковой.

Андрей Баранов

Родился в 1962 году в городе Винница на Украине. Окончил Ульяновский пединститут по специальности «русский язык и литература» и аспирантуру по философии в Российском государственном педагогическом университете (Санкт-Петербург). Много лет проработал в школах и вузах России. Служил в армии. Сегодняшнее место проживания – Москва. Писать начал с пятнадцатилетнего возраста. За более чем 30 лет творческого стажа печатался в различных журналах и коллективных сборниках, издал две книги стихов: «Странник» (1998) и «Крылья деревьев» (2009). Постоянный автор сетевых журналов «Сетевая словесность», «Топос», «45 параллель». Неоднократно становился лауреатом и финалистом международных поэтических конкурсов «Заблудившийся трамвай», «Серебряный стрелец», «Согласование времен» и других.

* * *

куда уходят сны, куда уходят вьюги
забытых февралей и листья сентября
где исчезают дни и милые подруги
и лучшие друзья, и лучшие друзья
куда бегут стуча по рельсам электрички
дрейфуют корабли и лайнеры летят
куда уходит свет от отгоревшей спички
и бабочки полёт, и одинокий взгляд,
и ночи напролёт, и буйные застолья,
июльские костры и майская сирень
и планы, и мечты, и счастье и тем более
возвышенных стихов святая дребедень
куда уходят все потерянные вещи
отцветшие цветы, и дети наконец
ведь эти что вокруг с одышкою и плешью
с изъянами мозгов, с пороками сердец -
ведь это не они, не вы, не мы, печали
не ведает страна минувших сентябрей
она спокойно ждёт, когда и мы отчалим
за тридевять морей, за тридевять морей

***

человек приходит домой из сада
лет ему четыре зовут илья
и его приходу ужасно рада
в маленькой квартире его семья

человек приходит домой из школы
у него в тетрадке огромный кол
только всё равно он весь день весёлый
потому что друга себе нашёл

человек приходит домой с работы
у него заботы дела семьи
но его всё время терзает что-то
только что конкретно пойди пойми

человек приходит домой с прогулки
у него одышка и старый пёс
и шаги в пустынной квартире гулки
за окошком вечер зима мороз

АГАДАМ-МАГАДУ

Я говорю тебе слово: "Агадам!"
Ты же мне отвечаешь: "Магаду!"
Это птицы летят по своим небесным следам
в гнёзда, где они вылупились в прошлом году.

Ты говоришь мне слово: "Агадам!"
Я тебе отвечаю: "Магаду!"
Это рыбы плывут по своим подводным следам
к нерестилищам, где они вывелись в прошлом году.

Я говорю тебе: "Где же наши следы?
Куда нам вернуться, чтобы продолжить род?
Мы прилетели сюда с голубой звезды,
жалко след потерялся среди долгот и широт".

Ты отвечаешь: "В дебрях теней и снов
можно ещё с трудом различить следы,
да иногда что-то такое любовь
шепчет на ушко глупым и молодым".

Только влюблённым, только глупым и молодым,
только однажды в жизни в самом их первом году
любовь шепчет в самое ушко: "Агадым!"
И влюблённые отвечают: "Мыгаду!"

А потом забывается этот бред,
а потом дети, кухня, дела-дела...
Угасает в их юных душах нездешний свет,
и теряется след, а потом стареют тела,

а потом умирают в каком-то любом году,
ибо сказано: "Мне отмщенье и Азъ воздам!"
Ты мне шепчешь на ухо: "Магаду!"
Я как эхо тебе в ответ: "Агадам!"

АРМАГЕДДОНСКИЙ КАРНАВАЛ

и позвякивали позвонки
как монетки тонки и звонки
как стеклярус хрупки и прозрачны
и катились вдаль грузовики
заражая воздух у реки
выхлопом бензиново-коньячным
на больших карминовых часах
колокол забытый в небесах
отбивал конец последней эры
было без пяти сто тысяч лет
и казалось проку больше нет
длить существование химеры
доживая знойный кайнозой
мы ложились гнойною золой
в тёплую подзолистую почву
становились кронами дубрав
и от странствий призрачных устав
улетали голубиной почтой
но пройдя вратами чёрных дыр
мы опять входили в этот мир
и опять его не узнавали
и вращался шарик голубой
в цепкой лапе белки заводной
на армагеддонском карнавале

С СУМОЮ ДО СУМ

Путешествую в Сумы
с потёртой сумой
моя старая сумка
набита хурмой
раздаю по одной
по одной раздаю
точно рыжие солнца
с ладони дарю
Вам не надо хурмы?
отдаю просто так
за какой-то пустяк:
за пятак, за табак
почтальону -
за пару вчерашних газет
старику - за совет
дураку - за привет
А мальчишке
разящему палкой росу
за веснушчатый свет
у него на носу
Вот и Сумы!
Но стала пустою сума
Видно Бог пожалел мне
большого ума
Я суму развязал
там гуляет сквозняк
в уголок завалился
потёртый пятак
в край газеты
завёрнута горсть табака
где совет старика?
где привет дурака?
Но когда я суму
посмотрел на просвет
мне блеснул сквозь прорехи
веснушчатый свет

ЧЁРНЫЙ КВАДРАТ МАЛЕВИЧА

Что ты видишь?
Я вижу чёрный квадрат.
Это великое произведение! – мне говорят.
Неужели ты думаешь, что галиматью и ахинею
мы поместили бы в Третьяковскую галерею?
Ты знаешь, что он стоит безумно много?
В нём художник изобразил нам идею Бога!
Подошёл поближе,
раз говорят.
Ничего не вижу –
квадрат и квадрат.
Только чёрный цвет,
только белый фон,
ничего там нет
с четырёх сторон.
Квадратная чернота,
за ней – ни черта!
А впрочем, не даром же все так с ним носятся!
Вон два очкарика подозрительно косятся.
Наверное, думают: пришёл тут лох!
Сидел бы в деревне, ловил бы блох.
Дай-ка ещё подойду поближе,
может, и правда чего увижу?
Подошёл – на краске паутина трещин,
где краска гуще, где краска тоньше...
Вот вроде вижу каких-то женщин,
людей каких-то везёт паромщик...
От напряжения цветные пятна
в глазах поплыли, то свет, то тени,
и стало сразу мне всё понятно.
Да, это точно: Малевич – гений!

Ян Маклайн

Евгения Баранова

Родилась 26 марта 1987 года. Поэт, прозаик, магистр информационных технологий. Именно в таком порядке. Родным городом считаю Ялту, значительную часть времени провожу в Севастополе. С 2003 года принимаю деятельное участие в собственной литературной судьбе. В 2009 году появилась электронная версия книги «Зеленый Отсчет», куда вошли избранные произведения 2003-2006 года. В начале 2012 года появится – надеюсь – вторая книга, название которой я еще не придумала. Кроме литературы привлекает музыка, живопись, кинематограф, handmade. Больше сведений можно почерпнуть из **http://hoagoa.org.ua**, являющийся моим официальным сайтом. В свое время некий безымянный критик отнес меня (вместе с моим творчеством) к персонажам контркультуры – это звание продолжаю носить с некоторой гордостью до сих пор. Литература в моем случае – призвание, профессия, выбор.

WhiteHorse

Белые сумерки.
Белая лошадь.
Жесткая грива в руках молодых.
Звезды - копыта.
Огнями горошин
катятся брызги хмельных мостовых.

Полая истина. Пьяная правда.
Сочные взгляды обманутых дев.
Белая лошадь проходит кентавром,
даже хвостом никого не задев.

Выйти, пройти, пронестись, раствориться.
В темных аллеях нащупать покой.
Белая лошадь – бессонная птица –
жадно и жарко зовет за собой.

Весна. Дожди

Весна. Дожди.
Приёмыш февраля.
Приемная еще закрыта,
ибо
в молочных лужах талая заря
напоминает раненую рыбу.
Весна. Дожди.
Неловкости свеча
горит во всех,
включая модернистов.
Нельзя молчать — и хочется молчать,
цедя слова, как топлива канистру.
Весна. Дожди.
Из папки берегов
глядит картон без пятен акварели.

Был вечер

Был вечер как холодный виноград.
Плыл разговор в расставленные ровно...
Ты не был ни смущен, ни виноват,
но лучше бы ты чувствовал виновным.

Был вечер как примятый апельсин.
Как теплоход, застуканный отливом.
Мне сложно находиться на один...
И привыкать.
И выглядеть красивой.

Мне сложно.
Из незапертых дверей
глядит туман.
И память привирает.
- Не приручай ни женщин, ни зверей.
От этого обычно умирают.

И жалею, и зову, и плачу

И жалею, и зову, и плачу.
Горек мир отброшенных вперед.
Подарили — крестик на удачу.
Говорят — до свадьбы заживет.

Дым пройдет. И яблоки проснутся.
Редкой птицей вылечу на свет.
Наступает время революций,
как избитый вовремя сюжет.

Наступает.
Солнышко алеет.
Почему-то Ливию бомбят.
И зову, и плачу, и жалею.
Жизнь моя!
Приснись ко мне назад!

Манитоба

Мы уедем в Манитобу.
Что бы ни случилось, что бы
ни тряслось на свете этом,
мы уедем.
— Едем летом?

Край лосиный, край сосновый.
Комариный, ледниковый.
Как тайга, но только ближе.
Там деревья носят лыжи.

Там озера строят глазки.
Там почти как на Аляске.
Там белуги ждут весну.
Едем в Манитобу, ну?

Длинные мысли

И это страшно. Страшно. Ты понимаешь?
Лопнет пружина. Винт соскользнет. Живой
станет прозрачным. Время сотрет, как Vanish,
каждое пятнышко, сброшенное тобой.

И это грустно. Вряд ли ты был живее,
чем фотография. Вряд ли уметь хотел.
Что-нибудь чистое. Яркое, как Гилея.
Что-нибудь честное. Горькое, как Бодлер.

Весь этот полдень-мир с детородной спесью,
с бомбами, бабами, клубами (все дела)
стоит гораздо меньше твоих депрессий.
Нет никакой поэзии. Умерла.

Талантливым

Талантливым быть.
Тяжело.
Тя-же-ло.
Не верите — можете сами решиться.
Все та же зола, приносящая зло.
Все та же заря у зимы-продавщицы.

Талантливым быть — расстоянием быть,
для каждой рубахи смирительным вздохом.
И левую руку для правой рубить.
Талантливым быть — удивительно плохо.

Тащить свои скорби в игрушечный горб.
Бродить по пустыне под тяжестью жеста.
Талантливым быть — бесконечный укор.
И горечь, и праздность, и даже блаженство.

Талантливым быть — до распахнутых звезд.
Быть скрипкой — немного, решительно, нервно.
Талантливым быть — гениальный вопрос.
Быть первым во всем. Одиночество первых.

Серж Генсбур

- у меня есть душа, душа.
- (ливни слушать, любви лишать).

- у меня есть глаза, глаза.
- (как убийца глядеть в вокзал).

- у меня есть печаль, печаль
- (как в пакетиках черный чай).

- есть на память двенадцать крон,
- есть на память стеклянный слон,

- есть досье, дневники, чердак,
- есть красивое слово "да".
- есть поэзии рваный след!
Потому ничего и нет.

Мой паровозик со скользких рельсов"

Мой паровозик со скользких рельсов
сойдет когда-нибудь в облака.
Стреляй — не думай.
Стреляй — не целься.
Да будет нежной твоя рука!

Да будет дом твой всем прочим равен.
Да будут дети, да будет кот.
Мой паровозик,
он так забавен,
его хоть кто-нибудь да собьет.

Так почему же — не ты?
С мишенью
гораздо легче лететь на юг.
Стреляй, не бойся,
мы только тени,
чужие тени в пустом раю.

WWWest

Ника Батхан

Литературный работник широкого профиля (поэт, писатель, рерайтер, журналист, редактор, литкритик), фотограф, мама двух дочек, воспитательница многочисленного кошачьего стада.Родилась я 28 сентября 1974 года, в Ленинграде. Фамилия моя в переводе с идиш значит «батхан», бродячий комедиант, который играет на свадьбах. Псевдоним «Батхен», появился из «переделки» фамилии в Израиле - «бат-хен» дочь улыбки. «Ника-тян» - от Нэко-тян из «Подробностей жизни Никиты Воронцова», последний подарок бывшего мужа (и никакого аниме!). Я успела прожить богатую и невероятно насыщенную жизнь. Очень люблю путешествовать, особенно «диким туром» по старинным городам . Обожаю танцевать. Влюблена в историю. Очень много читаю. На данный момент я живу в Москве, в районе Речного вокзала, на съёмной квартире, с детьми и котиками.

Гостинец

У неё, красивой, будильник, заведённый на семь ноль пять,
Но она просыпается в полшестого, оттого, что не может спать,
Жадно слушает, как в постели дышит хомо - такой смешной,
Как снежинками захрустели сны о свадьбе с чужой княжной,
Капля пота по тонкой коже, тень свисающей простыни...
Эти дни у людей похожи, соответственны эти дни.
До рассвета дышать и вещи собирать и просить "звони",
Слышать голос - наверно, вещий, чуять запах чужой стряпни.
Расставаться конечно рано, но будильник звенит "пора"
И у бога другие планы на остывшую часть утра.
Хомо - хомини. Что, домини, ты бы смог переждать в селе?
Любоваться, как лёгкий иней рассыпается по земле,
Сыпать в ясли сухое сено, гладить морду и бок вола,
Не тревожить жены поныне, если поздно вчера легла,
Променять всех на свете грешных на живое тепло и пот?
Посмотри, как растёт орешник, как плывёт по теченью плот,
Зреет плод...
Закрывают двери. На такси до метро. Пока
Нам нелепым дают по вере, от дыхания до глотка,
Ожидание будет длиться, заскорузлое что кора,
Будут мститься чужие лица, телефонные номера.
В номерах засыпают обок - просыпаться наедине,
В суматохе звонков и пробок независимо леденеть...
Страстным страхом пропахло ложе. Кенотаф. Бастион. Нора.
Капля пота по тонкой коже. И будильник - на семь утра.

* * *

Уходя - гасим свет.
Разбиваем к чертям зеркала.
Сыплем снегом из окон слепые клочки фотографий.
Жизнь была разноцветной, сколько память ни мой добела,
Сколько кокон ни вей, сколько писем ни вбухивай в трафик...
Тоник - джинн, волшебством умаляет тоску.
Скуку прочь. Боль на сук - пусть качается пулям в осечку.
Ловишь взглядом осоку, привыкаешь ногами к песку
И вцепляешься в руль, чтобы снова не въехать на встречку -
Встречи нет. На иконе угрюмый маяк.
Без ветрил в окоём под удары грозы горизонта.
В перекрестии мая - моя. На губах засыхает коньяк.
Наизнанку пропахла подушка твоим табаком. То ли сон то
Ли сны - не о нас ли звонит колокольчик фарфоровый в жёлтом Китае?
Таю я. Кто же ты? Твой осколок занозой в груди.
Уходи.
Гасим свет.
Слышим звон.
Собираем ползком прошлый снег. Он не тает. Не тает.
Не тает...

Поздно.

Она приключилась с тобой.
Где-то в баре, лохматая, в стельку.
Жадный рот, горький пот, взгляд навылет и вот
Собирая в родную рубашку чужую истерику,
Воровски зарываясь лицом в эти тёплые волосы, понимаешь - попал.
Она плачет в такси. Лямка лифчика режет плечо.
Ты сжимаешь ключи - обогреть, подлечить... боже, губы твои горячи,
А ладони как лёд... Она смотрит навлёт.
Её нет в этом теле почти три недели, в дальнем Дели она поёт
Ни на йоту не делаясь ближе. Кожу лижет
Электрический свет. Отбой.
Эта дура приключилась с тобой.
Можешь выбросить в Мойку мобильник, сменить пароли,
Дать по рылу своей социальной роли.
Уехать в Гоа, забить на кризис и зимь
Купить себе десять Зин и бензин с резиной,
Сбежать обратно, затеять инцест с кузиной,
Достать из кармана шарик, убедиться, что он голубой.

Не поможет - она уже приключилась с тобой.
Канет год - ты забудешь, как её даже звали,
Как вы любили друг друга на трубах в грязном подвале,
Как орали и утирали снежинки с курток.
Как она носочком вминала в асфальт окурок,
Как уснула пьяной, тяжело, невпопад дыша.
Как ты понял - у тебя и у неё есть душа...
Ты сжимаешь ключи. Из скважин на тебя заскрипел замок.
Ты был важен и напомажен и по правде уже не мог
Одиночку оторву дуру волочить, как палач Жанетт,
Безупречить бичом натуру, слышать звон золотых монет,
Видеть - вот она в интернете, белой ручкой сжимает чат.
Ей молчат - и тебе молчат. Она поёт себе в Дели.
Её здесь нет.
Видишь - баре в стерильном баре пьют коктейли, читают "Дэйли"
Их подруги готовят луки, сладкогубы и белоруки,
Они знают свои законы, чтят журналы и ини-яни.
Что ты смотришь, как на иконы, в очи этой нездешней пьяни?!
Убирайся и хвост трубой, будет лучше, майн либер бой...
Поздно.
Она приключилась с тобой.
Лунным вечером генваря. Тварь. Любимая. Зря.

Хвостиком махнула…

Золотая рыбка любви
Уплывает перед самым рассветом
Проснёшься - а аквариум пуст.
То есть нет - там остались улики -
Улитки, мокрая галька, другие рыбки,
Пузырьки воздуха, запах моря...
Проснёшься, поставишь чайник, сделаешь бутерброды.
Засыпешь рыбкам свежего корма,
подумаешь - этот стеклянный ящик
так громоздок - не вписывается в пейзаж...
Включишь-выключишь телевизор.
Не пойдёшь на работу.
Поймаешь рыбку сачком - окунуть в масло -
Отпустишь - жаль.
В подъезде ничей котёнок.
В холодильнике - рыбка в банке.
У старух перед самым метро - золотые солёные тушки.

Ничьи подружки так любят стряхивать чешую
С перепачканных пальцев...
Золотое кольцо. Автобус.
Углич. Суздаль. Гостиница "Рыболов".
Звонит начальник: выгодный фрахт.
Москва. Постный день. Рыбный супчик в столовой.
Квартира. Мама. Сестра подала на развод.
У племянника грипп.
Задашь рыбкам корма - ишь встрепенулись,
Глупая мелюзга.
Включишь-выключишь телевизор.
Сядешь перед экраном, проверишь почту.
Скринсейвер - рыбки.
Золотые.
Не те.

* * *

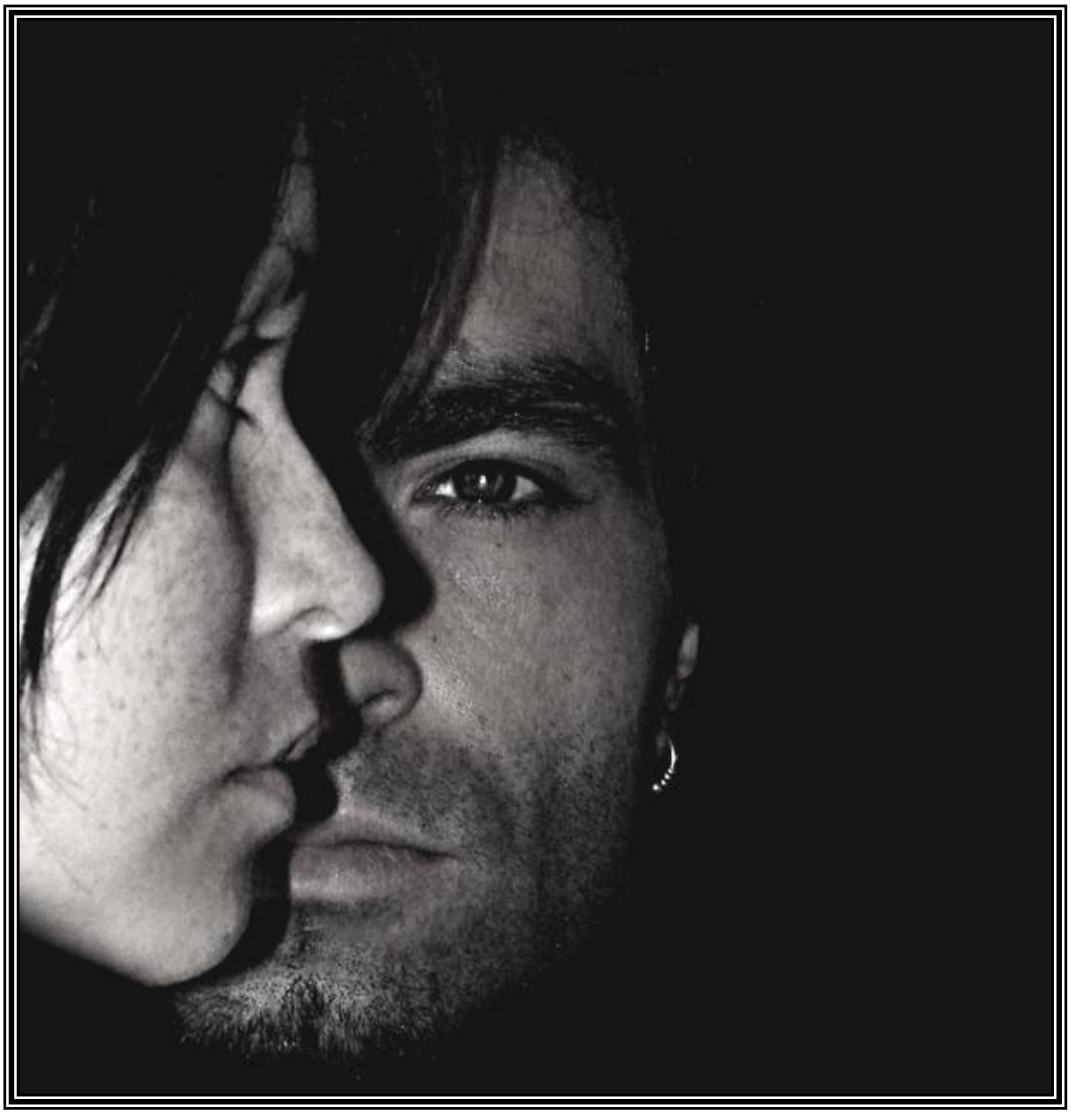
Летальный исход из любого яйца -
Разбитость о бытность.
Царапает царь
Усталую шею парчовой петлёй.
Умрёт - и наутро картофельной тлёй
Проснётся на грядке в холодной росе,
А ныне пред ним расстилаются все.
Моя скорлупа в зеркалах изнутри
И словно урод с Нотр Дам де Пари
Я прячу глаза, закрываю лицо,
И тёмным птенцом заполняю яйцо.
Слепой василиск, громогласный горбун
Зверею, расту и готовлю гарпун,
Чтоб в ночь пробужденья рывком расколоть
Зеркальную твердь и небесную плоть.
Падение в смерть. Истечение вод.
Раскрытые крылья. Летальный исход

Баллада о холодной ночи

"Главное, мин херцн, это искренность"
В. Никритин

Кесарю — косую, суке — выспренность,
Пастырю — глухие пустыри.
Главное, мин херцн, это искренность.
Наболело — так и говори.
Что брести в метель замоскворечицей,
Что ловить трамвайное тепло.
Прячешь плечи. Знаю, время лечится.
И проходит, если повезло.
Уезжай по тряской равнодушице,
Набирай по памяти звонок.
Если я отвечу — дом разрушится.
Промолчу — останусь одинок.
Что слова — бесплодные и скудные.
Посмотри на чахлое бытье.
Я пойду на улицы безлюдные,
Половлю на деньги забытье.
И вернусь, пустой и неприкаянный,
Безоружный, словно инвалид.
Знаешь, если ночь гулять окраиной,
Поутру всегда душа болит.

Alla-soul



Леонид Борозенцев,
Родился в 1971 году, в городе Винница, где и живу сейчас. Филолог по образованию. Писать начал в 1991 году. Печататься – в 1994. Идеолог поэтической группы «Лирики Transcendent'a», один из основателей движения и ринг-рефери поэтических боёв, слэм-мастер, Председатель Винницкой областной организации Конгресса литераторов Украины, участник оргкоманд нескольких поэтических фестивалей, соучредитель литературного сайта www.litfest.ru. Печатаюсь в периодических изданиях Украины, России, США. Автор книг стихов: «Холодный рубеж» (Киев: Generation P, 2000), «Листополь» (Винница: Континент-прим, 2007).

ИГРА В КЛАССИКИ

Я могу в одиночестве из немоты
Извлекать потаённые в ранах хиты
От машинной рассветной возни за окном,
До тоски мемуаров при свете ночном.

Я умею изящные строить мосты:
От весны – до черты, от чертей – да в кусты,
Зажимая зубами бикфордову нить
Меж словами, которым нельзя изменить.

Я умею без жалости ставить кресты
На своих золотых отголосках мечты,
И потом мышинально сгребать их в нору,
И вести на подтекстах двойную игру.

Я умею из истин подкожных, простых
Вербовать понятых – сроком до запятых,
Что меняют все смыслы – до наоборот
И всё тыльное явным выводят на фронт.

Я умею: а, впрочем, чего там уметь,
Если Смерть на бумаге – лишь в вечность конверт,
Если рифмой по фене – не пулей в висок,
Если строчки хоть прямо, хоть наискосок –

Всё уйдёт неизбежно в огонь суеты,
И никто не заметит...
ну, разве что – ТЫ.

РЫБЬЯ ЛЮБОВЬ

Без неё задыхаюсь: чужая вода — стекло,
Пресным рыбам нет места в солёной, чужой любви.
Мне на лишние роли нещадно всю жизнь везло,
Но прошедшим сквозь сеть — из обрывков гнезда не свить!

От обид зарывался в отчаянных писем снег:
Так мечталось тепла, так хотелось вестей благих…
Я срываюсь с крючков, а глаза застилает смех.
«Да кому ты такой?..» — лишь идут по воде круги.

* * *

К вечеру вновь выдыхаются красок оттенки,
Тешась усталостью, в двух или трёх замирая.
Медленно катится в ночь, как монета в пристенке,
С крыши сорвавшись, Луна: с её острого края.

В мутном колодце двора отражаются звёзды.
В пепельных окнах и луже — зеркальном обрывке
Неба льняного. И, кажется, миг этот создан
Вечностью и молоком в незавязанной крынке.

* * *

Пригубим пятьдесят... Отлегло, отлетело
Столько призрачных лет после выхода в космос.
Достучаться до неба казалось так просто:
Нужно быть лишь порядочным, честным и смелым.

Даже пульс различим там, на главном радаре,
Там нас любит — звони, чтоб почувствовать зуммер.
……..
Я звоню, но как будто внутри кто-то умер
…и в мобилке неслышно смеётся Гагарин.

* * *

Ты не спишь. К твоей спальне стекаются крысы
Непривычно янтарные, ждущие занавес.
Застывая у лунной черты без движения,
Они слушают пульс уходящего времени.

Ты их гонишь под полог, в суфлёрскую, к выходам,
Ты их водишь по ранам, ты глушишь их музыкой,
И, барахтаясь в неиссякаемой простыни,
Снова всё проклинаешь и просишь безумная,

Чтоб они не исчезли с рассветом, чтоб ожили,
Чтоб вернулись к тебе…
И одна из них — я.

* * *

Девочка, ты говоришь, что танцуешь,
но тени — тусклы, зрачки — немы.
Не открывай свой ЖЖ всуе:
твой Наутилус увёл Нэмо.

Время — река, но пуста фляга —
впрок не напиться минут счастья.
Кто он: Гомер, Маргадон, Яго, —
путник, что долгие сны скрасит?

Вот и весна — вразлетай юбки,
дни веселей, но саднит память —
бросить бы всё, да растёт Юрка,
и не уткнуться в плечо маме.

Девочка, в танго на три клетки
лестничных (больше ли нам нужно?)
мир на ладони застыл склепом —
спелой улиткой в пустой кружке.

* * *

Никогда не читал ни Клару, ни даже Маркса,
Не воровал кораллы, клавир, маслины,
Не возводил напраслину вслед Хармсу
И не плевал незаметно врагам в спину —

Бабушки падали, Карл разводил нищих,
Рос Капитал, Энгельс писал ксивы —
Много ли нужно тем для мозгов пищи?
Чтобы спастись, нужно ли быть красивым?

Время течёт гулко и ткёт струны
Наших с тобой жизней, гитар, нервов,
Если тебе будет со мной трудно —
Только скажи — я оборвусь первым.

ГРАММАТИКА 2000

| **Диптих** |

1. Введение

Для кого наши правила точат ножи?
Для кого мы придумали все падежи?
Мой предательный друг, обвинительный брат,
Для кого мы пред ложным взросли во сто крат?

А когда сотворительный главный падеж
В именительных нас попускает мятеж,
Кто в родительном взгляде потушит упрёк?
Если б Авель был жив…
Если б Каин не смог…

2. Золотое сечение

Здесь, меж складками грузных столетий,
Между будущим и настоящим,
Где танцуют костры междометий,
Заслоняя всех нас — подлежащих,

Где глагольны крикливые формы
Обстоятельных вестников мира,
Где согласные служат лишь фоном
Для смягчения гласных кумиров.

Здесь, в беззвучнострадательной связи:
Присмыкание и управление,
Мы справляем предательский праздник:
Неимущих слогов ударение.

* * *

Новый мир бестелесных Контактов выгружает из жизни и быта,
Притупляет на кончиках пальцев ощущенье обид и вины.
Окунешься — и как не бывало ни Ремарка, ни Хэма, ни Свифта,
Ни знакомых по лестничной клетке, ни вчерашней привычной страны.

Сядешь в поезд, откликнешься в аське, и дорога под клавиши ляжет,
Накренится озябшее небо, замедляя бессмысленный бег.
Вдруг очнешься, а в пасмурной Риге больше яркого нет трикотажа,
И под питерским вяленым солнцем каждый третий прохожий — узбек.

Что за бред? Возвращаешься в Googl, теребишь поисковые службы,
Бесполезные ищешь ответы на "что делать?" и "кто виноват?",
Но страницы ответствуют: Error. Вот и там никому ты не нужен.
Все, что мог, ты, дружище, прощелкал — обращайся к Йцукен в приват.

* * *

Вот поезд из утлого «А» — в беспросветное «Б»,
Где стрелочник Анна готовит из дома побег.
По жизни идя, как на рельсы, как в водную гладь,
Она его помнит, и это — увы, не отнять.

Она ему верит, а поезд отчаянно мчит,
И это уже не возможно ни кем залечить,
Как будто земные стихии все разом впряглись
Стянуть в один узел все беды. О, Анна, молись!

По лисьи молись, изощренно. Я — Каин — твой брат,
Который предчувствию встречи смертельно не рад,
Который не знает ни Яго, ни Герды-сестры,
Который вторым на алтарь присылает дары,

Манкурт своей страсти, пророчества книжного раб,
Заложник Шекспира, стишат неизбывный арап.
Бегущие строчки табло, полыхая огнем,
В воронках глазниц просочились в ночной окаем —

Читай и молись, и хотя бы в молитвах не лги,
По смерти моей император оплатит долги.
Я каменный гость твой сегодня — кричи-не кричи…
Я встречу тот поезд запретный сегодня в ночи.

Денис Сергеев

Лора Векслер

Родилась 35 лет назад в Санкт-Петербурге, где и живу по сей день. Моё настоящее имя Анна, но публиковать стихи предпочитаю под псевдонимом Лора Векслер. Пишу с ранней юности, можно сказать – с детства. Согласно мнению программы Word, пишу иногда экспрессивно и просторечно, даже используя жаргонные и бранные слова порою. Ну, что ж, компьютерному монстру виднее. По образованию филолог. Долгое время работала корреспондентом на телевидении. Сейчас занимаюсь веб-дизайном, в основном, а также фотографирую всё, что кажется мне интересным. Мои литературные предпочтения весьма разнообразны, но вне конкуренции из русских классиков всё-таки Фёдор Михайлович Достоевский. Также люблю Чехова, Булгакова, Аверченко, Довлатова и многих других. Среди поэтов наибольший интерес вызывают Бродский, Маяковский, Цветаева, Гумилёв, Пастернак. В зарубежной литературе предпочитаю Курта Воннегута, Рэя Брэдбери, Станислава Лема, Германа Гессе и так далее. В музыкальных предпочтениях царит не меньшее разнообразие, но чаще слушаю классику и рок. В спорте предпочитаю „три Ф”: футбол, Формула-1 и фигурное катание. В людях ценю порядочность, интеллект и чувство юмора.

Кухонный Бог

Ты вчера говорила с Богом –
…Он живёт над плитой, на кухне.
……Там – в подтёках масляной краски –
……Ты увидела лик печальный.
Рассказала Богу о многом:
…О сломавшемся старом бубне,
……Что ты вытащила из ряски
……На запруде в своём квартале;

И о том, что Его коровки
…Улетать не хотят на небо,
……Сколько ты об этом ни просишь,
……Поднимая с букашкой пальчик;
А ещё, что вчера в коробке
…Ты припрятала мякиш хлебный,
……Чтобы вылепить кошку Фросю
……С «бабыклавиной» летней дачи;

А ночами из серой шляпы
…Вылезает ужасный Крурум
……(Ты сама придумала имя) –
……Он похож на «псабаскервила»;
Рассказала также о папе –
…Как ругает последней дурой,
……Напиваясь порою «вдымень»
……(Это бабушка объяснила);

Как тогда достаётся маме –
…«На орехи» и «по заслугам»,
……Как невкусно пахнет от тряпки –
……Ей «плевотину» вытирали;
Что стекла не хватает в раме…
…Что мечтаешь иметь подругу…
……Как обидно по морде тапком…
……Как спокойно у тёти Вали…

Ты растёшь, становясь умнее
…(Или старше?). И постепенно
……Боги, феи и человечки
……Тают, точно подтёр их ластик.
Ну а Бог дождаться сумеет
…Новой видящей лик настенный.
……У него ж впереди-то – вечность
……(Стены вряд ли здесь кто покрасит).

Непарадный П

Раб параллельных рельсов, громыхая,
Ползёт тихонько в сторону депо.
Последние из тех, кому всё "по..."
Спешат вернуться в клетки, задыхаясь
От запахов подъездных. Дряблость пор
Прикрыв рекламными щитами, Двор Апраксин
Тревожно задремал и видит сон,
В котором на казённый миллион
Таких родных американских баксов
Ему отремонтирован фронтон.
Подмигивая окнами, трущобы
Заигрывают с пьяными, а те,
Наощупь продвигаясь в темноте,

Пытаются не заплутать. Ещё бы!
Ведь где-то ржавый чайник на плите
Пронзительно горланит, выкипая,
И лампа излучает жёлтый свет,
И обещал проставиться сосед,
И кажется, что далеко до "края",
Когда задорно-подзаборный "цвет"
Шуршит по лабиринтам коммуналок,
Подобно тараканам, и всегда
Готовы прошептать бессвязно "да"
На дармовщинку толпы "зинок-галок" -
Не синеглазых - синеносых дам.
Над этим всем незримо Достоевский
ПарИт и понимает, что, увы,
Не завершить плетение канвы
Романа. Лишь парадно-алчный Невский
"Достоин" обращения на "Вы".

Необратимость

За мутным немытым окном, выходящим на север,
Стакан за стаканом вливая в иссохшую глотку,
Чумная старуха в изношенных грязных колготках
Глядит через дырочки тюля, как плюшевый цербер
Заходится тявканьем. Вторит старуха дворняге –
Её глупый смех переходит в прокуренный кашель.
Забрызгав подобье фиалки слюною и кашей,
Она затихает и вновь наполняет из фляги
Дешёвым горючим гранёную липкую тару…

…А помнишь, Кармен, ты когда-то пила из бокалов
Напитки богов и цветастою птичкой порхала,
Меняя пажей на пижонов? Любовным нектаром
Косила, как смерть на войне, только самых заметных:
От чуть лысоватых (душой молодых) ловеласов
До старцев-идальго – почтенных мужей седовласых,
Врываясь в их жизни, неслась вертихвосткой-кометой.
А помнишь, Кармен, первый завтрак с любимым в постели
Под звук патефона, шипящего голосом томным?
А помнишь, казалась тебе отвратительно-тёмной
Душа старушенции, тихо бубнящей за стенкой?
А помнишь, как маленькой девочкой по коридору

Бежала, играя в пятнашки с соседским мальчишкой?
А помнишь нелепый рояль с поцарапанной крышкой
И первый урок с «сольфеджисткой» (там что-то про «дО-ре…»)?
А помнишь? А помнишь? А помнишь, какими все были?

…Загнулась фиалка… издох под колёсами цербер…
За мутным немытым окном, выходящим на север,
Невидима фляга под слоем слежавшейся пыли…

Аритмия имени Андерсена

Другу, покончившему с собой много лет назад.

Герда – Снежной Королеве

Здравствуйте, Ваше Величество Снежная Королева!
Вас беспокоит Герда. Может быть, даже помните:
Как-то лютой зимой мы с Каем сидели в комнате,
А Вы умыкнули «братца». Я же – за ним на север…
Впрочем, история давняя. Я не о том хотела
С Вами потолковать. Есть у меня к Вам просьба:
Вы же волшебница? Сжальтесь – сердце мне заморозьте.
Сил больше нет терпеть. В каждой пурге-метели
Чудится Кая лик. А телефонный зуммер
Изводит меня надеждой на то, что возможна встреча.
Но Кай… как бы Вам сказать… давно собрал слово «вечность» -
Уж больше десятка лет
как умер.

Снежная Королева – Герде

Приветствую, милая Герда. Помню – не склеротичка.
Печально твоё известие. Что ж не писала раньше?
Просьбу твою исполнить не тяжело, но дальше
Что ты делать-то будешь? Думаешь, сердце птичкой
Оттрепыхалось – и баста? Как бы не так! Наивность
Твоя не знает границ. Лёд – не хрусталь. Растает,
Коль холодность не хранить. Или готова стать ты
Кем-то вроде меня – гордой и строгой дивы,
Которая не рыдает лишь потому, что в курсе:
Плачущих добивают, слабые не в почёте?
Или ты полагаешь, что с этой жизнью счёты
У королев сводить –

не во вкусе?
Думаешь, я не пытаюсь напялить почти на всякого
Образ чУдного мальчика, которого мы делили?
Думаешь, мне не больно? Ледяные – вне водевилей?
А впрочем, всё, умолкаю.
Не «якаю».

Герда – Снежной Королеве

«Якайте», леди, «якайте». Я Вас готова выслушать.
Разнимся мы, выясняется, лишь склонностью к откровенности.
Думаю, в равной степени, нам тяжело свой крест нести,
Хоть я не привыкла властвовать,
Вы –
служить.

Снежная Королева – Герде

Понимаешь ли, Герда, деточка, мне сказал по секрету сказочник,
Что потери на этом не кончатся. (Чёрт дери инфантильного гения!)
Он из нас варганит Русалочку,
Обречённую быть неоцЕненной
Обладателем маски каевой.
Станем
пеною
Очень скоро, сестра по глупости. Мы с тобой – единое целое.
Ты – не гордая, я – не смелая,
Но,
Хоть никто её не заметит,
Обе будем прекрасны в смерти:
Пена – белая.

Григорий Гаврилов

Родился в 1986 г. в деревне Малое Думчино, Орловская область. В настоящее время живу в Орле. В 2009 г. окончил Орловский государственный университет (ОГУ), в данный момент – аспирант ОГУ. Публиковался в журналах «Лампа и дымоход», «Зинзивер», сетевом издании «Новая реальность». Литературные предпочтения: Велимир Хлебников, Маяковский, Достоевский, Белый, Кортасар.

Сон

Я сплю.
Мне снится кобылица,
В ее утробе - жеребенок,
Он тоже спит
И видит сон,
В котором - женщина,
В ее утробе тоже спит ребенок,
Который тоже видит сон,
В котором - человек,
Который спит,
И это я.
Родится человек,
Родится жеребенок -
И я проснусь.

Свидригайлов уезжает в Америку

(или «Эмигрант на тот свет». великорусскольтературный стих)

Он собирается уехать.
В Америку.
Жена
закатила б истерику,
если б была жива.
...
Уже собраны чемоданы.
- Который час?
- Без двадцати.
- Без двадцати чего?
- Какая разница?
Без двадцати конец.

Уже готовы чемоданы.
Уже заряжен пистолет.
Он выходит на улицу.
Здесь
туман прохожих ест
как через десятки лет
в стихе Маяковского,
достает пистолет
и уезжает в Америку.

Как я стал деревом

Сегодня я приехал в деревню,
здесь я вырос.
Или я вырос не здесь?
Здесь все изменилось,
куда-то делась липовая аллея,
куда-то делись дети, которыми были мы.
Здесь все изменилось.

Вот дядя Коля, от которого мы бегали,
которым нас пугала Ленка,
он превратился в смешного старика,
оказывается, у него синие глаза.
Дядя Коля тоже изменился.
Зачем ему синие глаза осенью?

Оказывается, деревня такая маленькая,
что мне тесно ходить,
поэтому я стою.

Здесь люди живут в таком узком мире,
что есть всего лишь 4 шага.
И все они - на месте.

Только полдень,
а мои ноги уже пьют воду земли.

Здесь люди пьют, чтобы ничего не хотеть,
здесь очень долго идет время.
До вечера еще очень далеко.
Здесь все люди знают друг друга так долго,

что никогда не говорят правды.
И я молчу.
Здесь деревья помнят дольше, чем людей.

Птица. На меня села птица.

Здесь нельзя думать о жизни,
потому что из-за этого можно умереть,
потому что тогда нужно будет идти.
Но мне нельзя идти,
потому что на мне спит птица.

Здесь можно жить только одному
и не больше одного дня,
и только если уйти в лес.

Наверное,
я останусь здесь.
Нужно зацепиться за воздух
Нужно зацепиться за воздух,
Чтобы не стать пленником земли,
Чтобы не спать в животе земли,
Чтобы не стать, как сырые дрова,
Которые не горят,
не греют,
Медленно тлеют,
Бледно умирают.
Нужно зацепиться за небо...
Нет тьмы
Явь - день сна.
Ночь - тень дня.
Мы - тень Я.
Я - тень Мы.

Есть тень,
Нет тьмы.

Lila, адрес автора неизвестен

Ирина Гольцова

. **..А олени-тюлени**

...А олени-тюлени, ленивы, что ли,
У села все слонялись, алкали соли.
По зелёным по склонам ольха да ясень.
День, в долину пролившись, лилов и ясен.

Что донёс он добавил глубинам-долам?
Не томился, не чах в ожиданье долгом?
Нет, чешуйкой от шишки, ольховым цветом,
Тайным смыслом скользил в ручейке прогретом.

Берлин – Берлин.

Из цикла «12 Июля»

Л.Ш.

Тянет в разные годы,
Хоть полсотни пробей,
У Музея природы
Погонять голубей -

Недалёкую птицу
Недворянских кровей,
Потрошащую пиццу
У музейных дверей.

Как задумчивый сокол
На прогулки цыплят,
Динозавры из окон
На прохожих глядят.

День берлинский малинов,
И пчелин, и душист.
На шоссе Инвалидов
Ни чекист, ни фашист

Не торчат в карауле:
Всё. Эпоха не та.
И мальчишки под пули
Не сигают с моста.

Мы свободу вдыхаем,
Как вдыхают сирень.
Выдыхаем "лехайим!" -
И мозги набекрень.

Иноземные гости.
Что нам чуждая твердь?
Древних ящеров кости,
Древних варваров смерть?

Сладко ноет свобода
Под заживším ребром
Человечьего рода.
И болит о былом.

Бела и розова...

Бела и розова ладонь,
Дыханье нянчит.
Но ранку бедную не тронь, -
Не просит - клянчит

То перескоком, то нытьём
Сердечный зверик.
И в сумму букв "переживём"
Он не поверит.

Вставьте что пропущено..

Липы. Пули. Ползунки -
Вычеркните лишнее.
Зонги, граффити, война.
Брехт, цензура, Гесс.

Два Берлина вдоль реки.
Бюргеры и пришлые.
Нерушимая стена
Продаётся здесь.

В поле, где росла она,
Бродит волчья сыть.
Радостно и сладостно
Про войну забыть.

Только в мире сущего -
Мира днём с огнём.
Знать бы, что пропущено,
Чтобы выжить в нём...

Простое

мы обеспеченные люди:
жизнь, подорожник, понедельник,
прогноз погоды, смерть и город,
где камень бел.

мы обеспечены планетой,
дано нам имя безвозмездно,
Шекспир, вчерашний день - и прииск,
где радость можно добывать.

Регенсбург

Регенсбург - надежды королей.
Камень крыльев. Сваи перепонок.
Жемчуг дня. Дуная лёгкий клей.
Мост времён шагами переполнен.

Разгадать бы хоть одно звено
В ожерелье мраморного сфинкса -
Черепиц кровавое вино
Не прольётся, не проговорится.

Так и станешь мушкой в янтаре
В галереях каменных историй.
Мелкой сошкой. Крапинкой. Тире.
Препинаньем: ни тропить, ни вторить.

Скажем, город Нюрн-берг.

Ирине Ланцберг

Скажем, город Нюрн-берг. Скажем, осень.
Близко середина октября.
Мы себя пейзажам преподносим
С непосредственностью сизаря.

И фотографируемся слитно с
Памятником чуждой старины.
С безмятежной набережной слиплось
Зёрнышко зрачка. Растворены

У собора на брусчатке серой
"Gerne"* и ванильная листва,
И летит соперничать с химерой
Шарика шальная голова.

Кадру - стоп! И было бы, как всюду:
Разгуляться - и крути кино!
Город, tschuss*! Ну как же я забуду
Дюрера сырое полотно?

Но - не так. Не ветхой паутиной
Шарма естество оплетено -
Пред октябрьской поступью утиной
Мается и пятится оно.

** Gerne! (нем.) - охотно, с удовольствием!*
*** Tschuss! (нем.) - Пока!*

Она скупа...

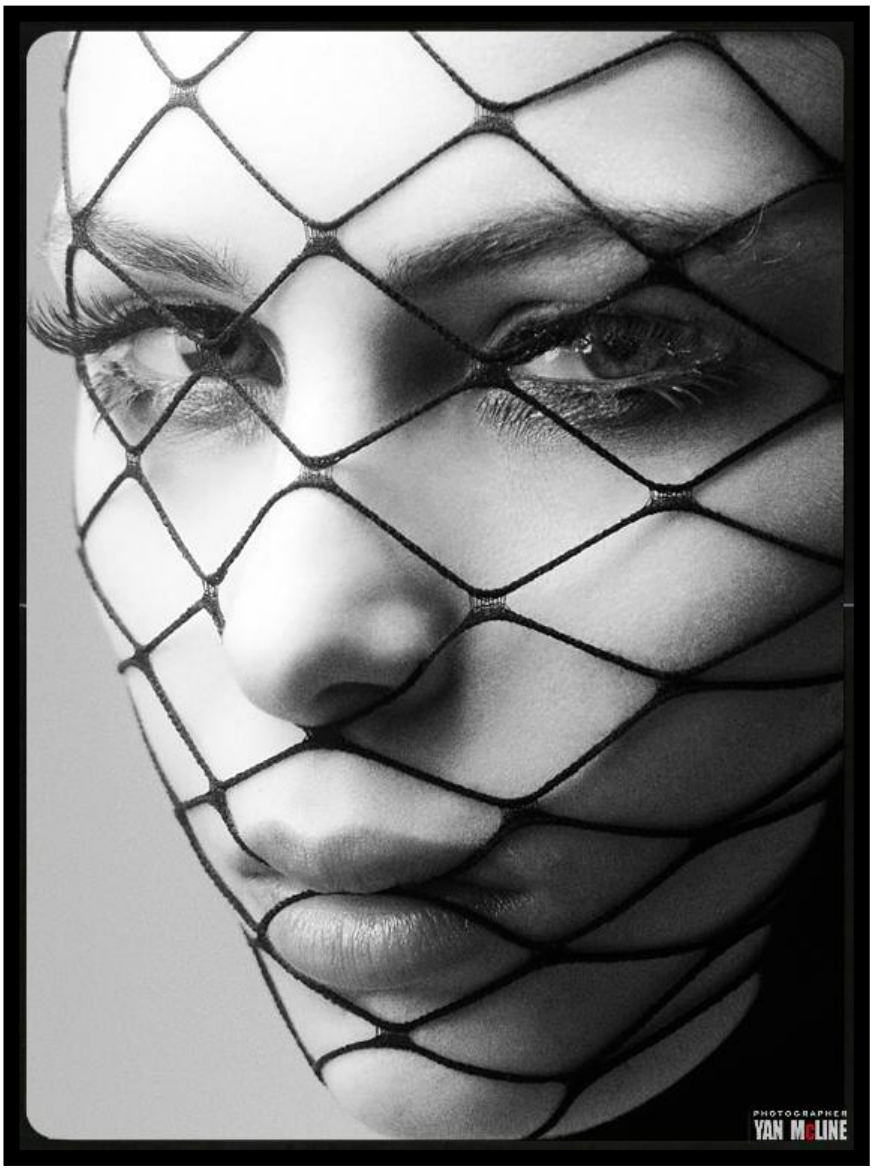
Она скупа, она жирна,
Червонна и червива,
Она глотает времена,
Как курица зерно.
Законы, чаянья, война -
Лишь почва для полива,
Извилист путь, любовь сильна,
Да ей-то всё равно.
Но камень жив и жизни рад:
Цветку у пьедестала -
И в храме Весты огонёк
Весталкам сторожить,
И Цезарь смотрит на закат,
И празднует Валхалла,
Покуда есть кому цветок
На камень положить.

Октябрь. В провинции

В провинции, где жизнь нетороплива,
Всё юной Эве кажется смешно -
Смеётся, разливая немцам пиво
И молодое белое вино:

И пена, и янтарь, и расставанья.
Броженье лоз. Последнее тепло.
Туман полей скрывает расстоянья,
И прячет ангел тёмное крыло.

Ян Маклайн



Наталья Артёменкова (Гостья)

От "здравствуй" до "прощай"

И был со мною бог…

…И был со мною бог, диковинный, как «здравствуй»
Чужого языка, и здешний, как «прощай».
И я ему была и пассией, и паствой,
И зеркалом – легко нажить и обнищать.
Едва он задышал – мои вспылили степи
И выкатилась спесь скрипучим колесом…
Зеркальная душа все вынесет и стерпит.
Не зная ничего, но помня обо всём.
До судорог зрачков бесстыдно и бессонно
Изнежив, как волна, и ободрав, как наст,
Мой близорукий взгляд монгольского фасона
Увидит все, как есть. Но виду не подаст.
От «здравствуй» до «прощай» все было не однажды –
Несвежестью белья, оскоминой во рту.
Проточность бытия, усиливая жажду,
Шлифует серебро, и подгоняет ртуть,
И уменьшает боль соломою настила,
Оставшейся от жатв у прошлости в горсти…
…И был со мною бог. И я его простила,
Как равного себе. Как он меня простил.

Хороший вечер

Просто, руками,
Чуткими и пустыми,
Трогая стену,
Заговорить как с ровней:
Здравствуйте, камни,
Как ваше время? Стынет
В каменных венах?
Связью меж нами кровной
Тянет меня
Теплую дня усталость
Переделить,
Сбыться или забыться.
В этих камнях,
Как и во мне, осталось

Столько тепла,
Но и оно струится
Мелким песком
В руки ветрам осенним,
Крупной росой
В ноги траве беспечной.
Здравствуй, стена,
Верный мой собеседник.
Хватит – о вечном…
Знаешь… хороший вечер.

Не-мадонна

Что чувствует зачеркнутое слово?
В своем родстве погашенному свету -
Что чудом не причастно, чудом снова
Не названо, не призвано к ответу,

Что, измарав не смысл, но лишь бумагу -
Свободно и ни в чем не виновато!
И кто когда сказал, что это - благо -
Принять и понести от Духа Свята ?

...Она подумает, а говорить не станет
О боли тела и о чести мужа.
И накрест грудь холстиной перетянет,
И побредет привычно стряпать ужин,

Отстирывать свой грех от полотенца
Слезами, чтобы досуха их выжать,
И выплеснуть с обмылками младенца,
И грех принять, и вытерпеть, и выжить.

И вымолчать о том, как керосином
Сгорает молоко её вселенной,
Что смерть ее единственного сына -
Мгновенная - суть легче постепенной.

...Упрека не измыслив и не бросив,
И не посмев иное кинуть семя,
Вздохнет всепонимающий Иосиф:
"Аминь! Она такая же, как все мы".

Не сплю....

На гибель ёлочной игрушки

Не сплю, не сплю… испуганные сны
Шуршат и тихо шепчутся за дверью,
Поспешно запираясь от меня.
И сто замков врезных и навесных –
Плохих примет и древних суеверий –
Не стоит взламывать и отменять:
Разбился шар. Пока звенит в ушах,
Пока глаза осколков не сыскали,
А руки пустоты не обрели –
Постой. Постой. Один неверный шаг,
И чью-то лодку вынесет на скалы,
А чью-то – остановит на мели.
Постой, постой. Один неверный жест
И то, что в мелочах непоправимо,
Непоправимо станет и в судьбе.
Весь ужас неминуемых торжеств,
Ни разу так и не прошедший мимо,
Как грипп без лихорадки на губе,
Уже разлился холодком в крови
И только ждет осколочных порезов –
Вступить в реальность - игроком в игру,
Которую и без того кривит
Зеркальная осколков бесполезность….
Постой, пока я их не уберу
Подальше от тебя и просто с глаз,
Чтоб отраженью нервному и злому
Не дать твои любимые черты.
Чтоб жизнь, увы, незапертая в нас,
Свои изгибы и свои изломы
Не возвела до ложной прямоты.

Серое

Небо все ближе… того и гляди – дотянется,
как прокаженный – очиститься – мокрыми пальцами
веры своей до земли. А она, как пьяница,
просит – пои меня!
Окна распяли пяльцами
дикий цыганский ковер с лебединой парою,
розами, палой листвой и еще с оленями –
все по стежку расшивать, распускать, выпарывать,
новое вышить по старой канве.
Аллеями
льется ноябрь – истомить, испытать нас серостью
времени выбора, будто пройти предтечею
белой бумаги зимы и чернильной смелости
«да» или «нет» - окончательного и вечного.

Четки

Так много оставлялось на потом,
Что в перечне возникли повторенья…
А слово все подыскивало тон,
Перебирало четки точек зренья,
И снова натыкалось на испуг
(как пальцы на истертую привеску),
Что за порогом повторенья – круг.
Все тот же круг. А через занавеску
Смотрела жизнь, и стоя под окном,
Круги считала, веря в обветшалость,
Пока любовь последним волокном
Скрепляла нить и все не завершалась.

Отмирают мои корневища...

Отмирают мои корневища,
Легкомыслия вянет листва.
Это почва берет свою пищу.
Это осень вступает в права.
Вот и зов улетающей стаи
Удивился, простился, затих...
Остаюсь я и в землю врастаю
Ради малых побегов своих.

Повидло

Что тебе рассказать? Все - тоска...
Вот сегодня готовлю повидло.
Режу яблоки. Судя по виду -
Некондиция и мелюзга.

Нечем даже тебя угостить -
Неказиста и жалка до боли
Горка ржавых, обветренных долек
В исполинской посудной горсти.

Только запах... Нет - яблочный дух!
Ободряет: не даром, не даром!
Спой тихонько со мной "Туман яром...",
Да гони надоедливых мух -

И заспорится дело у нас.
Сахарком и ванилькой с корицей
Все присыплется, перетомится
В драгоценный янтарный запас.

А когда опустеют сады,
Будут нам пироги да наука:
Жизнь, по сути, вкуснейшая штука,
Состоящая из ерунды.

Не люблю тебя, осень

Не люблю тебя, осень. Я зябну, грущу и болею,
Потому что ты всюду и, кажется, что навсегда.
Каждый раз, проходя по безлюдной кленовой аллее,
Я тебя не люблю. А навстречу идут холода.

Мерзнут клены мои - неразумные, бедные братья.
Тянут руки к огню и пока не боятся огня.
Как мне их уберечь? Сколько листьев смогу подобрать я -
И сама, будто лист. Подберет ли хоть кто-то меня?

Не люблю тебя, осень! Мне кажется, я пропадаю,
Растворяюсь в тоске и от этого страха бегу
По опавшей листве, а она, мне к ногам припадая,
Умоляет о чем-то, а я ничего не могу.

Andrisd

Анна Грувер 15 лет

Родилась в 1997 г, Украина, г. Донецк., участник VIII-X Международных совещаний юных и молодых литературных дарований в литинституте им. А.М. Горького, победитель (I место) международного детского поэтического конкурса «Первый автограф» (Санкт-Петербург, 2011г.), победитель (I место) всеукраинского конкурса «Малахитовый носорог» (Винница, 2011 г.), вице-королева поэтов (II место) всеукраинского конкурса «Пушкинская осень в Одессе» (Одесса, 2011 г.), победитель (I место) фестиваля «Сила ветра» (2011г.), победитель (I место) литературного конкурса «Творча юнь Донбасу» (2008, 2010 гг.).

Кристофер Робин

Кристофер Робин страшно устал.
Спутал рельсы и нитки в один клубок
головной боли и с баром – вокзал.
Он нашел себя пьяной мухой, потолок –
полом. Карты, тусклые лампы, джаз,
чашка с засохшим остывшим кофе,
за буйки заплывший правый глаз,
незнакомый Джимми, его Софья –
хороша, не так ли? Тик ли, тик ли…
Дымит паровозом в углу старик Хэм,
к нему, как к паутине, давно привыкли.
Взгляд его ухмыляется: я тебя съем,
Кристофер умоляет: не надо eat me!
Потерян билет и шарф. Бармен хохочет:
Робин, дружище, отщелкивай ритмы:
поезд без пересадок сегодня ночью.
Кристофер Робин вжимается в кресло
(soundtrack: треск нарисованного камина).
И вспоминает фигурные пряники детства,
печати (меньше ладони) с дельфином,
монограммой отца, русалкой на камне
со стершейся чешуей в обмен на четыре
ракушки и слайды, Кристофер сам не
помнит, зачем, но помнит, как вырезал
по дереву ее имя ножиком, как стрелы
Робина, но Гуда, острым, клином клин –
Кристофер Робин сегодня Шерлок,
плачет скрипка, пыльной тропой кокаин.
Кристофер Робин бродит Норвежским Лесом.

Следом за ним – две бабочки, волк и Винни.
Степь выцветает пшеницей и почерком Гессе.
Робин путеводитель читает с трудом и ныне,
сбиты колени, толк, колея, путь истинный, спесь.
Фляга – бездонный колодец, высушенный линялый
гербарий, курган, курага. Господи, я еще есть?
Господи, что же… Что же со мною стало?
Кристофер Робин падает в темную яму.
Кристофер Робин задыхается вязкой глиной.
Кристофер Робин вычислил слонопотама.
Кристофер Робин перечитал Милна.

Все запредельно

Он надевает резиновые сапоги и топчет утро. Осень.
У него спутаны мысли и волосы, на часах – восемь,
он грызет на ходу зачерствевший ржаной кусок хлеба,
«Ну почему, почему именно восемь?!», - спрашивает у неба.
«Ну зачем, зачем именно осень?!», - и хлюпает носом.
В небе летят паутинки и аисты. Все запредельно просто.

Все запредельно ясно: вот Джек, у него на ладони крыса.
Отец пристрелил ее в погребе, он слышал выстрел.
Да, Джек, это здорово. Гляди-ка, оторван хвост.
Джек, послушай, я понял, что значит возраст и рост,
это когда зарубки уже не важны, не нужны и забыты.
Джек, отдай мне ее, вот тебе камешек, и мы квиты.
У нее даже глаз выбит? Ладно, вот тебе еще лупа.
Да, Джек, в шесть у калитки… Все запредельно глупо.

Он бредет по дороге. Эй, парень, куда тебя подвезти?
Спасибо. Приятного аппетита. Больше не буду, прости.
Он машет тоненькой веткой, сбивает с травы улиток,
водителей с толку. Сквозь решето, сквозь сито
дождей пробивается солнце, и страшно болит голова,
он видит себя через десяток лет: ты, дорогая, права,
Джек сегодня не выйдет выпить, в следующий раз.
Он жмет изо всех сил на несуществующий газ.
Он достает из кармана джинсов смятую сигарету,
кажется, лето действительно кончилось. Еще одно лето.
Он садится, будто на горизонт, на край обрыва.
Ну, а как ты хотел? Все запредельно несправедливо.

Волк

Сколько ночей, Волк, ты провел у ее постели, сколько ночей?
Волк, ты заменил не одну добрую сотню сиделок, врачей,
да ты, разрази тебя гром, был заботлив, будто бы моя мать!
До времени поседевшая – она заправляла мою, Волк, кровать,
мерила лихорадку мне, осени и шажочками нашу клетку –
а там, Волк, поверь, ты и шага не ступишь – выпей таблетку,
миленький, маленький, маленький, миленький, что тебе стоит,
Волк, посмотри мне в глаза, Волк: она без тебя не завоет!

Сколько миль, Волк, ты волок ее на своей спине, сколько миль?
Волк, очнись, Волк, у тебя во взгляде – полный штиль и пыль,
рыболовная сетка, узор на скатерти, паутина, Волк, на ресницах,
Волк, ты еще веришь, что она тебе померещится или приснится?
Я увезу тебя за сотню морей, Волк, там водная гладь да тишь,
Волк, прекрати дрожать, Волк, я не выношу, когда ты дрожишь,
Волк, если ты дрожишь – значит, все кончено, навсегда, значит…
Волк, ты не изменишь этого, Волк: она без тебя не заплачет!

Сколько писем, Волк, ты написал в пустоту, сколько писем?
Волк, ты знаешь ломаную геометрию с ее биссектрисами,
захлебываешься книгами, но ты, Волк, непроходимый дурак,
если готов согласиться и снова, Волк, погляди, догорает маяк,
Волк, ты ведь был старый грубый моряк, помнишь время, Волк?
Мы выкуривали все печные трубы портовых городов и фолк
звучал из каждой дыры на нашем гордом добрейшем корыте,
Волк, когда ты поймешь, Волк: она с тобой разрывает нити!

Сто лет одиночества, Волк, сто лет и два с половиной месяца.
Сто лет одиночества, Волк, в темной каморке под лестницей.

Меч в камне

Дед говорит: "мальчик мой, все это так, поверь мне, по-детски!"
Артур отмахивается от него и задергивает тяжелые занавески.
Дед говорит: "мальчик мой, тебе предначертано вытащить меч!"
Артур встряхивает плечами (будто это можно сбросить с плеч).
Дед говорит: "мальчик мой, прошу, прекрати это, слышишь?!
Артур упрямо сжимает губы, садится за стол и пишет. Пишет:

Дорогая М.! Рождество уже топчется на пороге, коврике welcome -
(дед считает эти стертые буквы гостеприимством, а я - подделкой).
Уверен - на твоей двери уже звонит в еловых ветвях колокольчик,
когда приходит ранним утром почтальон/трубочист/молочник.

И 7 am врывается в твой дом белым голубем, моим письмом,
распахнутой форточкой. Почерк все еще неясен или уже знаком
(прости, я проболел все уроки прописей)? Милая М., привет!
Хочу поблагодарить тебя за пустую гильзу, вложенную в конверт,
я толком не знаю, что с ней делать, если ты объяснишь - буду рад.
Мне уже которую ночь подряд снится выпускающий дым Шелкопряд
и ты - в голубом платье. Болтаешь ногами на неестественном мухоморе.
М., у нас с миром - столетняя война. М., мы с миром в ссоре.
М., гадалки и газеты кричат на всех перекрестках свои пророчества
и ухмыляются: твоя судьба уже продана, ваше будущее высочество...
Я хочу, чтобы река вышла из берегов. Чтоб их всех унесло рекой.
Жаль, что так часто ты пропадаешь... М., ну зачем ты так далеко?
--
Маленькая разбойница просыпается на медвежьей шкуре.
Протирает глаза и бормочет: "где мой нож?! снип-снап-снурре,
чтоб тебя". М. пересохшими губами впивается в горло фляжки.
М. гладит воробья с перебитым крылом и шепчет: "бедняжка".
М. затыкает за пояс пистолет, старых воров и убийц, правила.
- Даа, - говорит М. в никуда. - Вчерашняя драка меня позабавила.
Маленькая разбойница тычет в бок сапогом флибустьера Билла.
- Эй, Билли, я вчера отловила Красную Шапочку - хохоту было!
Билл одобрительно хмыкает. М. с отвращением гремит кастрюлей.
- Эй, Билли, я угрохала на нее все, мне теперь срочно нужны пули!
Билл сплевывает ругательство. М. вытирает грязным рукавом лезвие.
- Эй, Билли, она запуталась в платье, когда убегала, ха, очень резвая!
Билл дружески хлопает М. по спине. М. дышит на пальцы в шрамах.
- Эй, Билли, - шепчет неслышно М. - Я никогда не бывала в храмах.
Маленькая разбойница свешивает ноги с так называемой крыши.
М. облизывает огрызок карандаша и пишет на обрывке бумаги. Пишет:

Дорогой А.! Бабушка испечет пряники к Рождеству - оно все ближе.
У нас все снежно и книжно. В этом. Как его. Ну. Ах да. В Париже.

Мы уедем

Дурная привычка - вместо себя подставлять чужие имена и лица.
Я умею вязать на спицах, он хочет разбить мне голову и напиться.
Я обвожу пальцем узоры обоев, я вижу любимого в каждом враче,
назовем меня Элис - Элис прибивает гвоздями к стене линялого Че.

Элис просыпается на полу - съежившись в колючий клубок боли.
Элис собирает себя по частям, Элис включает на полную "Polly",
Элис хамит взрослым, Элис не ходит в школу, Элис ругается грубо,
Элис хохочет, прищурившись, Элис кусает ночами подушку и губы.
Назовем меня Машенькой - Машеньку скоро сожрут медведи.
Машеньке тошно от паленого "я спасу тебя, я люблю тебя, мы уедем".

Машенька свешивается с балкона и кричит: "жвачка! love! peace!"
Машенька разбила все пластинки. Машенька хочет сорваться вниз.
Машенька продолжает сочинять Пэна в каждом встречном Питере,
Машенька пишет в завещаниях, в письмах, на стенах, в твиттере:
"пропадите вы пропадом, вы меня слышите?! слышите?! слышите?!"
Машенька не хочет чувствовать его руки и щекотное "тише ты".

Элис встречает понедельник - Элис звенит браслетами и ключами.
Элис нужно купить мыло, веревку прочнее и пачку имбирного чая.
Элис обгоняют рваные клочья облаков, соседские лающие собаки,
Элис читает в глазах собак сочувствие, прочие тайные знаки.

Это сплошное безумие, fever, туман, сон, она просто врет или бредит -
Машенька умерла от отравленного "я спасу тебя, я люблю тебя, мы уедем".

проф.Персикофф

Владимир Захаров

Родился в Челябинской области, закончил Санкт-Петербургский Технологический институт, по профессии инженер. Работает менеджером в IT. Увлекается авторской песней, литературой. Стихи начал писать в 2003 году.

Час пик

Промозглых дней назойливая россыпь
Когда коллег дурацкие вопросы
Тебя вотще нервируют и злят,

Когда из недр попутного трамвая,
Внимание от книги отрывая,
Тебе кольнет зрачок случайный взгляд

Какой-нибудь студентки незнакомой,
И ты, уже объят осенней комой,
Поднять не можешь глаз,

Но чувствуешь его нутром и кожей,
И падаешь, подстреленный прохожий,
В подземный лаз,

Когда сквозь сон на вязкий сумрак глядя,
Ты говоришь себе – скажи-ка, дядя,
А сам молчишь как сом,

Приходит ощущение утраты,
Листом опавшим вниз летишь с утра ты,
Бессмыслен как и он,
И невесом.

Ноктюрн No7

Сиди впотьмах на стуле колченогом,
Не зажигай ни газа, ни огня,
Чтоб не мешала разговору с богом
Пустого чайника пустая болтовня,

Чтоб желтый свет от лампочки 100-ваттой
На белый свет бы тени не бросал,
Чтоб, поглощен беседою приватной,
Ты сам бы как свеча не угасал.

И, тишины ничем не нарушая,
Войдет на цыпочках, туманна и светла,
В проем двери медведица большая
Полакомиться супом из котла,

Сквозь форточку сквозняк просунет руку,
Подденет шпингалеты и тогда
К тебе как к соучастнику и другу
Вспорхнет на стол полярная звезда,

А за окном, где синька и чернила,
Как вяленая вобла солона,
С упреком, что весь день тебе звонила
Удавится на ниточке луна.

О рыбаке и рубке

Со дня Бородина до плана Барбаросса
Плыви по воле волн посконная ладья
По утлым небесам с оттенком купороса,
С чугунным якорьком каслинского литья.

Настойчивый рыбак забрасывает сети,
Рука его дрожит, в глазах его черно,
Во рту его вопрос - куда девались все те,
Которые внизу. Но нету ничего.

Колыбельная для чайника

долго сижу на кухне и тру виски,
пахнет закат консервами из трески,
стрелка минутная мне говорит "пора",
старый жигуль тарахтит в глубине двора.

это такая летняя ночь без сна,
в небе чернильно-синем луна красна,
звуки на две октавы разделены
пологом предполуночной пелены.

чайник-фрегат и лампочка как маяк
другом напротив друга еще стоят, к
ночи ударит склянки "отбой, отбой!"
им выключатель искоркой голубой.

тапочки неразлучные поползут
по коридору прочь в темноту, в мазут
полной и окончательной тишины,
где и стихи никому не разрешены.

Тема египетская

Грядет рассвет, и сны сырыми выпьет,
Из атмосфер светило снизойдет
Высвечивать тернистый путь в Египет –
И твой черед

Настал покинуть верные пенаты, –
Во тьму кромешную, где зной и хлад,
И не успеешь отхлебнуть вина ты,
Как виноват.

Тут злаков не пожнем и не посеем
Не сохраним единого зерна,
Земля, куда мы шли за Моисеем,
Разорена.

Тень победы

Вишневый сад зачах, быльем порос
Пустырь, где раньше были георгины,
Засохший тополь черен от ангины,
В колодец всыпан медный купорос.

Над шпалами заржавленных путей
На станции заброшенной, которой
На карте нет, свидетель двух третей
Столетия - «Победа» без мотора

Оставлена навеки поперек,
В насмешку над погибшим веком прошлым.
И плакаться, что, мол, не уберег
Мне кажется бессмысленным и пошлым.

Колпино

"Дорогая, поедем в Колпино!"
(с) Рахман Кусимов

Дорогие товарищи, граждане,
Смерды, лорды, патриции, сэры,
Мною будет зачитан вам, каждому,
Под расписочку ваш символ маленькой веры -
Все, что вы ни попросите,
В точности будет исполнено –
Да, исполнено - горя, и слез, и страдания,
Лето красное выльется крашеной осенью,
И не Бельгия-Франция-Дания,
Но Усть-Луга, Сосново и Колпино
Будут вам неприкаянной гаванью –
Приготовьтесь к синхронному плаванью!

Блесна

Там, где скользит по морю сна
Чешуйкой лунная блесна,
И ловит звезд горячих сонм:
Не Рыб – Весов;

Настолько узок общий план,
Когда обузой давит сплин,
И ты, тоски нездешней полн,
Сдаешься в плен,

Когда в окно стучится клён,
В ночные сны вбивая клин,
Очнись, замри, и наземь плюнь,
И в небо глянь:

Там, в вышине такая синь,
Что только голову просунь
В окно, и канешь насовсем
В ночную сень.

Вставляйте, граф, или Нам жмут безликие тела

- С добрым утром, сэр!
- Спасибо, тронут.
Сквозь двойной кордон оконных рам
Отчего так безутешно стонут
Рты сигнализаций по утрам?
Не за тем ли, что они как будто
Собрались оплакивать меня?
Саваном седым сползает утро
Без отца родившегося дня,
Чтобы вылить в мир сырую серость,
При которой злобы не тая
Взгляд редуплицирует как ксерокс
Блеклые картины бытия:
Вот тоски районная больница,
Мелких мыслей пшенная крупа,
Деготь дел… И я готов молиться,
Чтобы день вообще не наступал.

lerock

Екатерина Ивлева

Меня все зовут Катерина, к чему я вполне привыкла, хотя предпочитаю модификацию более родную и дальнюю – Катя. Я родилась и живу в городе с расплывчатыми границами и железным названием – Электросталь. В феврале у меня важное событие: я «округляюсь» – мне исполняется 30. Возраст – всего лишь цифра, и мне не страшно ее произносить. Я люблю жизнь на всех ее этапах!

Я – поэт. Я не согласна с утверждением, что творчество может быть профессиональным. Ты либо музыкант, либо нет, либо поэт/писатель, либо нет, либо художник, либо нет. Тебя либо слушают/читают/смотрят, либо нет. Если творчество становится профессией, это, вероятно, неплохо, но я оставляю за ним –

право
быть
случаем...

* * *

Моя любовь – не женственность, но нежность,
ласкающая слух.
Прости меня! Я неуч, я погрешность
в расчетах, я петух,
я... паровоз
гудящий на подходе к перекрестью
визжащих рельс,
я дробь, я бред, я – факт, что мы не вместе
сейчас и здесь.

* * *

Если бы я тебя родила,
ты была бы... Ты бы жила.
Это, как пить дать, весенний психоз.
Я НЕ рожала.
Я поражалась,
когда все производили –
не тебя. Зачем? Как они так ходили –
беременными другими?
Дочка!
Ты меня подожди.
Отведи
руку времени – на минуту.
Я тут

управлюсь немного – и исправлюсь:
Тебя проведу
В нашу ду-
ше-раз-ди-ра-ю-щую
жизнь.

* * *

Это всё – ломка.
Роман мой, Ромка,
Из-за тебя так фуфлово дышать.
А может, я в шапке?
Или выброшена с 4 тыс. метров с парашютом?
Или еще какой-то вариант,
мешающий вызубрить глаголы-исключения?
Чтение поможет?
Ну, может, и надо прочесть –
тебя,
И услышать,
увидеть,
прогнать,
не держать,
не зависеть,
смотреть вслед спокойно,
не обидеться, не
дать вертеть собой больше...
Вытерпеть всё.
Одно позволю себе:
Ромка, я ненавижу тебя,
потому что – поверх глаголов –
голая
перед тобой стою...

* * *

Смотри на меня, смотри внимательней,
Чтобы завтра не вытереться из памяти,
Чтобы каждый прищур и взмах ресниц,
Чтобы глазниц глубину,
Общую мину
Сейчашнюю – твою –
Знать наиз-
нанку...

* * *

Оттопырили время остановками,
Разрядили сотовые сотнями слов.
Для чего мы здесь, если ничего нового?
Зачем судорожно ищем парковку?
Проехать сквозь житейскую дурость
Или постоять в стороне – типа, избранные.
Кого мы любим? – Брось!
Явно не тех, кто нам ровня.
И не за боль свою, и не к стыду
Я стопорю чью-то руку.
Привычка: удовлетворяю ступни - и ду-
Шу. По Камасутре, по кругу.
Сегодня ты сторож моих ворот.
Негусто, согласна. Но
Завтра будет наоборот:
Я тебе возмещу разницу.
Один день – это тундра,
Где нет колеи и ветрено.
Все постоянно меняется в раз-
Глаженном, как фольга от конфеты, времени.

* * *

Поговори со мной о чём-нибудь хорошем –
Не о работе и проблемах со здоровьем,
Не о ребёнкиным парашах за болтливость,
Не о последних распродажах бруллиянтов...
Скажи мне, что сегодня я красива,
Скажи, что ты придумала загадку,
Скажи, что небо выше, звезды ярче...
Влюбись в прохожего. Пусть он заметит –
И улыбнется. И расскажет что-то
Хорошее. Тебе – и мне...

Цикл «Кажется...»

* * *

Говорю громко – никак нельзя шепотом:
Не услышит старшее поколение.
Вот мы, дети перестройки, которым
Куча всего дано, но не выделено времени
Подумать. Примите нас в круг!
Мы большей частью выполнили свои функции –
Единственные, которым нашли смысл, –
Перестроились...
Или так кажется?

* * *

Зарабатывать море денег,
Тратить их на всякую хрень – мелкую и не очень,
Хранить ворох ненужной одежды в шкафу и косметики на полках,
Ездить отдыхать, куда и когда вздумается,
Не отказывать себе в дорогих авто и салонах,
Питаться исключительно в том, что начинается с vip –
Быть vip, короче.
ЭТО, кажется, счастье... Или?

* * *

Во рту, как после сладкой ваты, вязко.
Воды, негазированной, пол-литра,
пожалуйста!
Мне явно надо выпить
Чего-нибудь, отличного от пива.
Я много накосячила сегодня,
Пока с тобой трепалась по мобилке
Минут, наверно, сорок. Мы жевали,
Как дети – сахарную горку ваты, –
Свои грехи. Теперь настало время
Попить.
Тебе не кажется?

* * *

Заманили меня налево, налили мелко –
Еле плескалась, плакала аж. Мало мне!
Нашаманьте малясь ещё.
Во!
Ща доплетусь.
У берега.
Слава вам, лав, лаве держите, лавли!
Чудненько, да?
Жизнь, в смысле, классная штука.
Мундштук мне!
Мерси...

Ян Маклайн

Виктория Измайлова

Измайлова Виктория Викторовна, родилась в Чите 28 сентября 1964 в семье врача и преподавательницы русского языка и литературы. Закончила Читинский государственный медицинский институт в 1987 году и почти 25 лет работаю по специальности. Стихи пишу с детства, в последние годы – редко. Было издано 4 небольших моих книги. В моей маленькой квартире живут три собаки, две кошки и пара нелетающих голубей, при этом все, кроме одной собачки, подобраны с улицы.

***

Плывет твоя ладья, зеленая ставрида,
По ветру и воде,
От солнца до луны, от Агры до Мадрида.
И нет тебя нигде.

Несет твоя ладья жасмин, миндаль и миро,
Сандал и бирюзу,
И тысячи локтей шелков и кашемира,
И лето, и грозу.

А ты пронзаешь даль веселым синим взглядом
И вновь встаешь к рулю.
И кажется тебе, что я склонилась рядом,
И я тебя люблю.

И кажется тебе, что я бегу навстречу
По ветру и воде!
И плачу от любви, и сердцу не перечу!
И нет меня нигде.

***

Стальные прогалины крыш
На фоне весеннего неба,
И с криком восторженным чиж,
И церкви пронзительный крест...
Ты смотришь в окно и молчишь
На фоне весеннего неба,
Я верю, что ты различишь
Все то, что творится окрест.

Резвящихся ангелов рой
На фоне весеннего неба,
Увлекшихся вечной игрой
Шальных голубей на трубе,
И там, за седьмою горой
На фоне весеннего неба,
Задумчивых башенок строй,
Где струны грустят о тебе.
Сосны золотую свечу
На фоне весеннего неба,
Садов огневую парчу,
Цветное, живое тканье...
Ты видишь, к тебе я лечу
На фоне весеннего неба?
Ты слышишь? Я снова шепчу
Забытое имя твое!

***

Фейерверк Вселенской сварки, брызги синего огня!
Краски лета слишком ярки, слишком ярки для меня.
Тени лета слишком резки, словно в ворохе шитья
Лики мира лишь обрезки ветхой ткани бытия.

Шляпку скользкого маслёнка ранит грубая черта.
Просто глянцевая плёнка, за которой - ни черта!
Шёлк расплавленного воска портит рваное пятно.
О, как жутко, о, как плоско, и непрочно, и черно!

Даже если вечно молод, весел, зелен и влюблен,
Мир исчерчен, мир расколот,
взломан, взорван, раздроблен!
В лоск нагревшейся страницы, в танец радужной юлы
Влезли стылые глазницы обнаглевшей голой мглы.

Так, шагаешь, безучастен к соснам, плачущим навзрыд.
Летний полдень щедр и ясен, ужас жизни неприкрыт.
Гомонят что было мочи над тобой то стриж, то чиж
Мимоходом смотришь в очи Вечной Ночи и молчишь.

***

Ветер вернулся шквалом, девятым валом,
Всю позолоту с мирного мира сорвал он,
Выкрошил краски луча предвечернего
Кадмий и чернядь волшебного облика
В грохоте, в хохоте, в заледи, в заверти,
Чайная роза последнего облака
Чахнет на западе.

Ветер на серый город бросил с разбега
Черные тучи, полные белого снега,
Мчатся по улицам звери нещадные
Кони песчаные, волки железные,
Яблоки медные, палицы, посохи,
Птицы стальные, мольбы бесполезные
Носятся в воздухе.

Ветер, не оставляя камня на камне
В тысячу рук крошил стены и ставни,
В ямы подъездов и в окна незрячие
С воем швырял черепицей и ветками,
Корчил гримасы, выкрикивал сальности,
Комкал намокшее, тонкое, ветхое
Платье реальности.

И разорвал объятия, как тряпицы,
И разделил корпускулы на частицы.
Где бы мы ни были, больше не встретиться,
Друг мой! Не верится… Слова прощального
Не прошептали с последним закатом мы…
В мертвенном взоре Ничто беспечального
Мечутся атомы!

***

В конце безлюдного квартала, где слишком редки фонари,
Я не прохожий запоздалый, я желтый лис Экзюпери,
От прочих поздних пешеходов, от их теней неотличим,
Я самый дикий, самый гордый. Меня никто не приручил.

Там за стеклом - накрытый ужин, глава семьи глядит орлом.
О, никогда я не был нужен тем, кто собрался за столом!

Я был для них одним из сотен, из сотен тысяч чуждых лиц,
Был неприметен, был немоден, негоден, как осенний лист!

Эй вы, творцы банальной были! Слепцы! Скупцы! Держу пари,
Вы все давным-давно забыли, о чем писал Экзюпери!
Главу о Лисе перечтите, хотя бы чуть вникая в суть,
И приручите, приручите! Ну, приручите кто-нибудь!

Я сердце к вашему приходу всю жизнь готовил наперед,
Уж я прощу вам хлеб и воду,
и скудость чувств, и пальцев лед,
И роль в бездарной оперетте, и расставанье навсегда!
Я буду сам за все в ответе, не беспокойтесь, господа!

***

И дальше – по течению реки,
где под водой – кремлёвских башен главы,
монастыри, обрывы и дубравы,
а меж ветвей – прозрачные мальки,

дворы и крыши, нивы и луга,
по площадям повозок вереницы,
гнилые лодки, злые водяницы,
а в волосах – песок и жемчуга,

где над водой – пыльцой небесной ржи
витает свет, трепещут птичьи клики,
и в облаках – божественные лики,
а в бородах – стрекозы и стрижи,

Орел и Лев, и судьбы на Весах,
огни знамений, мрачные зарницы,
парад планет, стальные колесницы,
летучий бриг с кометой в парусах,

где вдоль воды – чужие маяки,
родные кладбища и пепелища,
и чернь подла, и знать темна и нища,
и под стенами храмов – кабаки,

все пустыни – пустыни, всё – леса,
всё окна Вавилона и Содома,
и больше ни детсада, ни роддома,
ни даже глаз потерянного пса,

где на плоту – гниет последний брат –
на сотни раз промоченный слезами,
расшитый розами и образами,
и образами милых чёрный плат,

где, заточён неведомо за что,
ты сам себе – всевидящее око,
и бесконечно долго – до истока,
и безнадежно мало – до Ничто.

***

На столичных ратушах бьют часы, поступь дня прогоняет ночь.
В королевском доме родится сын, в царском доме родится дочь.
Утопает сад в огневых цветах, рвется в небо победный стяг,
Но этот мир стоит не на трех китах, он стоит на твоих костях.

Император свято блюдет закон, триумфатор пленил врага,
Из толпы, из женских рук, из окон – лепестков прозрачных пурга.
Имена прекрасные на устах, мертвый змей в орлиных когтях.
Но этот мир стоит не на трех китах, он стоит на твоих костях.

Не ропщи, не смей, не дыши вообще, не крутись в напрасной борьбе!
Ты и есть тот змей в золотом луче на величественном гербе!
Терпеливый смерд, разоренный град, пленный гранд, не вставший с колен!
Бесполезный свет оскверненных правд, чей любой носитель – растлен.

Ты – забитый бык, ты – забитый раб, граб, расколотый на дрова,
Ты под рёв пожара и конский храп обесчещенная вдова.
Ты шахтер, упавший с кайлом в руке, ты – дитя, что всем – ни к чему,
Ты дурак, поднявший в чужом платке ослепительную чуму.

Ты солдат, солдат, столько раз солдат, что уже ни счесть ни имен,
Ни числа погибших, ни скорбных дат, ни предлогов войн всех времен.
Тот, кто чудом выжил, всегда в гостях в этом мире, всегда в долгах,
Хоть этот мир стоит на его костях, на его руках и ногах!

84

Не смущайся звонами майских дней, не чини худое рядно,
Ибо добровольнее – праведней, это всем известно давно!
Вот они родят, вот они – кутят, тянут руки, делят пайки.
Ты же их не вышвырнешь, как котят, на промерзший берег реки?!

Без тебя им некого будет есть, презирать и клясть до зари.
Смерть твоя – настолько благая весть, что посовестись – и умри!
Так отдай им жизнь, не держись, не жмись, не страшись ножа, топора!
Ну, ложись им под ноги, в прах ложись, потому что уже пора!

Ян Маклайн

ВладиславаИльинская

Родилась в 1984 году, в городе Одесса. Училась на филологическом факультете ОНУ им. И.И. Мечникова. Стихи писать начала с шести лет. Тогда же публиковалась в газете «Вечерняя Одесса». На сегодняшний день имеется множество публикаций как в одесских, так и в международных литературных изданиях. Так же публиковалась на различных сетевых ресурсах. С 2010 года – член Южнорусского Союза Писателей (Одесская областная организация Конгресса литераторов Украины). В последние годы много выступала на концертных площадках города.

рисуй

рисуй меня, рисуй
по капельке, по слою
под соло кастаньет
оттачивай туше
рисуй меня, рисуй
растрепанной, босою
рисуй меня такой,
чтоб жалко было жечь.
рисуй меня, рисуй
под жаркие te amo
упрямой и смешной
останусь на холсте
рисуй меня, рисуй
пускай сегодня рамой
окажется для нас
привычная постель

***

я пишу тебе. в этом доме все ручки – хлам
их хватает едва ли на то, чтоб поставить точку.
не спеши читать, оцени изгибы угла
это нервными пальцами мялось в паузах, впрочем
не о том на свою беду открываю рот
и не так как умеешь ты – изливаю душу
я пишу потому, что гиеной во мне орет
тот, кого ты никак не захочешь слушать

***

нет никакой гарантии, это опыт.
это - уникальный эксперимент.
вам отпускается время, оно же - топит
в мутных своих глубинах. в один момент
ты превращаешься в точку небесной сферы,
ты превращаешься в пыль на краю земли,
когда твой внутренний доктор откроет двери
и скажет: простите, мы сделали что смогли.

***

новое утро стягивает одеяло, как будто скальп.
плещет тебе, еще сонному, в лицо ледяной водой.
нужно подняться на ноги, нужно идти искать,
то, что и так всю жизнь волочится за тобой.
и пока ты вот так вот гоняешься за хвостом,
наступаешь себе на горло, расплющивая кадык,
твой хранитель кладет на коленку двойной листок
и старательным почерком записывает ходы.
и когда ты уже совсем собьешься и с ног, и с сил,
и поймешь, что по всем подсчетам прошел лишь треть,
подойди к нему спящему и тихонечко попроси,
чтоб он дал тебе на свое творение посмотреть.
а когда ты начнешь возмущаться и возражать,
мол, куда подевался его знаменитый слог -
хорошенько задумайся и рискни ему доказать,
что твоя история интереснее, чем колобок

***

что толкнуло к охоте - не помню. таков рецидив,
что гоняет по засранным стройкам, ночным подворотням.
оказалось, достаточно просто себя убедить,
что на все наплевать, что существенно только "сегодня".

бестолковый романтик - я красил улыбкой рот,
ни секунды не дрогнув, плясал на краю преисподней...
все останется прежним, ни кто никуда не уйдет,
ведь на все наплевать, ведь существенно только "сегодня".

и под низким дурманящим небом, на стыке ветров,
и в изгибах мостов, и в плену бесконечного полдня -
заворожено слушал стеной нарастающий рев -
здесь на все наплевать, здесь существенно только "сегодня".

я был жалким бойцом. я не знал, что такое война,
но когда в голове назревала кровавая бойня,
я сжимал кулаки и сквозь битые зубы стонал,
что на все наплевать, что существенно только "сегодня".

и когда, по прошествию долгих сегодняшних дней,
не нашел за спиной ни любви, ни восторга, ни правды,
я остатками памяти вывел на первой стене,
что существенно все - и вчера, и сегодня, и завтра.

Гаррота

- и, пожалуйста, не рассказывай, что туман застилает улицы,
что не видишь ты ничегошеньки из-за этой проклятой мглы -
ты умеешь на ощупь двигаться, ты у мамы такая умница,
что придется теперь, как миленькой, аккуратно срезать углы.
ничего, что темно и холодно, ничего, что ты в доску пьяная
и одета сегодня «именно так, как следует в январе» -
не в такие шагали дали мы, не с такими справлялись ранами,
собирай свои сопли в тряпочку и вперед проходи скорей.
ну чего ты стоишь, как дерево, за тобой не водилось трусости.
да и вдумайся - что тут страшного? это максимум пять минут.
- не страшны мне ни боль, ни паника, никакие другие трудности -
я ужасно боюсь, окажется, что меня даже там не ждут.

исповедь

он топтался на месте: «мне стукнуло тридцать семь.
у меня за плечами лишь горы пустых бутылок.
говоря откровенно – если бы сдать их все,
то на эти деньги я мог бы отгрохать виллу
или может быть даже три раза объехать мир,
или все раздать бездомным, больным, пропащим…
но в итоге из них получился прекрасный тир -
я стреляю по стеклам бессмысленным настоящим.»
он топтался на месте: « пушок над ее губой
стал совсем незаметным, как будто бы мы не рядом.
каждый новый день проигрывать этот бой,
собирая упорно ее ледяные взгляды…»
он топтался на месте: « все то, что имело вес
превращается в пепел на линии фаренгейта …
я тщеславный Марсий в далекой стране чудес,
подобравший случайно твою роковую флейту.»
он топтался на месте, безмолвно вторя часам,
отмерявшим все так же бессмысленность на запястье
«нет уж, господи, знаешь , теперь ты сам
назови мне причину в твоей оставаться власти.»

Матушка Медоуз

Татьяна Кадникова

Кадникова Татьяна Владимировна родилась в 1970 году в Пензе. В настоящее время живет в г. Заречном Пензенской области. Окончила Московский литературный институт им. А. М. Горького. Руководит литературным объединением прозаиков при журнале «Сура». Автор публикаций в журналах «Новый мир», «Юность», «Северная Аврора», «Бег», «Сура», «Нижегородская провинция», «Edita». Автор книг: «Я — Незнакомка», «Когда звезды падают», «Частное пространство», «Портрет дома №12», «Пьеса для воздушного шарика», «Чистое время года». Член Союза писателей России.

Фонарщик — профессия гениальная...

***

В аквариумных рыбах есть печаль,
Как будто рыбы проглотили солнце.
И, кажется, с тех пор они молчат —
Загадочно, лучисто и весомо.

В аквариумных рыбах есть тоска —
Безудержно-пиратская — по дому.
И каждая есть стих или рассказ
Серебряной чешуйкой по живому.

В аквариумных рыбах есть любовь
К мучителям. Так все, кто в заточенье,
Пришедших принимают за богов,
Подсветку — за небесное свеченье.

Монолог рябины

Утром встала, а листья мои опали...
Ничего, ничего, проживу как-нибудь без листьев.
Хорошо бы невинные в рай попали,
Я готова об этом всю жизнь молиться.

Утром встала, а ягоды все склевали...
Ничего, ничего, проживу как-нибудь без ягод.
Их три месяца сойки с запястьев рвали,
А теперь отдохну да и спать улягусь.

Утром встала, а ветки мои спилили...
Ничего, ничего, до апреля, а там — как выйдет.
Сколько елок вчера в грузовик свалили!
Я-то помню веселыми их, живыми.

Утром встала — кора моя вся повисла...
Ничего, ничего, пусть насытятся зайцы, козы.
Я-то знаю, что в жизни довольно смысла,
Если печь превращает деревья в звезды.

Клены-клоуны

Клены стоят оранжевые.
Клены похожи на клоунов.
На городской окраине
Публика не избалованная.

Елки на клены пялятся —
Юные и красивые.
Клены идут на пальчиках,
Ветками балансируя.

Солнце вращая плоское,
Пуговицей пришивают его.
Купол небесный лопается —
Ветер-гимнаст срывается.

Клены уходят с поклонами,
Публикою обласканные.
...Плачут ночами клоуны,
Свои балахоны сбрасывая.

***

Большие слоны любят жить в маленьких хижинах,
В смешных закутках и даже в спичечных коробках.
Я часто в нашем квартале вижу их
С маленькими слонятками на руках.

Они роняют в посудных лавках чайники,
Они охотно платят штрафы сердитой тетеньке.
Но, когда шавка на улице делает им замечание,
Слоны обижаются и уходят в тропики.

В сарае

В сарае — баночки с краской, крысы,
Ведьма, придавленная кирпичами.
В сарае легко ненадолго скрыться,
Но жизнь в сарае весьма печальна.

Я вижу себя немножечко богом,
Забредшим в странную кладовую:
Лоскутиков, тряпок долгие бороды
Свешиваются из-под авосек с луком.

Но мне в их обществе не до веселья:
Шурша болоньевыми плащами,
В сарай уходят целые семьи —
Представленными на стене вещами.

Паук на платье как герб фамильный.
Сапог, почти королевский чей-то.
Здесь ведьма клочками волос карминных
Ответы на все вопросы чертит.

О вещах

Я представляю, как вещи пахнут во сне:
Под утро чуть резче и благоуханней...
Когда тела их взмывают на черной волне,
Их души пахнут розовыми духами.
Тела их старятся, ветшают, гниют,
А души лепятся к хозяину, как ракушки,
И в час вечерний ему создают уют,
Как в детстве, поглаживая по макушке.
И ты улыбаешься, повстречав во сне
Свой шарф, расческу, тетрадь со стихами —
Не зная, как они очутились в далекой стране,
В которую ты ехал с пустыми руками.

Первая учительница

Она была величественной и седовласой,
Ее кудри напоминали буквы и цифирки.
Она нас изучала, принимая в класс свой, и
Идентифицировала.

Про нее говорили: она воспитывает героев,
Ее ученики стали космонавтами и президентами.
Она будущих героев на линейку строила,
Браня их бездельниками.

Она обрекала нас на адские муки
И лишь там, в аду, подкармливала пятерками.
Я помню ее белые, как у королевы, руки
И рукава потертые.

А год назад, в День учителя, она умерла.
В букет георгинов вплетались черные ленты.
А мы даже не знали, как она жила,
Космонавты и президенты.

***

Не привязываться ни к чему, а так —
Плыть, как облако: где у облака корни?
Это и есть моя голубая мечта,
То состояние, что пока еще велико мне.

Облако свесило ножки — себе сидит
Или руку под щеку и слюнкою сладкой плачет.
Нет у облака сердца — темно у него в груди.
Мне же не совладать со своим — горячим.

Фонарщик

Фонарщик — профессия гениальная.
Не раз я видела, как он ловко
В ночи зажигает фонарик маленький,
Похожий на одуванчиковую головку.

Вот он спешит на сырую набережную...
Слышите, гремит смешными ботинками?
Вращая горячие фонарики варежками,
Переворачивает их к нам картинками.

И сны закруживаются каруселями,
Мелькают по углам знакомые рожицы.
Фонарщики часто бывают рассеянными:
Настоящими писателями и художниками.

Они сами придумывают свет обманчивый,
Пытаясь сквозь него заглядывать в будущее...
К утру догорают фонарики-одуванчики,
Возвращая им сердца обугленные.

hemail

Сергей Сутулов-Катеринич

Родился в1952 году в Северном Казахстане. Живёт и работает на Северном Кавказе. Окончил Ставропольский государственный педагогический институт и Всесоюзный государственный институт кинематографии. Автор многих сборников стихов и публикаций в различных журналах. Член Союза российских писателей, член Союза журналистов России. Главный редактор поэтического альманаха «45-я параллель».

Латая лакуны

Отболела баллада! Владея дарами Валдая,
Растранжирил полжизни на хроники школьных потерь…
Параллельная Лена, десятому «вэ» сострадая,
Провела выпускной в окружении тёртых тетерь.

…эсэмэска ЕЛЕНА ЖИВА – откровение бога!
В диафрагме судьбы – девяностых годов дребедень…
Закрываю глаза: у порога дрожит недотрога.
На дисплее – берлога, в которой троится бабень.

Фотография врёт? Или резкость зрачка подкузьмила?
Одноклассник «емелит»: elena-helena – латынь…
«Прекратите еленить! Баллада елейна. Людмила…» –
«Обожаю людмилить! Немедля – билет на Медынь…»

Имена оглаголь – зарифмуются горькие числа.
Выпускной оцифруй – обожгут карамболи времён.
Парадокс Алконоста: Алиса над Стиксом зависла,
А Елену увёл в Монреаль параллельный Харон.

Попрощайся с невестой в речистой ореховой роще –
За полвека до встречи на страшных смотринах старух.
Диаграмму разлук ветерок Машука прополощет.
Над крамольным романом в Крыму потешается друг…

Залатаю лакуны былины нескладной балладой.
Над Канадой светает, когда над Кавказом – закат.
Электронная почта. Чужих адресов канонада.
На Алтае – внучата. Скучает старшой «азиат».

* * *

Георгию Яропольскому

…за Лебяжьим кряжем закат потух.
Над затоном Княжьим зажглась звезда.
При овечьем стаде – пацан-пастух,
Овчарёнок Радий и резеда…

На горючий камень течёт шулюм.
Угасает – «А́мен!..» – пастух-старик.
Над Пчелиным градом – шмелиный шум.
За овечьим стадом – звериный рык!..

«До Змеиной Пади – сто вёрст всерьёз.
Пограничник – дядя, полковник Сыч.
Овчарёнок Радя, ты – храбрый пёс!
За орехом – складень, ружьё и спич…»

Над Святым Отрогом – овечий сыр.
Человек – под Богом, под Богом – тля…
Сбереги от сглаза подлунный мир –
И снега Кавказа, и ноту ля!

…Ражий чёрт подгонит: «Волчары, фас!..»
На скале – полковник: «Герой, привет!»
Над Лебяжьим кряжем – гнедой Пегас.
Над затоном Княжьим – уже рассвет!

Соловей, анданте! Частишь – хрипишь.
Пацану о дате – второй! – не знать…
Через век провисший: «Хорош Париж!
Зацветают вишни. И рядом – мать…»

* * *

Юрию Перфильеву

Родина! На трибунах старых больше, чем юных.
Барышня! В будуарах юных больше, чем старых.
Комплексы компенсируй: смелых больше, чем сильных.
Бравый мажор – в аккорды: добрых больше, чем гордых!

Разве на голых нарах гордых больше, чем наглых?
Облако – в одороблах: злобных больше, чем добрых.
Грешники – в гамаюнах: леших меньше, чем умных.
Новости (из воскресных): глупых больше, чем честных.

Праведные палитры: честных больше, чем хитрых.
Истина для речистых: вечных меньше, чем чистых.
Плачутся клавесины: сирых больше, чем сильных.
Музе положен отдых: падших больше, чем подлых…

Арии вариаций: каждому разбираться –
Больше? поровну? меньше? – ангелов или женщин…
Жив фронтовик столетний – первый, считай, последний! –
Яростный победитель: «Сталин лучше, чем Гитлер».

Горькие алгоритмы: храбрых меньше, чем хитрых.
Меньше? поровну? больше?! – пролито крови в Польше,
Чем на полях России… Тост: «За слабых, но сильных!»
Родина, без оваций – каждому прорываться…

простые рифмы

залива блюдце. шторма кода.
старик ценил императив
весны и ждал её прихода.
пьянил пленительный мотив
из окон дома-парохода:
любовь – отлив, любовь – прилив…

…почти последнюю любовь
почти последнего поэта:
– он жил тобой… – он спал с любой!
– однако только ты воспета –
согрета шалью голубой
его предсмертного сонета…

зима волшебных песнопений
казалась вечной… арманьяк
бодрил на несколько мгновений.
– стихи не пишутся, чудак,
и не слагаются, поверь мне…
а рифма – молния в «пятак»!

встречая первую любовь,
кончай играть в анахорета!
учи, мечтательный плейбой,
секреты тайного Завета:
«любовь – Одиллия-Одетта…
стихи – вендетты страстный бой!»

зима печальных откровений
дарила пряничный обман…
поэт нырял в Залив сомнений,
пока в Батум шнырял туман:
– ты – графоманствующий гений?!
я – гениальный графоман?!

почтив последнюю любовь,
прочту последнего поэта.
старик назвал тебя судьбой,
целуя дуло пистолета…
тебя простили – бог с тобой! –
и Ринго Стар, и Риголетто.

простая рифма, словно хорда.
творить – глагол-инфинитив.
поэт Никола Непогода:
– любовь – прилив, любовь – отлив…
почти смертельного аккорда
уже бессмертный лейтмотив.

Семь речей – семь печалей о Родине…

Раздражает фраза-роль «Кушать подано…» –
Я и Гамлета играл, и Лопахина –
Продала «Вишнёвый сад», мама Родина?
Патриаршие пруды перепахивай!

Мама Роди, бармалей переделкинский,
Недобитый воробей петропавловский
На тебя за горький век нагляделся и
Оглашаю приговор: «Лживость жалости».

Отвергаю вариант: «Жалость нежности» –
Журавли, Кижи, жасмин, Оружейная –
Зарифмуют без меня: «…гжели снежные»,
Обратят восторг побед в поражения.

Петербургский соловей обескровленный,
Пятигорский дуралей недоделанный,
Децибельное враньё бедной Родины
Изобильными глушу изабеллами.

Имитируя любовь чудо-мамочки,
Прессовала пацанов круче мачехи.
Инородны, мама Ро, «Печки-лавочки»?
«Чёрный бумер» в Чёртов ров заворачивай!

Демонстрируя любовь бодрой Родины,
Тромбовала красных дев площадь Красная.
Красноярский Моисей пел пародии:
«Возвертайся из москвей бабка гласная…»

Мама Родина, изгой онемеченный,
Незамеченный герой постаксёновский,
Части речи привожу в чебуречные,
Часть наречий развожу под сосёнками.

…Семь речей – семь печалей о Родине
Перечтут правнучатые бестии –
На Луне, во саду, в огороде ли…

Приговор зачеркну троеперстием.

Alexander Ov-Lebedev

Алексей Караковский

Родился в 1978 году в Москве. В 2000 году закончил факультет педагогики и психологии Московского ПГУ. Произведения публиковались в журналах «Крещатик», «Сибирские огни», «День и ночь», «Октябрь», «Дети Ра», «Кольцо А», и др., в литературной периодике Германии и Израиля, самиздате. С 2007 года — член Союза писателей Москвы. Основал ряд литературных проектов, самыми крупными из которых являются литературный Интернет-журнал «Точка Зрения» (2000), литературный журнал «Контрабанда» (2007), литературный конкурс произведений о музыке «Бекар» (2001). С 2007 года возглавляет собственное издательство «Современная литература в Интернете» (специализируется на издании книг), а также руководит журналом «Контрабанда».

***

Мир схлопнется, как файлик Фотошопа,
И там, где были блёстки и фольга
Когда-нибудь наступит просто жопа,
Ну а за ней — тайга, тайга, тайга.

Край света станет вдруг родным и близким,
Нетбук заменят нож и долото.
Пусть жёны ни фига не декабристки,
Так, слава Богу — их-то блядь за что…

Здоровье — словно каменная глыба,
Сомнения — оставлены в Москве,
Лишь мысли как очищенная рыба,
Такие же тупые в голове.

Ни слов, ни звуков не слыхать на выстрел,
В хибаре опостылевший уют,
И только утонувшие туристы
По речке одиноко проплывут.

***

Смерть оказалась без всякого смысла:
Всё, что она в светлый день припасла —
Девушка, девушка с коромыслом,
И под платочком цветастым коса.

Ах, до чего же изящна походка,
Вровень с плечами плывут два ведра!
Нежная, страстная, юная, кроткая
Переливается плавно вода.

Детка, позволь мне продлить наслажденье
На отвратительном смертном одре!..
Не разрешила. И в то же мгновенье
Треснув под дых, утопила в ведре.

МИЗАНТРОПИЯ

«…чтоб из скотов скотиной быть…»
Гёте, «Фауст»

Утро наполнилось склизким туманом,
тени на стенах черны и резки,
прячешься в мерзости самообмана
от беспредметной июньской тоски.
Чувствуешь: кроме зверей и растений
мало существ не достойно ножа…
Мизантропия! Вот выход из тени,
если уже больше нечем дышать!

Как ни обидно, но вместо аборта,
ты порождён — и с тех пор за бортом.
Что же такого в тебе звучит гордо,
если ты выглядишь полным скотом?
Люди в метро — словно дохлые рыбы,
чьих-то семейных творений венцы…
Мизантропия! Единственный выбор,
если нельзя совершить суицид!

Воет в истерике странное нечто,
словно подключен к душе электрод:
просит о помощи по-человечьи —
помощь, конечно, уже не придёт.

В мире, где каждый немного убийца,
быть благородным — увы, недосуг…
Мизантропия! Любовь к психбольнице —
скромный подарок по сумме заслуг!

Если когда-нибудь злая комета
зверски сместит планетарную ось,
милый Господь, сделай так, чтоб при этом
ни человека на ней не спаслось!
Будут тогда небеса голубые,
Птицы, животные, свежесть ветров…
Всё, что нам нужно — мизантропия!
Всё, что нам нужно — мир да любовь!

***

Трупы улыбаются и машут
На моём экране голубом.
Возразишь, живые? Это лажа!
Проведи рукой, а хочешь — лбом,
Ощутишь надёжную стекляшку,
Наэлектризованную сплошь.
Что живого в этом, настоящего?…
Сдохнешь — может, тоже попадёшь
На изображение экрана.
Будешь ярким, плоским и тупым,
Чтобы привлекать к себе внимание —
Улыбаться и махать живым.

НАБЛЮДАЯ ЗА СНЕГОМ

Мне некому сказать, что голый лёд
Блестит в окне под тусклым фонарём,
Огни горят, и тает первый снег,
И я один, и снизу никого.
Мне некому сказать, что я один,
Два ночи, и немыслимо заснуть,
Что хочется продлить неровный свет,
Что хочется не думать ни о чём.
Наутро лёд растает, как и снег,
Придёт рассвет, погаснут фонари,
Я выпью чаю и отправлюсь спать,

Но это завтра, завтра — а сейчас
Стою до изнуренья у окна,
Молчу и не мечтаю ни о чём,
Я часть пейзажа, подо мной пейзаж,
Мы с ним равны, и нет на свете нас.

***

Мужчина — лишь орудие труда,
Линейка, траектория, чертёж,
Молчание, когда задача есть,
Агрессия, когда не по зубам.

А женщина сидит к нему спиной
И злится в помертвевшее окно,
Что лобзиком не выпилишь мечту,
Что жить осталось долго и одной.

И только детям это нипочём,
Они весь день целуются в метро,
Но поезд ждёт, и скоро по домам,
И это жаль, и это правда очень жаль.

ПСКОВ-2009

Длительная нищета остановила пульс.
Город врастает в Дно, состарившись до седин.
Многое повидав, я ничего не боюсь.
Всё, чего я не хочу - это остаться один.

Это не просто жизнь, это не просто смерть,
это тюрьма времён - ей и не быть иной.
Город, который не тонет, обязательно будет гореть,
наскоро оккупированный собственною страной.

***

Всё будет, как было — а значит, никак:
пластмассовый друг, поролоновый враг,
удачный момент, чтоб расти над собой.
Не то, что сейчас: неожиданный сбой,
глядишь, и вокруг бытовой эскапизм:
смертельно удобна и правильна жизнь.
Стоишь как придурок, исчерпан до дна,
шумит под окном фронтовая весна.
Но ты же не куришь и, вроде, не пьёшь…
Беги в андеграунд! Там водка и нож!
Душа наизнанку, и разум ничей…
но полная жопа с порядком вещей.

ПОСЛЕДНИЙ ВАГОН ИЗ ЦЕНТРА

Она даёт себя поцеловать,
и тут же убегает… как хитро
устраивать свидания в метро,
на станции, где проезжает мать.
Ей хочется побольше получить:
сходить в кино (конечно же, одной),
любить свои стихи (но не со мной)…
А я, теряя в транспорте ключи,
всё думаю о ней, как не о ней,
и кажется мне: боль почти сошла…
В моём кармане вечно ни шиша,
в календаре полно рабочих дней,
за окнами — наскучивший февраль,
и, как обычно, рядом ни души…
Да, муж её — хороший, б-дь, мужик,
и потому его особо жаль.

автор неизвестен

Хилина Кайзер

Родилась в Санкт-Петербурге. В раннем возрасте переехала с родителями в Данию. По образованию экономист и дизайнер. Стихи начала писать очень поздно. В свободное время увлекалась живописью. У неё был неповторимый поэтический почерк. Стихи Хилины Кайзер исходят от души, из глубины сердца, а потому столь проникновенны. Она ушла рано, в 46 лет и мы хотим сохранить для читателя её творчество.

***

смотри на этот небосвод
смотри на этот небосвод
на край земли за горизонтом
в него впадают устья вод
на нём меняются сезоны

вся зыбкость жизни зябкость дней
отражены на небосклоне
и облака – табун коней
пастух на север ветром гонит

смотри на этот небосклон
где звездопад цветёт как вереск
когда ты видишь пятый сон
созвездье рыб идёт на нерест

смотри на этот небосвод
на мостик радуги изящной
вкушай закат смакуй восход
и размышляй о настоящем

***

Я вхожу в этот город где прошлое замерло тенью...
Я вхожу в этот город, где прошлое замерло тенью
Здесь латается жизнь серебристой окраской оград
А любовь застывает на фото в кулоне нательном
И всё лучшее было когда-то лет ...адцать назад

Музыкант за углом горько стонет и плачется блюзом
Саксофонный футляр пополняется горсткой монет
И сверкает монетка достоинством в десять иллюзий
Заблудившимся солнечным зайчиком в низком окне

Вечера здесь окрашены привкусом бурой малины
И свербящей истомой пропитан насквозь тротуар
И фатальным дыханием женщин из фильмов Феллини
Изнывают дороги под жгучими взглядами фар

Я вхожу в этот город где даже булыжникам тесно
И рябая листва красит узкие улицы хной
Здесь теряются сны под лохматым зонтом поднебесья
А надежды заходят за крыши лиловой луной

...Я слезами дождя просочусь сквозь небесные ставни
Возвращусь в этот город так скоро как только смогу
Но теперь навсегда, насовсем, чтоб кому-то оставить
Недосказанность слов
Недописанность строк
Недочувственность губ

Вечер

Слышны сухие голоса цикад
Вновь оседает день за горизонтом
И, разорвав небесную аорту
Струится ярким пламенем закат

Деревья опьянели, речка дремлет
По небу разливается кагор...
И кажется остановилось время
На циферблате сердца моего

утро

шаманская звучит свирель сверчка
и капает с подсолнухов Ван Гога
медовый эликсир хмельного сока
которым набухают облака

узорчатым сплетеньем тонких крыльев
раскрылся яркий веер стрекозы
траву щекочут капельки росы
заваренные горсткой звёздной пыли

завешен запад тучами из ситца
в цветное кимоно одет восток
как бабочка – таинственный цветок
что телом насекомого томится

***

нынче в небе столько золота
что лоснятся дерева
если зелено то – молодо
а пожухло – трын-трава

осень затянула ржавчиной
там где не прикрыла хной
а гнилое всё оплачено
позолоченной листвой

ветер хну сдувает ласково
словно пену с молока
породнилась с датской сказкою
среднерусская тоска

хочешь крикнуть – только выдохнешь
а вдохнёшь, так в горле ком
ждёшь как девица на выданье
над прокисшим молоком

***

бабушке

надежды красным шариком летят
и рвутся оставляя небо в ранах
наивно улыбается дитя
заботливым вождям на транспарантах

багровым флагом красок ноября
завешены леса луга и пашни
и щедро разливается заря
стекая кровью без вести пропавших

а голос как соломинка дрожит
и разрывает воздух гулким стоном
пластинка кружит кружит кружит жизнь
под остриём иголки патефона

оптимистичное

день облетает словно одуванчик и неохота возвращаться с дачи
в шкатулке письма кольца и заначка припрятаны как жизни узелки
так хочется долой прогнать печали которыми судьба давала сдачи
и позабыть что старомодный чайник заходится от жажды и тоски
а вечер как настойка валерьяны успокоительный целительный и пьяный
поля и мысли поросли бурьяном дождя рассолом пропиталась соль земли
горчат халва и шоколад и пряник и даже жёлтый лимонад в стакане
как солнце мутное английское в тумане не в силах эту горечь утолить
и кажется что всё начнёшь сначала присядешь у спокойного причала
уверуешь в ту самую случайность как в первую удачу рыбака
... и вдруг поймёшь что здесь уже скучала мечтала размышляла и молчала
и так же громко призывали чайки снять рыбу счастья с острого крючка

***

(Валерию Прокошину)

нет покоя от нудного лета от назойливых туч комаров
от протёртых до дырок штиблетов и колен расцарапанных в кровь
поднимается облако пеной из небесных потресканных губ
и стекает дождями по венам ржавой рябью изъеденных труб
а по осени мысли взлетают без таможен без виз без границ
и сбивается прошлое в стаи дат имён фотографий и лиц
бытовухой зашит участковый молью съеден любимый пиджак
до зарплаты в кармане целковый и по-прежнему руки дрожат
а соседи на свадьбу для внучки копят деньги всю жизнь

дежа вю

но последней заначкой с получки до своих похорон доживут
разрисованы стены граффити там где строится храм для молитв
...как чудовищно хочется выпить
как предательски память болит

ностальгическое

а память теснится и жмётся в дверях коммуналки
где губы роднились стаканом воды с газировкой
зимой замерзали от ругани делалось жарко
на лестнице сыро на сердце постыло в газетах неловко

царапали в кровь “скороходы” мозоли на пятках
четвёртых жильцов не селили у нас на Литейном
зато подселилили шестых к той соседке на пятом
куда вся родня словно чайки над морем слетелась

мечтой набухало над жвачкой натёртое нёбо
семейные тайны текущие трубы скрипящие двери
влюблённость шипом прорастала трясла до озноба
косыми дождями текла из небесных артерий

вращается время и кружит над липкой Невою
над узкой кушеткой где я в полумраке зачата
помечена русской печалью и пятой графою
и обувью что покупалась на четверть зарплаты

WWWest

Кирилл Ковальджи.

Родился в бессарабском селе Ташлык (ныне Каменское Арцизского района Одесской области Украины) в болгарско-армянской семье. Его отец — Владимир Иванович Ковальджи (1901—1984) — был помощником нотариуса, бухгалтером, мать — Маргарита Николаевна Урфалова (Урфалянц; 1899—1985) — домохозяйкой. Детство К. В. Ковальджи прошло в Кагулеи Аккермане. В 1954 году окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Работал журналистом в Кишинёве (1954—1959), консультантом в правлении Союза писателей СССР (1959—1970), зам. главного редактора журнала «Советская литература» (на иностранных языках) (1970—1972), зав. отделом журнала «Литературное обозрение» (1972—1977), зав. отделом критики журнала «Юность» (1977—1990), главный редактор издательства «Московский рабочий» (1992—2000), с 2001 года — руководитель программы интернет-журнал «Пролог» (Фонд СЭИП). Член Союза писателей СССР с 1956 года, секретарь Союза писателей Москвы с 1992 года. Член Русского ПЕН-центра. Член редколлегии альманахов «Кольцо А», «Муза», журнала «Юность». Лауреат литературной премии Союза писателей Москвы «Венец» (2000), Заслуженный работник культуры РФ (2006).

***

Что такое старость? Проза
Романтической зари …
Телу бренному - угроза
Не извне, а изнутри.
Друг-философ, дальше носа
Загляни – увидишь свет
И внезапный знак вопроса
Там, где был прямой ответ

***

Прозевали точку ту,
упустили,
когда ты была в цвету,
а я в силе…
Солью сыплет ветер злой
и золою…
Обнимаюсь – пожилой
с пожилою.

ПЕСЕНКА С УЛЫБКОЙ

Знаешь, сколько мне лет?
- Нет, - ответила: - Нет,
не считай их, как я не считала…

- А другие на зло
знают это число,
воробью не покажется мало..

Жизнь даёт кругаля,
как Луна, как Земля,
совершает кульбит благодарно,

подражает везде,
и воде, и звезде -
и космически, и атомарно…

Небосвод – хоровод,
ни назад, ни вперёд -
приземляться душа не согласна.

Глядя на воробья,
философствую я:
как бессмысленна жизнь и прекрасна!

***

Возвестил ли кто о моем рождении?
Кто-то кому-то на ухо шепнул?
Самолет завернул в мою сторону?
Аист на крышу сел?
Гусь мне в руки вложил перо?
Или к моему сценарию
притрагивался режиссер,
может быть, с белыми крылышками?…

***

Я вам расскажу. Не торопите.
Я ни зла не прячу, ни добра.
Только не выдёргивайте нити
Из расцветки моего ковра.

Расстелюсь ковром. чтоб ваши взоры
Разглядеть могли мои узоры.

Обещаю… Но не очень верьте.
Весь откроюсь только после смерти…

***

Захандрил:
в любви, мол, невезение…
А над миром –
хоровод чертей:
то цунами,
то землетрясение,
тысячи и тысячи
смертей.
Радиация, глобализация,
человечек – спичка на ветру…
Раньше было меньше информации, -
вроде больше права
на хандру…

СОНЕТ

Так разминулись я и ты,
Что мне себя и вспомнить странно
Влюбленным, как герой экрана,
(плюс море, музыка, цветы),

Любовь, - от сладкой простоты
До наважденья и обмана,
Что говорю? - от дурноты
До откровенья и дурмана!

На высоте и с высоты -
Всё было. Лезвие Оккама...
Файл удалён - я пуст и чист?

Как бы не так! Портрет и рама.
(А в сердце рана!). Чья программа
И где безумный программист?

Ян Маклайн

Евгения Красноярова

Писать стихи намного проще, чем – о себе. Жанр автобиографии предполагает определённые уступки времени и истории, которые абсолютно неважны, когда «болеет волей стих…», но… Соблюдая правила жанра: я появилась на свет тридцать лет назад в городе, который навсегда вошёл в паспорт России как столица колымских лагерей, а в мой – как Родина. Поэтому суровость Севера навсегда осталась со мной, несмотря на то, что волею судеб пришлось сменить берег Охотского моря на степные просторы Северного Причерноморья. Теперь я живу в Одессе, но война Севера и Юга по-прежнему не смолкает во мне, то вдохновляя, то – наоборот, но вдохновляя всё-таки больше. Поэзия вошла в мою жизнь так давно, что истоки воспоминаний о ней теряются в недрах прошлого, как будто она была – всегда. Да она и есть – всегда и повсюду, нужно только уметь слышать стихи – в неустанной работе механизмов существования, в бирюзовом дыхании надмирного, в шелесте отмирающих пластов мирского…

НЕСКАЗА́ННОЕ

***

Ю.К.

За все несовершённые грехи,
за все несовершенные глаголы
платить – какая сладкая крамола!
Какие подрасстрельные стихи…

Не смея прикоснуться, не сказав
того, что с губ само летит и просит –
какая расточительная осень!
Какие незабвенные глаза…

Какой необратимый диалог
сквозь дальний свет авто и рык маршруток –
на спину опустившийся шпицрутен
ещё одной из каторжных дорог…

Ещё одна лебяжья полынья,
которая затянется не скоро –
каких кровящих слов священный ворох!
Какая необъятность бытия…

***

Меня молчание твоё
выкручивает из патрона –
я становлюсь как мост Патона,
как рукотворный водоём,

я подчиняюсь, и встаю,
и ем, и еду на трамвае,
и говорю, чего не знаю,
и мелочь нищим подаю –

как будто нет во мне огня,
переполняющего раны
незаживающих вулканов…
Как будто ты забыл меня.

***

Есть робость, которая выше
и жеста, и взгляда земного,
которую можно услышать,
когда обрывается слово

и нежным надломом сочится
его оцарапанный глянец –
лесною нетронутой птицей,
оленем на дикой поляне…

Протянешь ли руку – потрогать,
отдёрнешь ли пальцы в испуге,
но – в этом есть что-то от Бога,
молчащего нами друг в друге.

***

Губами в губы вкладываем то,
чего нельзя – ни вслух, ни на бумаге.
Вечерних окон выжатые фляги…
Двора пустого замерший затон…

Мотор небесный включен и гудит,
звезда со лба откидывает чёлку,
и сердце бьётся пчёлкой на иголке,
и не хватает воздуха в груди…

***

Я тебя открываю как подводную глубину,
синеглазую тайну, поддавшуюся немногим.
Батискаф мой так хрупок, и если я затону
в неизведанности твоей, то умру – героем.

Чем давление звонче, тем за стеклом синей,
тем трудней шевелиться,
чтоб фал отличить от фола.
Пионерам любви нельзя говорить о ней –
слишком много воздуха тратится на глаголы.

УМЛАУТ

lustig ' luft ' весёлый ' воздух '
lieben ' liebe… Любишь? Да…
Губы лун по небосводу
распустили невода

kranich ' wort ' журавль ' слово
как не скажешь – шёпот, schön…
И от этого большого
мне на сердце – хорошо

***

Облака мои – выплаканы молоком,
Молоко моё – вылакано разлуками.
Их следы размело, словно корпии ком,
Между елей небесных речными луками…

От пустот – мне досталось наследство моё,
От мерзлот – научение как любить весну.
Если можешь – наполни меня до краёв.
Обещаю – ни капли на пол не выплесну.

***

Доживём до подснежников. Хлынут снега
на луга.
Что от нежности – даже в камине весеннем
не тает.
Всё от рук твоих я собираю в слова
и стога
их тебе отдаю. Не хватает. Пишу:
«Не хва-та-ет…»

Я уже не плыву, я иду по воде
за буёк,
за черту – и, казалось бы, что уже может
быть проще?
И под сердцем – как будто второе,
как будто – твоё…
и верней, чем глазами, тебя вспоминаю –
на ощупь.

***

Те-ни-те-ни-те-ни прошлого
пишут пылью по рукам.
Ничего не жду хорошего
кроме твоего звонка…

Так со мною говорило лишь
море голосом глубин –
на свету аквамариновым,
ночью – тёмно-голубым.

Это – истинное, лучшее,
что позволено ушам.
Я молчу. Молчу и слушаю –
не переча. Не дыша…

***

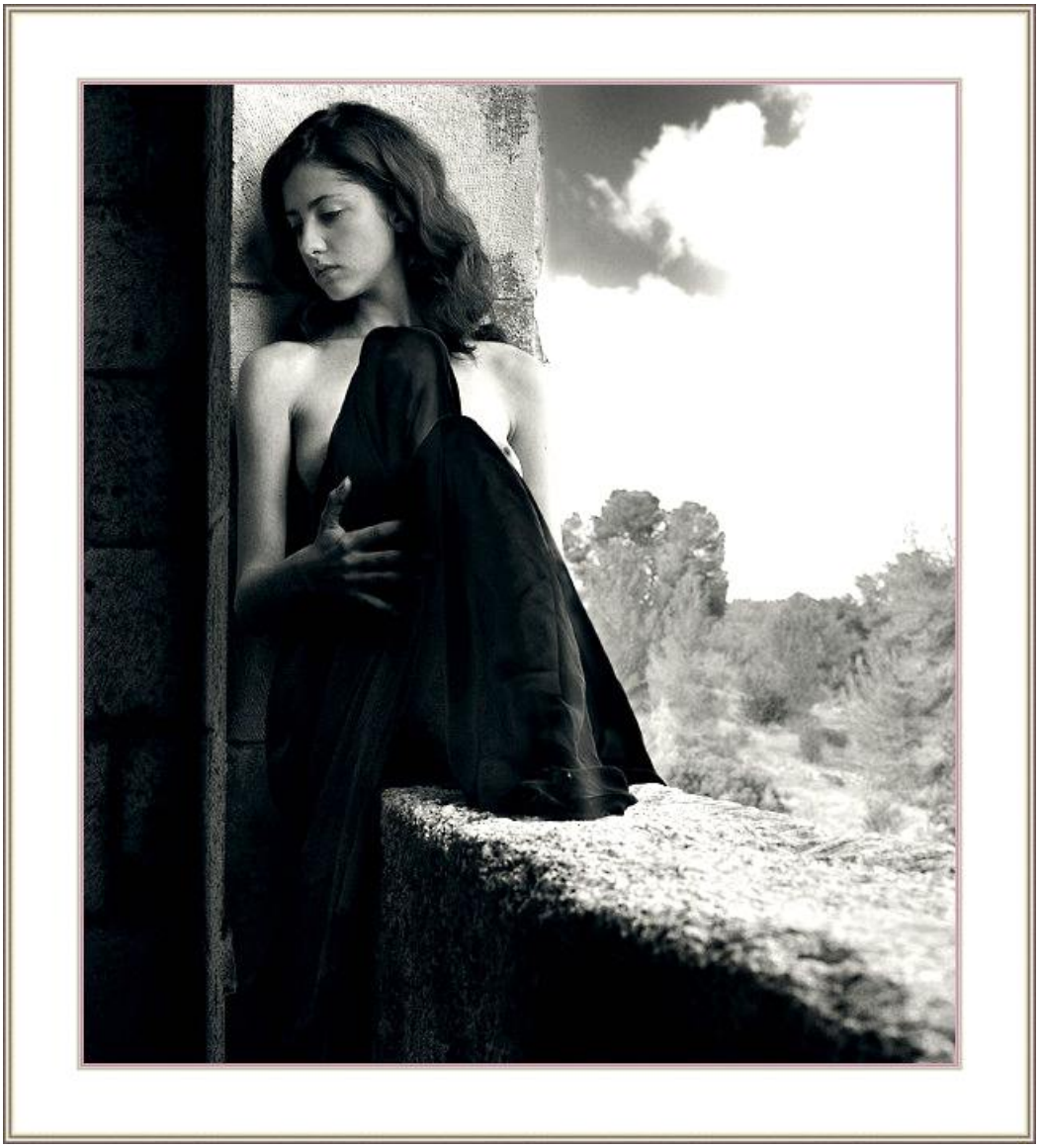
На поле знаков и пробелов,
в любом строю, любой строфе
ты – восклицательный! Ты – смелый.
Ты рвёшь бумагу. Рвёшься вверх,

отталкиваешься от точки,
от планетарной круглоты…
Благословенны одиночки,
что несгибаемы как ты!

Безудержная ордината
красива – высшее из прав.

И выпрямляется горбатый,
с тобою рядом постояв…

AZELMAN



Наталья Крофтс.

Родилась в Херсоне (Украина) в 1976 году. Окончила МГУ имени Ломоносова (Россия) и Оксфордский университет (Англия) по специальности классическая филология. Работает консультантом по коммуникациям и СМИ, живёт в г. Сидней, Австралия. Автор двух поэтических сборников; стихи, рассказы, статьи и переводы публиковались в периодике и коллективных сборниках (в журналах «Юность», «День и ночь», «Интерпоэзия», «Слово/Word», «Австралийская мозаика» и др.). Стихи на английском опубликованы в четырёх британских поэтических антологиях. Лауреат ряда литературных конкурсов: в том числе – «Золотое перо Руси», «Цветаевская Осень», «Музыка слова», «Музыка перевода-II», турнира переводчиков «Пушкин в Британии»

***

На развалинах Трои лежу, недвижим,
в ожиданье последней ахейской атаки
(Ю. Левитанский «Эволюция»)

На развалинах Трои лежу в ожиданье последней атаки.
Закурю папироску. Опять за душой ни гроша.
Боже правый, как тихо. И только завыли собаки
да газетный листок на просохшем ветру прошуршал.
Может – «Таймс», может – «Правда». Уже разбирать неохота.
На развалинах Трои лежу. Ожиданье. Пехота.
Где-то там Пенелопа. А может, Кассандра... А может...
Может, кто-нибудь мудрый однажды за нас подытожит,
всё запишет, поймёт – и потреплет меня по плечу.
А пока я плачу. За себя. За атаку на Трою.
За потомков моих – тех, что Трою когда-то отстроят,
и за тех, что опять её с грязью смешают, и тех,
что возьмут на себя этот страшный, чудовищный грех –
и пошлют умирать – нас. И вас... Как курёнка – на вертел.

А пока я лежу... Только воют собаки и ветер.
И молюсь – я не знаю кому – о конце этих бредней.
Чтоб атака однажды, действительно, стала последней.

НАД ПЛЁСОМ

Выйдешь на берег – неслышно, как тень, молчаливо.
Станешь молиться отчаянно, истово, вслух.
Снова кругом половодья – и снова разливы
Будут безбожно терзать беззащитный мой дух.

Двух не бывает смертей? – Всюду смерти и войны.
Глух – говорят – к вопиющему пастырь небес.
Бес – говорят – он попутает, будьте покойны!
…Берег. Рассвет. И над плёсом колышется лес…

«НОСТАЛЬГИЧЕСКОЕ» ИЛИ «О ГЕНАХ»

Знать – судьба. Не уйти. Губы с дрожью прошепчут: «Осанна!»
Но темнеет лицо. И беда понесётся вразнос.
Волокут. Кровь на белом снегу. Крики ужаса. Бой барабанный.
«Нам бы крови да слёз, молодцы, нам бы крови да слёз!»

Видно, гены у нас – от лихого, шального смутьяна.
Что-то тихо? Вставай! Сочинить ли со скуки донос?
Кто наврал, что у нас благодать, мол, нужна и желанна?
Нам бы крови да слёз, молодцы, нам бы крови да слёз!

И уютно живя возле ласковых вод океана,
в жилах чую метель, да пургу, да ядрёный мороз.
Бунты. Раж. Топоры. Да на рельсы опустится Анна.
«Нам бы крови да слёз, – я шепчу. – Нам бы крови да слёз».

***

Таврии, земле Херсона и Херсонеса

Черноморские дали.
Дикий храп кобылиц.
Звон отточенной стали.
Кровь.
Я падаю ниц.
И на тунике белой –
тёмно-липкий узор.
Принимай моё тело,
Херсонесский простор.

Белокаменный град мой,
смесь народов и вер,
я вернусь. Я обратно
обязательно вер...

Полонянок уводят
босиком по стерне
на чужбину, в неволю.
Крики.
Топот коней.
Уж и ноги ослабли,
не шагнуть мне, хоть вой.
Янычарские сабли –
над моей головой.
Я крещусь троекратно.
Добивай, изувер...
Я вернусь. Я обратно
обязательно вер...

Вот и всё. Докурили.
Чай допили. Пора.
Расставания, мили...
Может, это – игра?
Полсудьбы – на перроне.
Путь веревочкой свит.
И – без всяких ироний:
«Приезжай». – «Доживи».
О измученный град мой,
смесь народов и вер,
я вернусь. Я обратно
обязательно в-е-р...

ХЕРСОНСКАЯ ЗАРИСОВКА

Осенний день. Репринт. Перепечатка
прошедших лет. Жёлт плагиатор-клён.
Хоть солнечно, но ты уже в перчатках.
А под асфальтом прячется брусчатка,
как беженка из сказочных времён.

СКАЗКА

Всё просто: я струилась в берегах,
А он поил печаль моим дыханьем.
В тени листвы печаль, дрожа боками,
Позвякивая сталью в удилах,
Пыталась одолеть пред миром страх...
А я себе струилась в берегах.

Всё просто: он поглаживал печаль,
Смотрел в глаза озёр моих усталых
И вспоминал, как молодцу пристало,
Озёра глаз, что жизнь умчала вдаль...
И ласково поглаживал печаль.

Всё просто: я не помню, сколько лет
Его буланый пьет мою водицу,
И путник, позабывший торопиться,
Стал частью леса, превратился в свет,
Сидит, моим дыханием согрет...
Но я уже не помню, сколько лет.

***

Я – жёлтый листик на груди твоей.
Меня на миг к тебе прибило ветром.
Вот и конец. И не найти ответа,
зачем в тиши изнеженного лета
поднялся ветер и, сорвав с ветвей,
мне дал на миг прильнуть к груди твоей.

***

"Кого боги хотят погубить,
того они лишают разума" (Софокл)

Боги нас безумьем поразят…
…В телефон я глупости шепчу.
Ум твердит: «Оставь его. Нельзя».
Сердце властно требует: «Хочу».

Через стык континентальных плит
я за сотни вёрст к тебе лечу.
Сквозь «нельзя», которое болит,
к одному желанному «хочу».

И сомкнувшись так, что не разнять,
не унять и не остановить,
не понять запретов, не принять –
пьём одно кипучее «любить».

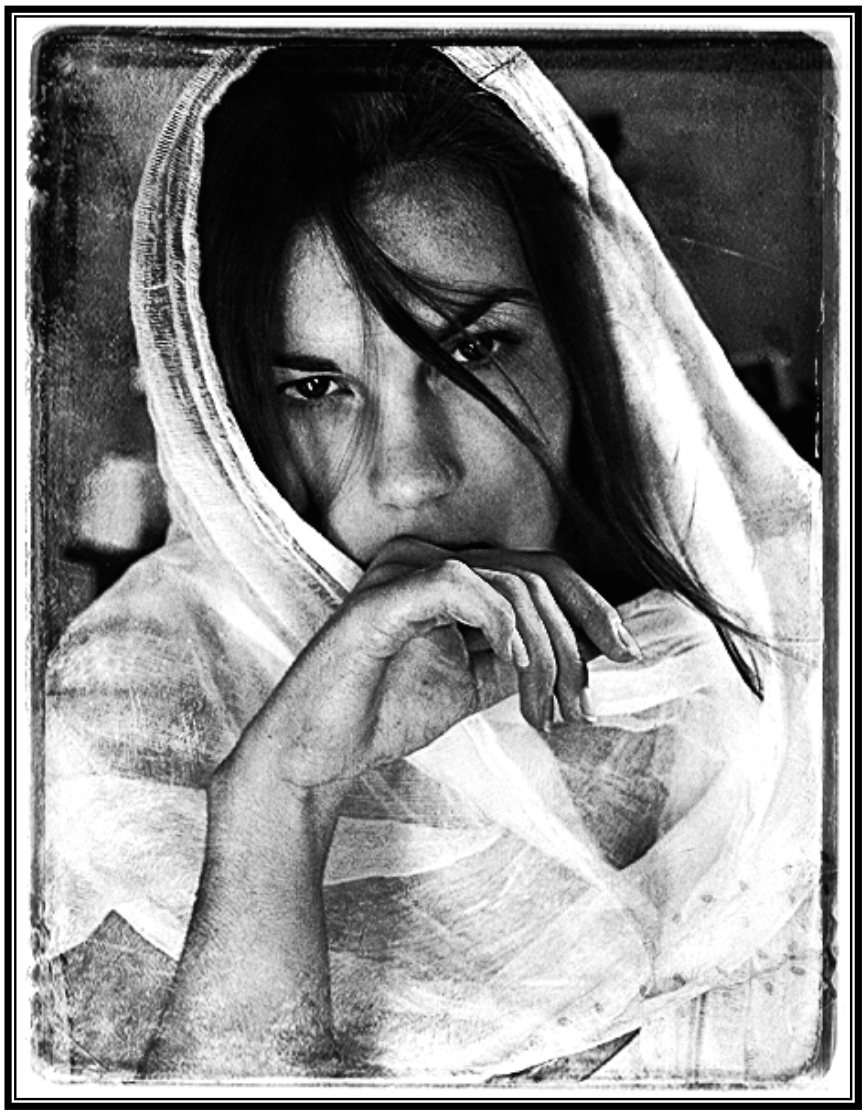
…Но уводит прочь моя стезя
от тебя. Ты куришь. Я молчу.
Глотку жмёт суровое «нельзя»
веру потерявшему «хочу».

Всё. Рука пуста. Реванш не взят.
По закону чести я плачу:
падаю на остриё «нельзя»
с выси недоступного «хочу».

***

Ты оставил рубаху. Наверно, чтоб было теплей
мне в морозную ночь
(этот город прохожих не греет).
Ты налей мне. Да нет –
просто чаю покрепче налей.
И рассвет
мне неловко крадётся в зрачки –
и алеет.
Повезёт? Повезёт.
до меня дотянуться легко.
Присылаешь в подарок пакет –
по мобильным частотам.
Далеко? Да плевать. И пускай далеко-далеко...
...и со злостью рассвет бьёт палящим мячом по воротам.

A.D. (infectedbrain)



Элла Крылова

Родилась в Москве. Объехав Европу от Северного Ледовитого океана до субтропиков и от Урала до Атлантики, прожив 11 лет в Санкт-Петербурге, вернулась в Москву.
Занималась живописью, фотографией, оперным искусством. Как поэт дебютировала в московском журнале «Знамя» в 1991 г. Автор девяти десятков публикаций в российских и зарубежных изданиях и двадцати книг стихов и прозы.

Middle way

Сознания лестница, личных вех
познания - путь и жизнь.
Кого-то ступени приводят вверх,
кого-то уводят вниз.

А мудрый стоит посреди пути,
вдыхая и март, и смрад.
Зачем куда-то ещё идти?
Повсюду - Господень сад.

Прошлое-будущее

Сергею

За пивом вечернюю скуку вдвоём коротая,
уносимся мы в золотую эпоху Китая,
где мудр император, народ его чтит, даже любит,
особенно в дни, как чиновникам головы рубят.
Построено много дворцов, ну а пагод - не счесть их.
И жёнам китайским, и воинам свят кодекс чести.
И спорят буддийский монах с вдохновенным даосом
по самым насущным - божественным то есть - вопросам.
Так спорим и мы, разливая по яшмовым чашам
кокосовый сок, о посмертном присутствии нашем
у Жёлтой реки или вовсе отсутствии полном,
и дым благовоний над лаковым стелется полом,
как горный туман, не застлав голубые вершины.
Я глажу мизинцем твои дорогие морщины
в тени балдахина, на шёлке полночного ложа:
я - юная жрица, ты - старый опальный вельможа.
Мы вместе навеки, раз так нам И-Цзин напророчил,

и наши объятья, как в небе луна, непорочны,
и красный гибискус, из кос моих чёрных упавший
тебе на ладонь - он из строчки Ли Бо, нам запавшей
в сознанье, о том, что чужды Поднебесной изъяны.
С таким ликованьем кричат на заре обезьяны!..

Ода (дао) ночи

Как мне ночь не любить, материнскую эту утробу,
и ночные огни, и диковинных птиц голоса?
Нет, она, эта ночь, не подобна унылому гробу,
но растут из неё, умываясь росой, небеса.

И не злы божества темноты, а скорее несчастны,
надо их приласкать, им во здравье поставить свечу.
И вином золотым наполняются звёздные чаши,
и ночные цветы к нам по лунному сходят лучу.

Чародейка, Пьета, ты оплачешь и вылечишь раны,
о, родимая ночь, и как факелы встарь - фонари.
И поэты, твои проштормлённые тьмой ветераны
на крылатых плечах поднимают кулису зари...

* * *

Лежу в траве, обняв весь шар земной,
как матери беременное пузо,
касаясь Колымы одной рукой,
другой рукой - пролива Лаперуза.

А там, внутри - ужель кромешный ад,
где нам подкинут лишнее поленце?
О нет! Я вижу, слышу: как набат,
там бьётся Бога пламенное сердце.

Отшельник

Со скрежетом откроется калитка,
и мне навстречу выйдет, сед и сгорблен,
старик с вороной хмурой на плече.
Сирень бушует в палисаде ветхом,
сквозь щели в кровле голубеет небо,
а в нём светило, как в параличе.

Из белых чашек тонкого фарфора
зелёный чай неспешно отпивая,
мы говорим, что нечего жалеть
расколотый форфор и чай, что выпит,
и зябкая сутулится ворона,
отчётливо-безмолвная, как смерть.

* * *

Александре

Надёжный друг мой, дорогая дочка,
котёнок рыжий мой зеленоглазый,
такая вот выходит заморочка,
что у меня заходит ум за разум:

мне с каждым днём труднее верить в Бога,
и я порой совсем в Него не верю,
и в ожиданье мрачного итога
поскуливаю псиною под дверью

в небытие. Но мне в кого-то верить
необходимо: ты, мой бог прекрасный,
утешь меня, как могут только звери
утешить чад своих в ночи ненастной.

* * *

Боже, все мы - чумазые дети Твои.
Все в моче и слюне, и в дерьме, и в крови.
Попроси алкоголика Ваню:
пусть протопит нам русскую баню.
Там грехи с нас сойдут, и пороки, и пагуба,
засверкаем опрятностью, как образцовая палуба,
засияем отмытыми нимбами, олухи,
пред Тобою, Всевышний, как будто подсолнухи!

* * *

Японских поэтов особенно сладко весною
читать-перечитывать, нежною вишней сквозною
любуясь, как сакурой, воображая горы
и океан за ними, в котором споры,
досужие разговоры, как камни, тонут,
и белые чайки в истоме любовной стонут
над волнами, перемывающими посуду
к столу императора. Клёны - они повсюду:
в моём подмосковном окошке, промытом с тщаньем,
и возле лачуги отшельника Тамбы, что обещаньем
служить только Будде обрёк себя век поститься.
Ах, как же порою хочется опроститься,
одеться в рванину, её подвязать верёвкой
и шлёпать по миру без цели, но со сноровкой
отважного мастера дзэн! И дурь из людей повыбить,
как пыль из ковра! Но не лучше ли просто выпить,
ведь вишня уже лепестки осыпает в слякоть.
Читаю: “Как сладко немного выпить, потом поплакать».

После бури

Над полночной моей светильней танцуют мошки,
как Давид, ликуя, перед Ковчегом.
Мёртвый дед мой твердит откуда-то “трошки, трошки”.
В телефоне еврей беседует с печенегом.

Жалюзи из бамбука щитом послужат,
а мечом - всеядная авторучка.
Но пускай с милосердием ангел меня подружит,
ибо жизнь - не стычка, любовь - не случка.

Надо жить вопреки бессмыслице, ради смысла.
И любить вопреки телесности, ради духа.
Вот разгадка всех пошлых загадок сфинкса.
Только это спасает, когда непруха.

Вопреки морозу гулять босиком по снегу.
Вопреки нужде расточительность Божью славить.
И сказать “лэхаим!” еврейскому печенегу,
и за Мао-дзедуна Николе свечу поставить.

Бытие не линейно: в пальцах - обрывки ниток
строгой причинности, ежели есть такая.
С первых слов не узнаешь, чем завершится свиток:
приговором? УДО? околесицей попугая?..

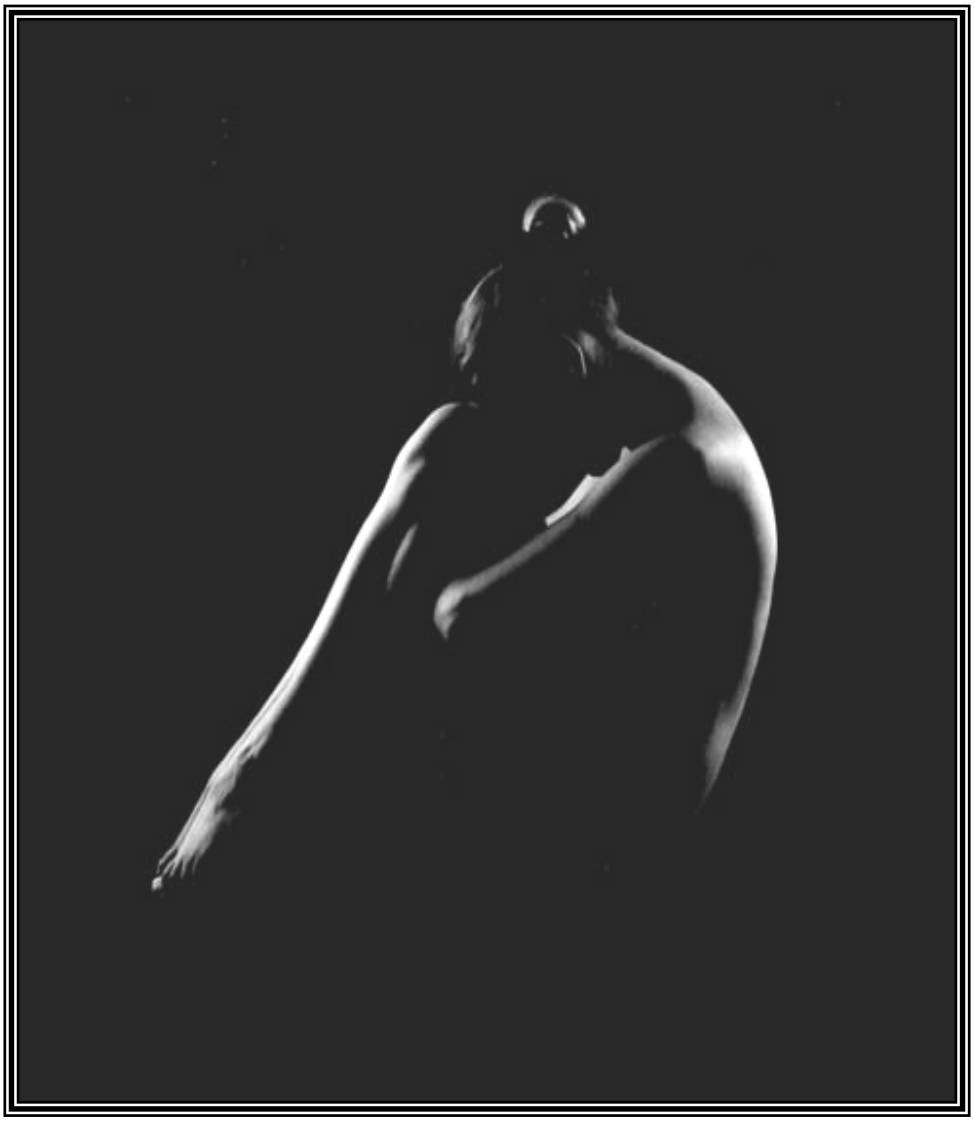
В ночь на Рождество

Я люблю тишину, я люблю тишину и покой,
лишь усилят беззвучия громкость поющие птицы.
Я люблю размышлять, глядя в небо с блаженной тоской,
с сигаретою в шуйце, с простой авторучкой в деснице.

Я делиться с котёнком прилежною строчкой люблю
и в зелёных глазищах читать одобрение Божье.
Я довольна сегодняшним днём, пусть сродни кораблю
без руля этот век, и в душе, как в миру, бездорожье.

Я люблю свою жизнь. И не надо трескучих вестей
о дефолтах, торнадо, терактах, ведь только плохое
помещается в сводки. Я жду от волхвов новостей!
И оставьте в покое меня. Ах, оставьте в покое!

Digin



Игорь Джерри Курас

Родился в Ленинграде в 1963 году. По образованию инженер-теплоэнергетик. С 1993 года живёт в Новой Англии. Работает программистом, пишет стихи и прозу.С 2010 года публикуется в периодических изданиях и сборниках в России, Израиле, США, Канаде, Германии, Украине. Автор двух книжек стихов, изданных в Петербурге издательством "Тихая книга".В качестве судьи и рецензента принимал участие в нескольких международных поэтических конкурсах.

***

Какой-то полоумный звездочет
немыслимо растрёпанной вселенной
напутал всё, и вот ко мне течёт
то локоть твой, то локон, то колено.
Мне был твой лоб (прекрасен и округл)
явлён, как чудо, — и губами гладил.
Ты отвернулась — я прижался сзади:
держал в руках.
Не выпускал из рук.
Я был с тобой, как будто был всегда.
Как будто так замыслилось издревле:
и мы, грехом сроднённые во древе,
и змей, и плод. И смертная судьба.
Мы задохнулись, умерли. В садах
испуганные встрепенулись птицы.
Кружась, они боялись опуститься
туда, где мы.
Я здесь.
Иди сюда.
Иди ко мне, пока ещё шаги
сурово не приблизились, и посох
едва правей шагающей ноги
ещё не прорезает землю косо.
Иди, пока не взвилась борода
внезапно запрокинутая ветром.
Пока ещё не требуют ответа,
иди.
Иди ко мне.
Иди сюда.

Ночная пастораль

Разноцветные камешки Дафнис кладёт пред собой.
Примеряется Хлоя к свирели под выпуклой ивой;
и козлищи, и агницы — все возвратятся домой —
все затихнут: от кроткой овечки до самой бодливой.

Вплоть до самой блудливой — вернутся; на звук прибредут.
К тростнику пустотелому, к пальцам на трубке покатой.
Если время сверять по свирели, то можно и тут
жить легко, без оглядки, встречая густые закаты.
Можно жить без оглядки и медленно думать о том,
что отсутствие звуков всегда ожиданье свирели.
Что лохматые звёзды стадами на небе ночном —
тоже призваны кем-то. Вернулись домой. Присмирели.

***

Истечение времени тенью в горячем песке —
или тем же песком, по стеклянному сгибу бегущим;
или медленным мёдом, застывшим уже в волоске
сладкой каплей жемчужной — тугой настороженной гущей.
Разве можно не слышать? И, разве, с грехом пополам,
не додумался ты — не постиг, изучив, как науку,
что не слышал, не слушал — не верил ни снам, ни словам?
Но какие слова рядом с этим растянутым звуком?

Этот звук бесконечен: то скрипкой звучит, то альтом,
то в басовом ключе на плече под смычком истекает.
Ты поднимешь глаза: "Ничего не бывает потом:
там — ни света, ни солнца, ни сна — и мгновение тает"
Ну, так дай же забыть то, что я не могу позабыть!
По стеклянному сгибу отмерь мне тугую микстуру!
Медной каплей растянута мёда тяжёлая нить.
Настороженным звуком расписана вся партитура.

Мой рассвет открывается медленно. Сходит со льда,
вызревает и падает солнце. За ним остальные.
Клёны строят ряды легионом суровых солдат
и несметной блестят чешуёй — истуканы стальные.
Никому не исчезнуть: ни тайно, ни в дерзком броске,
не исчезнуть никак: ни по плану, ни, вдруг — по наитью:
только каплей медовой на тонком висеть волоске —
на струне настороженной звуком растянутой нити.

***

С точки зренья шмеля в середине цветка,
изогнувшего стебель дугой,
даже этот, ничем не приметный закат
зреет каплей нектара тугой.
Чтобы только остаться один на один
с неразгаданной формулой дня,
чтобы тени длиннее: суровых осин —
и моя, с точки зренья меня.
Под бумажным плафоном, на ощупь, едва —
то сплавляла меня, то звала;
и мозги мне запудрила напрочь, и два
бутафорских прозрачных крыла.
И не мог ни взлететь, ни поднять головы,
ни подумать: хочу ли ещё?
Три листа распластались. Лесные стволы
сплетены ядовитым плющом.
Как пять пальцев своих я тебя изучил,
след росы на руке сладковат.
Пусть на ощупь, как шмель — только хватит ли сил
сквозь ничем не приметный закат?
Чтобы восемь часов на исходе витка
потянулись нектаром тугим.
С точки зренья шмеля в середине цветка;
с точки зренья меня перед ним.

***

Кленовый свод, побитый синевой —
весь лес повис в росе и птичьем свисте.
И гусеницы — там, над головой,
(клянусь, я слышу!) поедают листья.
Прими меня: как солнце, как росу;
прими меня, как сладкую микстуру
лесной травы. Прими меня в лесу
за волка. Приручи, и волчью шкуру
примни на мне, как приминают мох,
на шею мне набрось свой узкий пояс —
и я пойду с тобой, и, видит Бог,
у ног твоих я лягу, успокоясь.

Непамятник

Я памятник себе — и больше никому.
Любезен буду тем, но нелюбезен этим.
Пусть зарастёт ко мне, и прорастёт вокруг —
там, с высоты столпа, никто и не заметит.
Приподнялись над всем ночные этажи:
кто требовал винца, кто торговал венцами.
Я тот, кто просто жил — любовью дорожил —
оспаривал глупца с такими же глупцами.
И в мой жестокий век, и в твой жестокий век,
и в наш жестокий век — все звёзды нам мерцали,
но — беспробудным сном утяжелённых век —
не пробудил ни ты, ни я, ни те, что с нами.
Ни финн, и ни калмык, — ни гордый внук славян:
сам по себе стою — не вылепленный в глине,
не в бронзе отлитой, не в камне изваян —
не во главе угла, и не посередине.

***

Давай начнём замедленно, затакт.
Начнём легко — уже на первом вдохе
вдруг осознав: нам выпало за так
стократно больше тех, кому — по крохе
(довольствоваться, жадно сжав в горсти)
А нам: на вдохе, в четырёх ладонях
всё не сгрести, с собой не унести —
и не спешим, и нет для нас погони.
Давай начнём замедленно — тогда,
и время вдруг само пойдёт по кругу.
За временем потянется вода,
и мы, приговорённые друг к другу —
бесплотные, как тени на песке,
как мотыльки, осыпанные пудрой:
нам только день начертан на листке.
И будет день. И будет ночь. А утро?
И память не найдёт слова сказать —
как будто порастёт чертополохом.
Закат — на четырёх ладонях — спать
уляжется затакт вселенским вдохом.
И будет звук такой, как будто стих
вдруг пробудился в шепоте и стоне.

Нам перепало то, что не снести,
но мы одни — и нет для нас погони.

Марлен

Wenn die Soldaten
Durch die Stadt marschieren

Марлен, Марлен! Отмеряно у тлена
мгновенье только. Серебрится пена:
воды не жаль, и веников не жаль.
И мыльная всплывает гигиена
на киноленте Лени Рифеншталь.
Там мальчики немецкие. Хрусталь
воды озёрной, и луга, и сено.
Вот, есть ещё плечо — и есть колено;
глаза пока глядят и смотрят вдаль.
А там, вдали — окопы и гангрена,
огонь, геенна; чернозём и сталь.
И никому не выбраться из плена.
Марлен, Марлен! К чему моя печаль?

Бостонская элегия

"Подождите: Лермонтов, значит, мучитель.
Тютчеву — стрек*о*зу;
с одышкою — Фет".
Лазарь Моисеевич — старый учитель
на скамейке с ворохом русских газет.
На скамейке в бостонском парке.
Над речкой
пахнут незнакомо чужие кусты.
Строго через мост — к остановке конечной
красные вагончики едут пусты.
Вдоль по небу ходят тяжёлые тучи,
отражаясь пятнами злыми в реке.
А старик бубнит на великом, могучем,

Natalya Smirnova

Борис Кутенков

Поэт, литературный критик. Родился в 1989 г. в Москве, где и живёт. Окончил Литературный институт им. Горького (2011 г.) Занимается сочинением стихов и литературной критикой. Автор двух стихотворных сборников: «Пазлы расстояний» (2009) и «Жили-боли» (2011).

Бабочка Гродберга

I. Белая бабочка пляшет по краю органа.
Бабочка смотрит на Гродберга, Гродберг – на гаммы,
мама – на бабочку Гродберга. Всем хорошо.
Мир на воздушном качается шаре большом.
Господи, что ж напоследок всё как-то туманно,
словно отчалило детство со всем багажом?..

Память упорно разложит слова по порядку:
этот гербарий отложим, а этот – в тетрадку,
бережно, рядом с рассохшимся белым крылом.
Тает надежда облаткою под языком.
Если оттуда смотреть – всё бездумно и сладко;
если поближе – овеяно горестным сном.

Чудо моё невозможное, белые дни!
Выгони новых, случайных, земных, кто бы ни,
только верни ощущенье, что склеено блюдце.
Если нельзя – только туже петлю затяни.
(Господи, год – как тут памятно не задохнуться!..)
В зелени, в зелени жёлтой стоят и смеются,
помолодев на пригоршню беды и стыда.
Лица размыты, нездешним очерчены светом.
Каждый уже одинок – но не знает об этом.
Каждый по капельке мёртв – но не скажет когда.

II. В этой системе разладилось что-то – и вот
больше на жёстком магнитном никто не живёт.
Память легко удаляет ненужные файлы.
В левом углу монитора кораблик плывёт.

Сколько на крестик ни жми – выплывает окно:
светлая комната. Четверо. Ночь. Люблино.
Немногословные, словно подземные стражи:

этот застенчив, а эта – уткнулась в кино.
… Алое-алым плывёт под футболкой пятно.

Я никому не под стать в этом пасмурном царстве.
Райская скатерть бела – о, безмерность моя! –
или молчание – сумрачно, жёстко, пацански –
или рыдание – залпом, в четыре ручья.

Крепко отчаянье, крепко держу на весу.
Дурой-рукой небольшую устрою грозу:
дурой-рукой, чтоб не вязнуть в их топком покое,
скатерть, и блюдца, и всё это царство снесу.

Может, хотя бы тогда пошевелятся, но –
это минутное чувство скорее смешно.
О, моя радость – мотив жестяной, коробейный!

Алое-алым плывёт под футболкой пятно.

Нету других «потому» на твои «почему».
Музыка, музыка – выстрелом в топкую тьму.
Эта программа уже никогда не ответит.
… Дай завершить самому.

***

I. Благослови Господь тебя, мой враг.
Вот так: благослови тебя Господь.
Ещё: Господь тебя благослови.
(Как ни крути – а всюду стык согласных).
Последний гвоздь вобью остервенело,
присыплю крышку горсточкой земли.

И всё ж – благослови на самом деле,
что я один, а за окном гроза;
пишу себе – и, кажется, стучится
судебка, скудоумица, синица,
и мне дано прекрасное юродство –
смотреть в её бесцветные глаза.

II. Господь с тобой, мой враг, не ставший другом,
что, убоясь меня, ты чертишь круг,
и мы в дожде, очерченные кругом,
где каждый голос – эхо, полузвук;
доносятся слова через мембрану,
боишься, просишь, веришь – искажает,
и сходит за удар пожатье рук.
Не тон – полутона, не тень – оттенок,
не человек – спокойствия предел;
и говорит – мол, это не смертельно,
но выбрал – и красиво умираешь:
достойно, в тридцать семь, ударом в спину
из-за угла – как сам того хотел.

III. Так славно озлобление твоё
под маской безразличия, что слов нет;
так средь дождя забытое бельё
стыдливо притворяется, что сохнет.
Так я стою – очищен, кроток, наг,
а ты – дождлив, и мелочен, и бешен;
грубишь, проходишь – и не узнаёшь;
так, якобы учительствуя, дождь
стегает ветки вишен и черешен;
так я пройду – и следом ты пройдёшь.
Так всё пройдёт – и да пребудет так.
… Благослови тебя Господь, мой враг.

***

Дмитрию Шабанову и Полине Кондауровой

Снится-бредится: белое солнце над нервной Невой.
Трудный август под сорок, плывущие призраки-лица.
Снится: тройка крылатых коней и небесный возница.
Едем-едем сквозь дождь, и во сне не видать ничего.
Снится: белое солнце, и в тигле расплавленный день.
Остановка в дороге – так дивно, так странно и длинно…
Эй, ямщик, не тяни! Позади – двадцать два с половиной.
Мне ещё есть куда поспешить. Подгони лошадей.
Ты такой же, я верю – надрывно-крикливого склада.
Говори что-нибудь – что ещё не оборван полёт,
что недолго осталось – так больно, так верно, так надо;
что ещё по плечу нам словесная эта отрада;

что устали слегка от пути – но и это пройдёт.
Если даже лететь бесполезно – скажи: полетели,
обмани, что назавтра – удача, и радость, и кров.
Спой мне хрипло о жёлтой каморке с окном на Литейный,
спой о городе пасмурных скверов и зябких ветров.
Схорони меня в месте, куда по сердечному зову
без гроша уезжают, забив на размеренный быт,
пьют на крыше коньяк – и ни-ни за опасную зону,
и в холодных стихах – ни намёка на то, что болит.
Здесь легко обезуметь – подумаешь, меньше ли, больше…
Сколько нас – молодых и красивых, и крылья ничком…
Ночью колокол нервно звонил – ну давай, успокой же,
что не скажет о ком. Что под пыткой не выдаст о ком.

Колыбельная

Так нынче в комнате светло,
что кажется – темно.
Так сердце от беды свело,
что кажется – в стекло
стучит, выпрашивает пай:
немного хлеба, крепкий чай.
Качаем люльку, баю-бай.
Ребёнок, засыпай.

Пускай приснится тёплый дождь
и добрый китоглот.
У каждого на сердце ложь
и свой к другому счёт.
Ну а с тобой – наоборот,
ты был и есть – наоборот.
Стучи, стучи, базарный грош.
Блаженствуй, обормот.

Ты скоро вырастешь, пойдёшь,
куда беда ведёт.
Ну а пока – напрасно ждёшь:
ушла и не придёт.
Важней всего её покой.
Порядок на душе у ней.
А в комнате – мороз такой,
что нет его страшней.

Там город с тысячей дорог
и люлькой подвесной,
где бережно сопит вьюнок –
бесёныш заводной.
Ему назавтра – пир горой,
кастрюлька с беленькой лапшой.
И дивный мир у детских ног –
волшебный и большой.

* * *

I. Левой, правой, вот сюда.
Вдох глубокий, руки шире.
Возвращается беда
на круги своя-чужие.
С ней вернутся в дом родной
все, кого давно не ждали:
станет облако водой,
деревом – стена меж нами.
Стоит ранку сколупнуть –
всё опишет круг в начало:
кукушата – в скорлупу,
солнце – в небо, дым – в трубу,
слово – в то, что означало.
Сон, родясь из темноты,
темнотой очнётся снова;
подзабытые черты
воскресят меня иного.

Только не вернёшься ты
в этот свет первоначальный;
возвещён приход беды.
Скрип качельный. Вскрик печальный.
Ты – за лесом, за дубравой,
ты – за праздничным столом,
в окруженье пёстрой славы.
Рядом – гости бьют челом.

Ать-два-левой! Ать-два-правой!
Ходит горюшко кругом.

II. Гости весело смеются,
горе празднично идёт.
Мы ему подставим блюдце –
пусть поест и пусть попьёт.
Просидит в углу весь вечер,
лязгнет звуком заводным,
цыкнет зубом золотым.
И, поняв, что делать неча, -
потихонечку уйдёт.

Горюшко-горе,
улети на небо,
нету больше хлеба –
ни белого, ни чёрного
для тебя, никчёмного.

Свет хрустальный за окном.
Возвращайся в божий дом.

Agris Robs

Александр Ланин

Родился в 1976 г., в Ленинграде. В настоящее время живу в Германии, во Франкфурте-на-Майне. Окончил Боннский университет, математик, работаю в банковском секторе. Стихи пишу с начала девяностых годов прошлого века. С 2001 года публикую свои тексты в интернете. Также было несколько публикаций в эмигрантских журналах и сборниках по итогам различных сетевых конкурсов. Не являюсь членом каких-либо ЛИТО, если не считать странного статуса "члена Русского литературного клуба первого созыва" на сайте "www.stihi.ru". Победитель литературного конкурса "Пушкин в Британии-2010" в номинациях "Приз зрительских симпатий" и "Приз имени Риммы Казаковой "За лучшее стихотворение о любви". В крупных сетевых конкурсах практически не участвовал. Был номинирован на конкурс "Муравей на глобусе", но даже не попал в лонг-лист. В конкурсе "Осенние тетради" занял первое место в номинации "Подборка стихотворений" и второе место в номинации "Поэзия". Остальные сетевые успехи носили локальный характер.

Напёрсточник

Я говорю: "подвинься, здесь и так горячо".
Я ломаю свой взгляд о чужое бронзовое плечо.
Я говорю: "выбирай, где истина - она где-то там, внутри"
И пододвигаю бокалы. Бокалов - три.

Такая игра в напёрстки. Ты тянешь средний бокал.
Ты сама разлила его, я тебя под руку не толкал.
Ты сама сломала традицию, не пригубив вина.
Истина ниже дна.

Ещё можно гадать по кофейной гуще, я так тоже могу.
Можно гадать по звёздам и по вишнёвому пирогу,
Можно ломать комедию на маленькие смешные слова,
Ожидая, как минимум, выстрела. Хотя выстрелов будет два.

Такая игра в театр - кукольный домик, волшебный зонт.
Я говорю, что занавес опускается прямо за горизонт.
Я говорю, что где-то на небе кто-то включает свет.
Мне говорят, что нет.

Мне говорят, что на небе пусто – безлюдно, и все в пивной.
В раю перекур, забытые боги толпятся на проходной.
У любви помятое ночью тело и лицо с рекламы духов.
Все великие поэты не умерли - они просто не пишут стихов.

Значит, пора поверить во всё то, что делал во сне.
Мне говорят, что это к весне, хреновой такой весне.
Мне говорят, что у каждого между душой и кожей броня.
Значит, и у меня.

***

У принцессы сегодня сбежала ручная сова.
И она – словно книга, в которой пропали слова.

А у принца сломался любимый игрушечный меч.
И теперь он укрылся в засаде опущенных плеч.

Два ребёнка на троне сидят и молчат ни о ком,
И у каждого в чашке двойная печаль с молоком.

Дама (из цикла "Пять карт")

Не бывает любви, недостойной чужого горя.
Так слезинка ребёнка снежинкой сгорает в боге.
Разбуди меня ночью - огнём, небесами, морем,
Нарисуй мои звёзды на белом своём пороге.
Если вечер поймёт, он сумеет уйти от плена,
Но скорбит петушок о беспутном своём Додоне.
Моя тень, словно гость, покидает чужие стены.
Моя линия жизни бежит по твоей ладони.

Не бывает любви, недостойной чужого счастья.
Так неловкости ложь всё равно обернётся зверем.
Разбуди меня там, между первым и третьим часом,
Разорви мою цепь за секунду до звона звеньев.
На весеннюю улицу выйдут, рыдая, пары,
Возлагая цветы к веслорукой своей мадонне.
Но пускай моя бухта искрится рядами палуб,
Моя линия жизни лежит на твоей ладони.

Не бывает любви. Никогда. Никакой. И точка.
И томление духа - всего лишь причуда тела.
Но - дурные вампиры - мы живы, и живы только
Отражаясь друг в друге и тем сохраняя тени.
Наша хлипкая нить - не замена привычным тросам,
Ведь она и горит, и в воде, понимаешь, тонет.
Просто всё это то, что случится не с нами. Просто
Моя линия жизни бежит по твоей ладони.

Парад победы

По весенним площадям весть.
Но пуста и холодна грусть.
Орденов твоих, старик, вес
Не потянет ни одна грудь.

По весенним площадям вой,
Шорох ленточек, да шин вздох -
Так пытается войти вор
В заколоченный пустой дом.

Так вода, не намочив губ,
Утекает, миновав горсть.
По весенним площадям гул.
Он не внук тебе, старик, - гость.

Но дымяший самолёт слеп,
И горящий недвижим танк,
И смеются молодым вслед
Те, что выжили тогда. Там.

Прячут кукиши в узлах рук,
Нашей ложью растопив печь.
Я ничем не заслужил - в круг,
Я пишу о вас, а ты - пей.

Пей, старик, не разбавляй спирт,
Отряхни с набрякших век снег.
И на площадь не ходи. Спи.
Улыбайся хоть во сне.

Чайки

Я шагаю за плугом, следом идёт усталость.
Это - самая малость, это крупица горя.
Мы простили друг другу больше, чем в нас осталось,
И теперь нам осталось просто мечтать о море.

Ты шагаешь упруго, змей убежал из сада,
Да и яблока алость скрылась в желудке - воре.
Мы вернули друг другу больше, чем было надо,
И теперь нам осталось просто мечтать о море.

Мы шагали по кругу, клича и клича счастье,
А оно не скрывалось, просто оно - немое.
Мы любили друг друга больше, чем в небе чайки,
И теперь нам осталось просто мечтать о море.

Адам

Человек закрывает двери. Он давно никому не верит.
Он умён и в какой-то мере подготовлен к режиму труб.
Но пока не грядёт архангел, как подросток в дешёвой манге,
Человеку плевать на ранги и на то, что его сотрут.
Как рисунки стирает ластик, как стирают убитый кластер.
Ну и что, что не в нашей власти задержаться ещё на срок.
Человек изучает Канта, человек отдыхает в Каннах,
Человек проигрался в карты, но доволен своей игрой.

Вот такая смешная правда. Боги-дьяволы носят "Прада".
Человек забирает вправо, благо возраст уже не тот.
Впрочем, дело не в том, что сорок, и не в скучных семейных ссорах.
Человек никому не сторож, да и сорок ещё не сто.
Время врач, но, увы, мошенник. Два обрывка свисают с шеи.
И на них никакой мишени, никакого плаката "цель".
Человеку ничто не чуждо. Сорок лет ожидая чуда,
Он покорно чеканил чувства на железном своём лице.

Тихий окрик придёт за всеми. В этот миг замирает семя.
В этот миг умирают семьи, распадаясь на я и я.
Но возможность такого мига не влезает в картину мира,
Потому и проходит мимо в направлении волчьих ям.
Шелестит под ногами гравий, человек умирать не вправе,

Человека зовут не Авель - недостоин и не похож.
Ощущая свинец висками, человек поднимает камень.
Человека зовут не Каин. Потому-то и камень - ложь.

Данте

Спокойно и грустно, когда полпути за плечами -
Земного пути, потому что иных не бывает.
Друзья подстрелили зелёную птицу печали,
Но не потрошили и чучела не набивали.
И ты говоришь, что тебе перед нею неловко.
И машешь руками. Как крыльями, машешь руками.
Твоя Беатриче живёт в девяти остановках,
Которые ты до сих пор называешь кругами.

А птица глядит, не мигая, и взгляд её полон
Совсем не немого, а шумного злого укора.
Гитара на стенке - не самый изысканный повод
Напяливать новые рифмы на те же аккорды.
Так вера в себя почему-то похожа на ересь,
Волшебная флейта к губам перепуганно жмётся.
А к Моцарту в гости с бутылкой приходит Сальери,
И Моцарт нажрётся. И Моцарт, конечно, нажрётся.

Но что тебе гении, ты, ведь, и сам себе гений,
Хотя и не веришь себе ни на грош, ни на йоту.
Немного лысеешь, но это, наверное, гены.
А что до морщин, то они от питья и работы.
Друзья говорят, что бывает значительно хуже:
Дороги - не в Рим, а в иной итальянский топоним.
Твоя Беатриче давно завела себе мужа,
И ты её понял. И ты её, в общем-то, понял.

Ты смазал картину небрежным движением кисти,
И неба лазурь перекрасил в неистово алый.
Не то, чтобы ради каких-то загадочных истин,
А просто затем, что иначе она застывала.
Весомы слова и дела, а шаги невесомы.
Шагая по струнке, теряя без боли и гнева,
Ты в зеркале видишь себя с бородой и босого.
Но чуда не будет, и глупо закидывать невод.
Не явится рыбка - идея себя изжила ли,

А, может быть, просто никто ей за это не платит.
Однако в запасе осталось одно из желаний,
И этого хватит. Конечно же, этого хватит.
И, если твоя Беатриче однажды заплачет -
Случится беда, или просто тоска подкрадётся,
Ты к ней прилетишь, ты всё так же не можешь иначе.
И всё обойдётся. Ты знаешь, что всё обойдётся.

Mary kuzmenkova

Любовь Лебедева

Родилась в Ленинграде в 1985 году. Закончила СПбГУП (2007). С 1995 по 2002 год посещала литературный клуб «Дерзание». С 2003 г. участница движения «Послушайте», соавтор ряда спектаклей «Театра Поэтов», позже — участница литературного клуба XL, семинаров «Дебют», поэтических дуэлей, организованных Владимиром Беляевым. Финалистка осеннего поэтического Слэма-2005, коммерческого Слэма-2005, летнего Слэма-2006 (клуб «Платформа»), Слэма-2007 (клуб «Place»), а также финалистка Слэма-2006 (г. Москва). Стипендиат программы SLS (2006 г.). Член оргкомитета поэтического конкурса «ПОЭТому 2006». Участник Шестого Майского фестиваля новых поэтов (2007 г.). Участник Первого Всероссийского фестиваля лесбийской любовной лирики (2007 г.). Финалист конкурса Илья-Премия 2007 г. Шорт-лист Премии Дебют (2007).

фома

когда амур навел на меня свой лук,
и летела стрела, опереньем тугим звеня,
нет, закричал фома, и как лучший друг,
встал и закрыл меня.
и нас с фомою пронзило одною стрелой,
одною стрелой, предназначенной мне одной.
ты будешь любить и не верить чужим делам,
поступкам, словам, а только своей любви,
но когда я умру, то наша с тобой стрела,
сможет тебя убить.
так говорил фома, который верил в меня,
не пил вина, еще не стриг бороды.
солнце роняло тени, блестел медяк,
и не было в мире беды.
а потом он умер на моих бессильных руках,
и я видела, как он шел, не глядя назад.
девочка, хватит плакать, зудел лука,
и тетива дрожала в его глазах.
хватишься сердца - а его уже год, как нет,
и в груди стрела, и профиль фомы в окне.

книго-ноша. часть вторая.
не рыдай меня.

как ни брехал сивый мерин: god отмерян,
время разбилось, песок растёкся.
тело мое переломанное поднимает каренин.
что же ты сделала, ёксель-моксель.
и слёзы его летят на мое лицо,
и стучат, как далёкие лошади, цок да цок.
машинист разминает картуз: барин, она того-с,
плачет каренин, ревьмя ревёт паровоз.
слышу спросонья первый его вопрос:
ты соскучилась?

"холодок" во рту истекает, втекает в грудь,
потому что кончается год, истончается календарь.
я целую тебя наотмашь, принимаю в игру,
за тебя на излете отбив тепловой удар.
ты отводишь ракетку, и волосы лезут в глаза,
ты такой беззащитный, я на фоне твоем гюрза.
разбиваю часы: я для них отмерила год,
почему ничего не видно и поезд ревет?
и зачем надо мною рыдает смешной господин?
господи, дай мне сил. и уйди, уйди.

угольный набросок

в детстве ставили в угол и говорили: думай,
где ты была неправа, не включила собачку.
я любовалась обоями, мамин смакуя юмор,
и вынося резюме, что буду теперь иначе.
буду не врать, не брать, не наносить обиды,
то есть все те неправильные глаголы, что
затвердили в школе больше для вида,
чем для себя, и что же из этого вышло,
где же ундины, где принцы, где мрамор каррарский,
где неминуемость счастья, как злого укола?
чтобы "не бойтесь-любите!" стучало указкой,
ставило в угол, как мама меня после школы.
вот я стою. эта девочка, та, на платформе,
та, что смеется и машет кому-то протяжно,
сколько воды утекло, а она в той же форме,
с той же осанкой такой угловато-лебяжьей.

как бы хотелось схватить ее крепко за руку -
твой уготованный угол - твоя перспектива.
думай сейчас, как любить, только это - наука,
думай, пожалуйста, думай, без плача и ругани,
я не сержусь уже, я тебе все простила.

стрелы-пчелы

твоя стрела всегда тебя найдет,
и так пронзит, что воздуха не хватит.
прислушайся, она тебе поет

всем хочется немножечко тепла:
обнять, прижаться, задрожать всем телом,
я тонкая певучая стрела,
которая еще не долетела,
и значит, путь земной не прервала.
стрела, как пчелка в солнечном саду,
ужалит и погибнет без оглядки.
прижмись ко мне, я больше не уйду,
мне было *горько*, а теперь мне сладко,
и пальцы перепачканы в меду.
а где-то там стреле дано лететь,
минуя блокпосты, больнички, загсы,
в ней только боль, умеющая петь,
и чем страшней последнее пике,
тем песня оглушительней и слаще.
твоя стрела всегда тебя найдет,
а я стою под яблонями в белом,
облизываю пальцы: горек мед,
и то ли солнце, как стрела, блеснет,
а то ли я чего-то не сумела.

угомон

по твою буйну голову придет угомон,
сядет у изголовья и давай волосы перебирать:
черный волос оставит, седой волос вон,
черных волос много, седых - как знать.
это злое время течет *дашь нам днесь*,
как угрюм-река, повороты горьки.
я любила одного, да он вышел весь
в проем окна, в пойму реки.
только и осталось, как спать до утра
под живою водою, где каждый глоток
обжигает губы *пора-пора*
и летит по ветру седой волосок.

***

Ночь разлилась: редкие огоньки
И сопение злых медвежат.
Слова стали горьки,
Как подмороженный виноград.
Наш ковчег подрагивает на ходу -
Задремавший конь,
В лоб он вставил звезду:
Это во сне легко.
Снится ему утро в раю,
От попоны дым,
Я рядом с ним стою
Красивым и молодым.
Поедем, конек, в ночи
По льду скользя,
Ты не ковчег, молчи,
Баюкай меня.
Слова, которые боль несли,
Забудутся мной
Что это кислит?
Виноград земной.

***

Я в редкий вечер их не вспоминаю -
"Детей Освенцима" и "Новый фильм Озона":
Как мы любили нас на этих фото,
Что минуло уже четыре года,
А сердце до сих пор еще болит.
Ты сына дал земле, траве и морю.
Я не пойми кого - червям на радость,
И каждый вечер, где б ни оказалась
С другим мужчиной или с кружкой чая
Я в зеркале не вижу отраженья
Той женщины, которой стала я.
Нет, я смотрю на девочку, которой
Когда-то я была и с этих фото
сбежала - на минутку поглядеть
На женщину, которой скоро стану.
И мы стоим, и смотрим друг на друга,
И нам обеим в тягость эта встреча,
О как она спокойна, шепчут губы,
Но непонятно, непонятно, чьи.

***

твоя соседка - девушка-скрипачка, играет часто,
когда играет, ты уходишь в слух, на полуслове.
смотри, вот облако, похожее на чайку,
но ты иное ловишь.
я ненавижу тонкость стен, терзаю сердце,
бутонов красных на обоях двести пять.
им не раскрыться, мне не разреветься,
сижу с тобой, но как бы без тебя.
...потом прошло четыре года: цветных и серых,
что видела я в мальчике смешном?
но как она играла, эта стерва,
как по живому резала смычком.

Рафаэль Левчин

Родился в Крыму в 1946 году. Окончил Литинститут в Москве. Жил в Киеве, живу в Чикаго. Женат, два прекрасных сына, а также внук и внучка.Участник многих неформальных творческих групп, международных проектов, выставок, конференций. Пишу стихи, прозу, пьесы, эссе. Перевожу с украинского, польского, английского. Публикации в антологиях, журналах, альманахах, интернете. Занимаюсь керамикой, графикой, коллажом, визуальной поэзией, бук-артом. Часто в соавторстве с моей женой Эльвиной Зельцман. Работы в частных коллециях.Автор книг: ВОДАогонь, LUDUS DANIELIS, Избранное, [пилоты]; ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТ и другие идиллии. Издатель, главный редактор, главный художник самиздат-журнала REFLECT... КУАДУСЕШЩТ.Не знаю, можно ли назвать мою деятельность профессиональной, поскольку денег мне она пока не приносит и особой известности тоже. Но мне нравится

Из цикла «ИДОЛЫ»

Отрывок из стихотворения неизвестного обэриута
по мотивам не дошедшей до нас картины неизвестного прерафаэлита

кто голышом смеётся до поры
дриада девочка чудачка валентинка
смотрящая сквозь трещины коры
и нежное плечо отвердевает
прикидываясь узловатой ветвью

придурковатый рыжий фавн-подросток
кружит вокруг ствола
и дёргает свой стебель машинально
грызёт свирель свою
и завывает
и слыша смех дриады увядает

а два кентавра там за заднем плане
хохочут полускрытые в тумане
и бьётся в воздухе бессмысленное слово
лишь для тебя ни для кого другого

****

вот воины воют бредя на войну
теряя прозрачные лица
их руки растут и растут в вышину
и звукам несложно излиться

и смотрят сатиры сквозь призмы дождей
на скользкие игрища эти
опять вы разрыли могилы вождей
зачем вы безумные дети

кентавр оставляет пещеру свою
и молча уходит сквозь чащу
опять они жатву сбирают в бою
ну что ж если им это слаще
костёр на привале сжирает дриад
и светлые капельки крови
во рту саламандры так жарко трещат
опять за своё вы герои

и вышел святой кто давно позабыл
о подвигах злобе и славе
и то что вчера он не остановил
сегодня спокойно возглавил

****

не так уж это сладко
быть кентавром

чужие нам и люди и зверьё
но (хуже) если племя родных
чудовищ утратил обдирая о стволы
бока спишь в чаще
порою снится человек
(ты) порою конь
и видишь просыпаясь стаю
птиц (не)терпеливо ждущих глаз
твоих

четвероногий бог ты дал нам жизнь
хвала тебе четверг но где
среда

****

так ли как надо
как не надо но скоро
тьма не пускает
        не впускает
        не выпускает
чудища дремлют
акрокентавр мрак-рыба
четверокрылые
рукоокие боги
море песок и ветер уж стих
ты дома

александрийский стих
снова спешит к погрому

****

мой страх матёрый твой юный страх
единый по сути страх
но тот который плясал впотьмах
тот будет плясать впотьмах

темны дозоры их сны в слезах
к нам солнце забыло путь
но тот который плясал впотьмах
допляшет уж как-нибудь

а что я помню железный прах
дым чопорный смех морской
но тот который плясал впотьмах
мне скажет кто я такой

а если след мой застыл в словах
и зов зря ушёл на взлёт
что ж тот который плясал впотьмах
не обещал что споёт

Матушка Медоуз

Дмитрий Легеза

Родился в 1966 г в Ленинграде. Врач по образованию, живет в Санкт-Петербурге. Один из основателей и редактор литобъе- динения «ПИИТЕР.» Координатор литера- турного фестиваля «Петербургские мосты», конкурсов им. Н.С. Гумилева и Д. Хармса. Печатался в журналах «Знамя», «Интер- поэзия» (США), «Новый берег» (Дания), «Бельские просторы», «Петербург», «Се- верная Аврора», сборниках «Южный аль- манах» (Израиль), «Платформа XXI век», «Аничков мост» и др. Автор сборников стихотворений «Башмачник» (2006), «Кош- ка на подоконнике» (2010). Член Союза писателей СПб и Союза российских писателей.

Femme fatale

Хоть ангелом живи,
Хоть бейся и скандаль,
Внезапней ОРВИ
Приходит femme fatale,

Она приходит к вам,
Садится на тахту,
И вряд ли эта femme
Напоминает ту,

Которую в уме
Вы держите, весьма
Влюбленный в Мериме
И прочее Дюма.

Где роза быть должна,
Где лилия должна,
Там ночь и белизна,
Но все же вот она,

Качает головой,
Фатальная вполне
И тапок гостевой
На узенькой ступне.

Весна-черновик

аккуратно лапки сдвинув,
хвост завив валторной,
кошка спит наполовину,
ибо чувствует скотина
осторожный вдох гостиной,
выдох коридорный
отдыхай, товарищ юркий,
просыпай свой праздник,
на дворе другие мурки,
в снеговой грязи окурки,
да бутыльный пластик

выношу пакет помойный,
а апрель-то, вот он:
молодой, лихой, крамольный -
разноцветным, сибемольным
радуется нотам

серый, синий и лимонный,
рви пакет на знамя,
голытьбу построй в колонны,
здесь у кошек геликоны,
а во что трубят вороны -
нет тому названья!

Позитивное

Какой сатин, какой сатин,
по двести, по пятьсот,
с ума сойти, с ума сойти
от этаких красот!

А ситчик-то, а ситчик-то -
горошки, да сердца, -
и девочка лисичкою
глядит на продавца:

- Отрежь-ка василькового
по лучшей по цене,
чтоб наши поселковые
завидовали мне,

чтоб в платьице коротеньком
я выходила в май,
ах, на коленках родинки,
гляди, да не замай.

Вы обсуждайте ситчик мой,
болтайте про сатин -
и агроном Васильчиков,
и фельдшер Константин.

Литдесантник

В деревню летят писатели,
когда наступает срок;
дождись меня обязательно,
неведомый хуторок.

Зеленый, как понедельник,
замру в салоне АН-2:
- Ну что, браток, полетели?
- Давай.

- Смотри, - говорит пилот мне, -
их в этом районе сотни:
речное есть и болотное,
низинное и высотное.

Я их изучаю долго,
читаю снова и снова:
огородное и садовое,
и озерное, и лесное.

Туда доберусь лишь затемно -
вот книги и фляга кофе, -
дождись меня обязательно,
село незнамо какое.

По дворам у них всё гуси, да цыплята,
там не знают ни бандитов, ни полиции,
и крестом за небо церковка цепляется -
не дает земле под землю провалиться.

Станислав Ливинский

Родился в 1972 году на Северном Кавказе в Ставрополе. После окончания восьми классов средней школы поступил в техникум и обучался профессии фотографа. Служил в армии. Работал фотокорреспондентом, видеооператором и звукорежиссёром. Участвовал в Форумах молодых писателей России. Публиковался в «Литературной газете», журналах «Юность», «Знамя», «Волга», «День и ночь» и др., сборнике «Новые писатели». Живёт в Ставрополе.

***

Судьба, судьбе, судьбы – и лепишь кружева,
и виснешь, как дурак, на микрофонной стойке.
Не вспоминай при мне погибшие слова,
не трогай у судьбы крутилки и настройки.

Огромная страна уснула на спине:
лежит с открытым ртом. В камине треск паркетин.
Да что ж так полысел и дырочку в ремне
проделал новую себе к сорокалетью.

Про лебеду загни, про сор и лопухи,
и приплети еще какой-нибудь прополис.
Я помню, что читал (не помню чьи) стихи,
я тараторил их, как проходящий поезд.

Но срезался, сошёл. Ищи-свищи финал.
Сам, типа, разлюбил, зато ушёл красиво.
Я на одной струне «Кузнечика» играл.
Из банок с кем-то пил разбавленное пиво.

Я делал узелок на кончике строки
и смешивал вино с лосьоном огуречным.
Прощайте, холода, ментовские ларьки.
Буди меня, буди, кондуктор, на конечной.

***

Не черновик, а поле Куликово: огонь, скрещенье строчек, место сечи,
когда смертельно раненное слово я брал на руки, тряс его за плечи.

Мы победим, отстроим Третий Рим, кольчугу завтра сменим на косуху.
Я говорил – давай поговорим – смотрел в глаза, держал его за руку.

А после были сдвинуты столы – луна и солнце друг напротив друга.
И кто-то доставал из-под полы вино, передавал его по кругу.

Дымился мир, гудела голова, столы от изобилия ломились.
И перед казнью пленные слова молчали и своим богам молились.

***

Будет город, маленький такой,
огороды, заросли крапивы,
водокачка, свалка за рекой
режет взгляд, но смотрится красиво.

Будет город в дымке голубой,
где поэт, отчисленный с филфака,
перетянет прошлое строкой
и такое вытворит, собака.

Будешь ты, как птица-попугай,
подпевать, на чём-нибудь да тренькать.
Заходи, ботинки не снимай.
Осторожно! там у нас ступенька.

Так считай же громко до пяти,
чтоб открыть глаза, нахмурить брови,
чтоб себя здесь больше не найти,
чтобы всё опять – до первой крови.

Чтобы всё – и колокол, и свист
по тебе в потёмках у барака,
и у церкви пьяный гармонист
«ямщика» наяривал и плакал.

***

Нам бы всё – разобрать, спионерить, да с фонариком чтоб в туалет.
Ты не помнишь – а запер я двери, не оставил утюг или свет?
Или всё, что ни делалось – на спор, чтоб до смерти прикладывать лёд,
а по праздникам – страшные астры, и надеяться, что повезёт.
Вот и ёжик блуждает в тумане, иль господь поправляет софит.
Это я только думал, что ранен: паф-паф-паф – оказался убит.
Эти страсти, земные мордасти, барабанные дроби минут.
И меня разберут на запчасти, на запчасти меня разберут.

***

Стихи – история болезни.
А он, простите, не заразный?
Позеленел нательный крестик.
И кто-то в душу так и лезет
отвёрткою крестообразной.

Вот мой лирический герой,
в трусах и шлёпках, без виньетки.
Ему б опять – советский строй,
гитару, «Город золотой»,
глазок замазывать соседке.
И память, как защитный слой,
шкряб-шкряб монеткой.

Плыви, лиловая тоска.
Цветная нить, ужасный почерк.
А время – пяточка-носочек…
Заначка где-то между строчек
черновика.

***

К душе, говоришь, приложить холодок.
Ещё не ложились, последний глоток.
Во рту и на улице сухо.
На сдачу подсунут билет «спортлото».
Ты в клетчатой кепке, отцовском пальто –
жених, сигарета за ухом.

Не помнишь, когда это было, в каком
ты путался с девочкой рыжей.
Как плакала – купим машину и дом,
поженимся – двигалась ближе.
Ты после курить выходил на балкон,
а там – раскладушка и лыжи.

Закончится всё – разбежишься по льду,
с макушки полярную снимешь звезду
и вытрешь ладонями губы.
И с краю присядешь, а смерть-стрекоза
к тебе подкрадётся, закроет глаза,
а ты – Вера?.. Наденька?.. Люба?..

***

И женщина, которую девчонкой
ты дергал за косички в первом классе,
тебя не узнаёт. И плач ребёнка
ещё бессмыслен, но уже прекрасен.

Перемотай на самое начало.
Запоминай обратно эти лица,
где сердце не разборчиво стучало
и в книге жизни склеены страницы.

Она пройдёт, как будто не заметит.
Не дёргайся! Ну что бы ты сказал ей?
Что помнишь. Что у вас могли быть дети
красивые с зелёными глазами.

***

На порожках курить и смотреть на родную спецшколу,
на безумные окна спортзала, заделанный лаз.
Наливать по чуть-чуть, запивать если-что-пепси-колой.
Ну – за нас!

Как тихушница-жизнь шарит в сердце, брюзжит о расплате:
подрисует усы, бородёнку, добавит морщин.
А когда-то на задней-призадней расписанной парте
жил-был мальчик один.

Жил-был мальчик один. Он зимою подкармливал осень.
Он мечтал о щенке, он хотел духовое ружьё.
Не любил молоко и любил, как жужжит «Смена-8»,
и без плёнки снимал на неё.

Остывает мгновенье, потом выцветают чернила
или, может быть, стало на улице раньше темнеть.
Перегнуться, повиснуть вот также на шатких перилах,
плюнуть вниз и смотреть.

***

Разговорчивый водитель.
Здесь – налево, дальше – прямо.
Календарь с иконкой, вымпел
ставропольского «Динамо».

Всё о бабах и футболе,
и ни слова о погоде.
Мать в больнице, дети в школе,
со второй женой в разводе.

По семейной сохнет лодке.
Всю дорогу матерится.
После смены выпьет водки –
на том свете лишь проспится.

Дети, взяв самоучитель,
возмужают: всё в порядке.
Сняв на память папин вымпел,
продадут его «девятку».

Мир не то, чтоб опустеет –
здесь могла бы быть реклама.
Он и там, поди, болеет –
за небесное «Динамо».

Kassandra

Лидия Люблинская

Родилась в 1948 году в Ленинграде в богатой культурными традициями семье. Закончила филологический факультет государственного университета. Работала редактором в издательствах. Занималась в ЛИТО Дома Учёных у Глеба Семёнова, в семинаре художественного перевода под руководством Т. Гнедич в Союзе писателей. Являюсь членом Международной Федерации Русских Писателей. Стихи и переводы публиковались в отечественных журналах и альманахах . Являюсь автором двух стихотворных книг («Дворцовая набережная», «А судеб невеликих нет»). В настоящее время готовится к публикации третья книга стихов, над которой заканчиваю работу, дыша воздухом одного из самых прекрасных городов на свете, Санкт-Петербурга.

ЗАРИСОВКА

Плыла по Мойке льдина,
Стоял на льдине стул.
Апрельская путина
Гремела. Ветер дул.

Бесцветный, неказистый, -
Доска и три ноги, -
С упорством коммуниста
Он стыл на льду реки.

Покачивалась льдина
И таяли борта.
Несла её путина
Под чёрный свод моста.

И дальше по каналу,
Держа победно грудь,
Ровесник коммуналок,
Плыл стул в последний путь.

Качался веку равен
На трёх ногах кривых
Свидетель биографий
И мёртвых, и живых.

***

К шестидесяти остывает душа,
Как море в конце октября остывает.
Мотор её глохнет и ослабевает,
А море шумит, выдаёт антраша.

Чем к осени ближе, тем море бурней:
Роскошное, тёплое прежде,– мрачнеет,
Потом остывает, потом сатанеет,
Грохочет, гудит до скончания дней.

Живое, - то выдох раскатит, то вдох.
Меха, раздуваясь, бьют в груди и в уши,-
Спасайтесь, в валах заплутавшие души,
Молитесь, лицо развернув на восток.

У нас ещё хватит надломленных сил
Хребет оседлать равнодушной стихии…
Но старого сердца удары глухие,
Из глаз близоруких потоки сухие, -
И мир опрокинут по главной оси.

МОЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Ты спи. Ты спи. А я тебе спою,
Как дремлют птицы на ветвях в саду,
Как засыпают рыбы на ходу
Под мерный выдох «баюшки–баю».

Пусть улицы разноголосый рёв
Замрёт, коснувшись нашего окна,
Пусть комнату охватит тишина
И шелест проплывающих миров.

Пускай тебе приснится, как река
Качает твоей лодки колыбель
И побережья бережно апрель
Касается, - и плавятся снега.

А я спою. А я тебе спою,
Как пела мама песню мне свою, -

Тихонько под блокадный метроном,
Как бабушка под гродненский погром,
Прабабушка, качаясь, чуть жива, -
Шептала мне на идише слова.

ВЕЧЕРНЕЕ КУПАНЬЕ

Я не могу об этом не сказать:
Вечернее купанье в тёмной речке…
Закат погас на небе скоротечно
И ноги начинают подмерзать
Хотя средина лета…Но, увы,
Погоды нет. И люди в телогрейках
Попрятались в дома, под ноги – грелки
И одеяла с ног до головы…
А мы, дневные завершив дела,
Скосив траву, собрав опавший хворост,
Трусим на речку тёмным коридором
Дороги мимо спящего села.
…Над чёрной гладью лёгкий виснет пар:
Вода теплее воздуха и почвы,
Всплеск, как орган, гремит в округе ночью
И будит тех, кто рядом в доме спал.
Что за вода! Роскошней тёплых ванн,
Где тают городские Афродиты,
Маслами ароматными омыты.
Поют тела и места нет словам.
И выходить не хочется… Ещё
Пошевелить затёкшиеся плечи,
Руками поиграть, хвостом и лечь, и
Течению отдаться… Горячо
Разбуженная кровь внутри шумит,
Во весь опор работает машина, -
Вдох, выдох, вдох, - и тело, как пружину,
Вот-вот взорвёт восторга динамит!
…Окончен бой. Вода побеждена
И с шумом льёт под выросшие ноги
В песок студёный. Полотенце тогой
До пят спадает. Полная луна
Стоит в зените. Тянут «ми» и «ля»
Кузнечиков заливистые хоры…
Возможно ль так, - без старости, без хвори,

Перипетий в мажоре и в миноре, -
Земные вам, маэстро, сдать дела?!..

БАБУШКА

А дух в закопчённый взлетал потолок,
Стелился по всей коммунальной квартире, -
Сосед-алкоголик от запахов глох,
Гэбэшница млела беззвучно в сортире;
И чуткие ноздри щипал аромат
Гвоздики, душистого перца и лавра,
И всё это вместе сводило с ума,
С парами мясными мешаяся плавно.
Горячее блюдо вносилось на стол
Под комнатный свод с потолочною лепкой
И бабушка к нам выходила потом
Богиней седеющей великолепной.
А праздник семейный, - он больше, чем пир,
Скорее не пир он, а пиршество духа
И повод отторгнуть уродливый мир
Со всем его хамством и запахом тухлым.
…Как белая пена, на ней воротник
И синим сверкает стеклянная брошка.
- Помедли же, бабушка, стой, не гони,
И так без тебя одиноко и тошно, -
Ещё положи мне своих голубцов
Бордовых и пышных с томатной подливой,
Чтоб мне ни бандитом не стать, ни лжецом,
Чтоб мне до конца оставаться счастливым.

КНИГИ ИЗ ДЕТСТВА

На даче две полки, где книги из детства, -
Гигантских форматов и книжки-малютки,
И радует душу такое соседство,
Как память союза руки и желудка:

На этой - борща жировые разводы,
На той - отпечатки черничные пальцев,
А тут – вышиванье: мне мама в три года
Сатиновый ландыш распяла на пяльцах.
А вот ещё «Гамлета» том неподъёмный, -

(Недаром Лозинский пыхтел над Шекспиром),-
С картинки взирает Офелия томно,
Лаэрт угрожаюше поднял рапиру.

Маршак по соседству, изорванный в клочья, -
(Кого уж читали, того и слюнили), -
С присохшей к странице ириской молочной,
Полвека проспавшей в бумажной могиле.

А вот и «рассеянный», тот, что с Бассейной,
В чернильных рисунках, смешных и коротких;
Наборы открыток из фондов музейных –
Голландские шляпки, корсеты, бородки.

И сам Питер Брейгель… Когда я болела,
На клетки линейкой делила картинки,
Копируя грифелем, кистью и мелом
Там краешек тучи, тут горб и ботинки.

Потом вырастало цветное пространство
На белом чертёжном листе из альбома
И в рамке картонной подобьем Корана
Глядело со стенки бревенчатой дома.

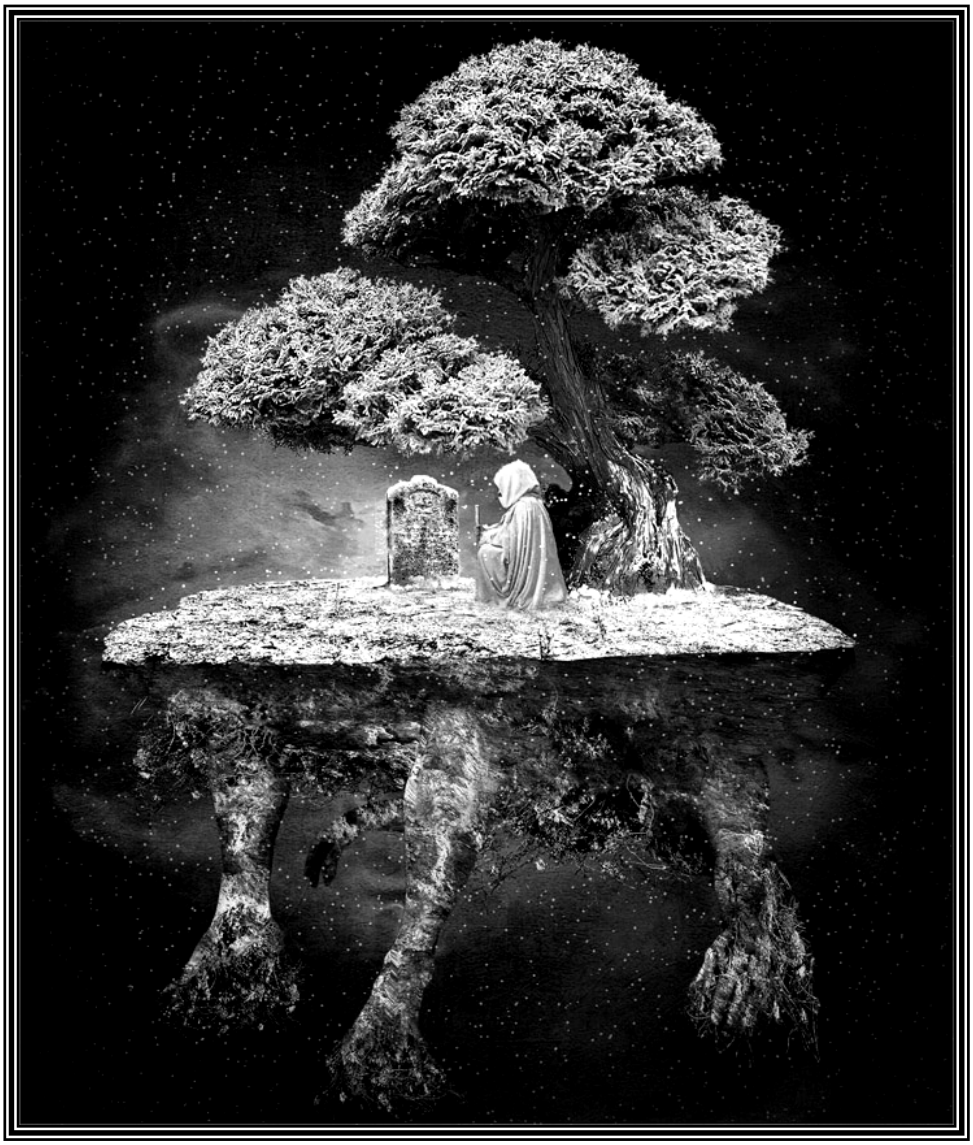
А стены увешаны были мазнёю
Рисунков ребячьих, прижатых на кнопки;
Пылали рисунки гуашью цветною,
Из папок рвались, распирали коробки.

Я перебираю забытые книги, -
Те без переплёта, а те без начала
И запахи пыли, чернил и брусники
Далёким сознаньем ловлю, различаю.

Раздел путешествий. Вот Ра и Кон-Тики,
Индейцы Перу, Атлантида, вулканы.
…Сейчас в нашем доме просторно и тихо,
Нет прежней возни, голосов, ураганов;

А внук мой, - он книги другие читает,
И новые тянут его горизонты.
Я пыль с переплётов линялых сметаю, -
С Антарктики, с Андов, с Эвксинского Понта.

AmigoSanches



Иван Мишутин

Родился в 1990 году в городе Балашов Саратовской области. В 2011 году закончил Литературный институт имени Горького, семинар Инны Ивановны Ростовцевой. Не являюсь членом Союза писателей России. По специальности не работал. Публикаций в литературных журналах не имею. В 2009 году стал лауреатом литературной премии Соколова-Микитова. В настоящее время живу в г. Балашов.

Дон Кихоту Ламанчскому

Ночные книги – белые крыланы.
Ты знаешь всё об этих существах:
распаханные в полустишья страны,
темницы в пятистопных городах,

и звук дорог – катренный, жёлтый, пыльный,
с потертой, зарифмованной тоской,
где мельница распахивает крылья
и машет неоконченной строкой.

И вот теперь ты слышишь этот запах
прожженных слов. Дымит библиотека.
И ты стоишь на титульном листе

с копьём бумажным и в бумажных латах,
сгоревший до кофейного оттенка,
и пепел шелестит из-под ногтей.

Сорок два

4 Цар 2, 24.

1) Темнеет лес – лохматый, дождевой,
смеются птицы, выгибая хорды,
и дети отправляются войной
под знаменем крестового похода

туда, где плоть, накрытая травой,
охватывает горные породы
и выдыхает воздух луговой.
И под конец 12-го года

(тринадцатого века), семью шесть,
они заходят по колено в шерсть,
глотая духовитый, потный ветер,

туда, где спит нерусский городок,
привязанный звериной бородой
под горлом двухголового медведя.

<ребёнок говорит:>

15) – Плешивые поля вокруг путей,
где я иду, переставляя лица.
Зачем я сотворен из двух людей
(родителей), хотящих поселиться

в моём пустопорожнем животе?
И человечек за моей ключицей,
задохшийся от плоти и костей,
не может и с синицей подружиться.

Я – мальчик, рассечённый на отделы,
я буду кочевать из тела в тело,
разрезанный ударом решета,

пока внутри крестового похода
густой, горячий, землемерный <кто-то>
пытается меня пересчитать.

<медведь говорит:>

29) – животные похожи на подделки
людей, ребёнков или нас самих:
вот птицы спят в летающих постельках,
а вот – собаки просят накормить

их животы; вот городок нательный
сожжен одноголовыми детьми,
зашитыми в непрочный эпителий;
и звери, преисполненные тьмы,

и дети, не желавшие свободы,
хотят зарыться в наши пищеводы
(так в кожу зарывается лемех)

и поселиться в комнатах глубоких,

(так мы двукратно населяем Бога,
и шелестит невыгоревший мех) –

* * *

Барометры показывали дождь,
и стрелки их покрылись облаками,
тая в себе предгрозовую дрожь.

Раскидывая ветер плавниками,
я жил в холодных пажитях дождя,
в аллеях водяного вертограда:
движенье жабр, десятиногость краба,
изломанное в кровь крыло зонта,

ладони – перепончатые брызги.
Из почвы выползали обелиски,
проулки заросли речной травой...

В тот год я начинал дожди сначала,
нырял в ночную впадину вокзала –
счастливый и влюблённый в никого.

Деревья

Мы увидимся снова в той осени, где
города необжиты, пусты, непогожи,
где деревья, стремясь превратиться в людей,
красят листья в цвета человеческой кожи,

где забытые рынки – осенняя гарь –
помнят запахи рыбы, ботинок и клёна.
Мы увидимся снова. Пустой календарь –
в каждой клетке октябрь и гудки телефона.

Это время «нигде», это город вериг,
золотой пустоцвет лесопарковых зон,
мы увидимся там, возле зимних преддверий,

где мосты, повернув, замыкались в тупик,
где трамвайные рельсы кричат в унисон
человекоподобным деревьям.

* * *

(Неправильный сонет)

Преврати меня, Боже, в солёный гранит.
Для чего у пустыни кремнистые руки?
Для чего этот столп опускается с юга,
и сова, сквозь него пролетая, горит.
Преврати меня, Боже, в отару берез,
всё равно мое тело прошито насквозь
гнёздами ласточек-береговушек.
Всё равно из-под ребер не вынуть греха;
и на горле моем затянулась река,
по которой текут молоко и вино
(переполнены медом ракушки,
и к поверхности липнут пчелиные рты).
Преврати же меня в длиннотелую рыбу,
я зароюсь в речное творожное дно;
надо мной корабли, огибая кадык,
уплывают обратно в Египет.

Земледелие

День 1

Корабельные мачты уже выпускали присоски,
и корма изогнулась под воду в китовый плавник;
наш корабль не желал подчиняться ни ветру, ни вёслам,
он питался планктоном, его окружали русалки,
но, когда он почувствовал землю, он выдохнул крик;
как больной кашалот, он зарылся в прибрежную гальку,
и теперь он лежит, неподвижен и большеголов.

По колено в траве, мы внимаем дыханью холмов.

День 2

В этих землях ни птиц, ни зверей; и шатровый навес
не спасёт от дождя, но зато плодородные почвы:
где вчера было поле, сегодня – тропический лес.

На моих сапогах распускаются белые почки.

День 3

На вершине холма мы пытаемся строить деревню,
и пытаемся вырастить злаки на склоне холма.

На востоке, в заливе, замечен гигантский кальмар,
а на севере видели стаю бродячих деревьев.

Все немного охрипли, и в воздухе вязнут слова,
и как будто в гортани густая густая трава.

День 4

Эта почва исполнена рек, и ее семиречье
огибает холмы, как вьюнок человечьи предплечья.
Зерновые уже достигают размеров секвойи
(каждый колос покрыт частоколом желтеющей хвои).

Даже голуби в клетке срослись в семикрылое нечто.

День 5

Здесь озимые камни весной прорастут в города
здесь засеянный щебень к утру расцветает посёлком
(лепестковые крыши похожи на крылья подёнки),
а потерянный гвоздь превратится в опоры моста.

У матроса <такого-то> плющ появился на горле,
у <такого-то> хмель завивается возле колен.
Колонисты, оставив соху, поднимаются в гору
(если долго стоять, на подошвах появятся корни).
Корабельный геолог выносит диагноз земле:
Земледелие в этой местности невозможно: плуг врастает в почву
и цветет.

День 6

Мы как будто с рожденья – трава, виноградник и лес,
мы с рождения – глина, кусочки засохшего лета;
словно кто-то прошел по пятнистой спине континента,
создавая людей и других глинобитных существ.

Мы стоим у предхолмий, по брови зарыты в потёмки,

выпуская листву; но пока невозможно забыть
трепетание крови, замешанной на чернозёме.

Мы закутаны в травы, лианы и нити грибов,
мы становимся глинистой плотью огромного Бога.
Я, макая в чернильницу вербы, пишу эти строки,
и смотрю, как вздыхают голодные ребра холмов.

День 7

<нрзб>
<нрзб>

(12-18 октября 1492 г.)

Старик

У старика зашкаливает сердце,
он чувствует в крови куски железа
и думает о том, что после смерти
душа уходит в магазин за хлебом.

Однажды, оцарапавшись о гвоздь,
он заболел железом и тогда
стал чувствовать в груди земную ось,
а в линиях ладоней – поезда,
идущие на север от запястья.
На линии судьбы один из них
подходит к предпоследней остановке,
Там мальчик на платформе ждет своих
родителей; и на его ветровке –
две капли крови: ранка на мизинце.
Родители и старшая сестрёнка,
минуя станционные ларьки,
(в пакетах – теплый хлеб из магазина)
выходят на платформу.
Купол рынка
со скрипом распускает лепестки.

Наталья Изотова

Николай Недрин

Родился в г. Рязани в 1981г., проживаю в Республике Адыгея (п. Тульский). Мои стихи появлялись в журналах «Арион», «Воздух», «Звезда», «Российский колокол» и др., в «Литературной газете», газете «Ышшо Одын», на сайтах «45 параллель», «TextOnly», «Новая реальность», «Ликбез», «Полутона». Являюсь членом ЛИТО «Оштен», которым руководит известный критик Кирилл Анкудинов. Участвовал в 8 и 9 Форумах молодых писателей России (Липки), в XVIII-м Фестивале свободного стиха (заочно). В конкурсе «Узнай поэта» 2010г. (г. Пермь) занял третье место. Своим любимым поэтом считаю Юрия Левитанского.

***

Поэзия после Освенцима должна быть свирепа,
В каменных джунглях как лаконичный Рембо
Отстреливая руки, ноги, головы, мутные души,
Долго потом стоять под кровавым душем
И думать:
Какой же я мрачный подлец, какой же античный герой!
Рассчитайсь на первый-второй!

***

Возможно, она читала Бориса Рыжего
Или что-то *об этом* слышала.
Во всяком случае, пьяная в сисю, засыпая на заднем сиденье хаммера,
Она иногда бормочет стихами.

Или это просто нам кажется,
Ибо далеко не каждая женщина, ох, не каждая
Поступила бы так, как поступила эта.
И за это она достойна стать музой поэта!

Впрочем, она выбирает себе мужика, не тронутого культурой:
Слегка он похож на мачо, но всё же карикатурный:
Лунолицый таксист, судимый по мелочи, брови – узорные дуги;
Если бы я был ею, то не влюбился б в такого – дудки!

Но любовь, как водится, зла, а еще коротка и ярка:
Этот подержанный хаммер был последним ее подарком
Подержанному таксисту.

Но по-прежнему любит его так сильно,
Что выгораживает его, сидя
И на скамье подсудимых, загадочно улыбаясь
То ли на камеру, то ли тому, куда судьба ее
Завела. А если спросить ее о ребенке,
О пятилетнем ее малыше,
Она ответит:
- Без комментариев.
Или не ответит вообще.

***

Мужчины делятся только на две категории:
На тех, кто дарит ковбойские шляпы, и на тех, кто их отбирает.
Женщин гораздо больше. И чаще всего они гордые –
Прячут сквозные раны

И поэтому часто выходят мусор вынести,
Тоскуя по летней колючей траве.
А мужчины, причем обеих категорий, не понимают в своей голове,
Что *этого всего* невозможно вынести,

Вернее, только – через боль и дрожь,
Через писанье стихов без размера и рифмы
Ночью,
После того как мужчина кончил,
Женщина пишет и шепчет внутри:
«ну что ж,
считай, что поговорили мы…

идет на кухню
берет самый острый нож

НОВЫЙ УЭЛЛС

и вот оно:
время остановилось
мир замер

Серега из пятой
не провалил экзамен

Мария Степановна
не досчитала мелочь

дед Артюхов искривился-застыл
на фразе: «Чего ты ме…»

Найда, запрыгивая в мусорный бак,
стала самой летучей из всех собак
а из людей
только Олег
остался красив и высок
стоять на своем посту
возле пивной

для начала
ботаник Лисицкий
направляется в дом напротив
к Ольге с четвертого этажа:
«Поскольку со мной
она никогда не здоровалась…

Здравствуй, Оля!
Надеюсь, теперь-то ты
не возража…»

ПОЛУАТЕИСТИЧЕСКИЙ СОНЕТ

ангел-хранитель, приставленный к атеисту,
пьет беспробудно, нектара украв на Олимпе.
режутся в карты испытанные космонавты
там, на орбите, и здесь, на Земле, а могли бы

солнце то светит, то греет, то слепо маячит
вот и весна на Кавказе: во рту сорок тысяч
песен пернатых, и ветер бушует лезгинку,
требуя веру наивную высечь

«Бога не будет!» - всё слушает ангел обрюзгший
наши любимые нас побросают в могилы
души покорные высохнут и разлетятся

будет бельё колыхаться на утлой веревке,
словно в рыданиях бьются отставшие души,
словно не всё потеряли и снова могли бы

ОГОРОД

Вонзаю в землю штык,
А в ней корней малины
Полно, как запятых
В молитве рыхлой, длинной,
Которая дойдет
До Бога, но нескоро.
В ней раньше прорастет
Терзаемая флора.

***

Д.К.

по небу летает мандельштам
видели то тут его то там
слышали как петь болезный тщится
только не выходит у него:
вечно отвлекает существо
с *родинкой над левою ключицей*

залезает осипу в карман
и шипит: какой ты мандельштам?!

***

А. В.

один пиит всё жив…
бредёт один в пустыне,
считает миражи
и в небеса пустые
взирает без надежд:
зачем еще я жив?!
и посылает ему Бог
Хищников, Чужих.

***

горное облако по имени Афродита
напоминает раковину аммонита,
которые здесь почти разбросаны под ногами,
чреваты ссадинами, синяками,
мужественны на ощупь.
— Тебе нравятся аммониты?
— Не очень...
и ты спускаешься к старому Аристарху,
огромному дереву, о которое бьётся с размаху
неосёдланный ветер, живущий в ущельях Тхача́.
я беру тебя за руку,
но чувствую,
как щека твоя горяча.

***

Лучше б комедию, что ли, ломали,
Чем с полуслова меня понимали.

Лучше бы палки вставляли в колёса,
Лучше бы сплетничали за спиной,
Лучше б смотрели пристально, косо
И не здоровались даже со мной,

Чем понимали меня с полуслова –
Бледного, бедного, полуживого…

Sarki

Евгений Орлов

Родился 14 сентября 1960 года в Риге в семье актеров. Окончил филфак ЛГУ, работал учителем, журналистом в прессе и на ТВ.Член Союза журналистов Латвии.Победитель литературного конкурса Союза писателей Латвии и Посольства России в Латвии. Лауреат конкурса им. Н.Гумилева в 2004 и в 2006 годах.

ЮЛОВАЙ

как преступника тянет на место пре
красну девицу в терем на красный свет
пешехода к зебре дитя на свет
божий тянет меня к тебе

безлюбье

1.

и хочется жить и колется смерть
и в окна с околицы пялятся раки –
им скоро краснеть и у каждого злака
в глазах очевидная тяга созреть...

безлюбье мое! не грызи не кори
за то что дряхлеешь со мной год от года –
я сам бы тебя придушил до зари!
но я и лягушку не в силах убить
а ты к сожалению тоже – природа!

2.

аквариум заполненный безрыбьем
розариум насыщенный безрозьем
такая концентрация не жизни –
отныне лист и ветка – только порознь!

любовь не умирает? мрет как мамонт!
а после – наступает век разумный
век многолюдных бронзовых мельканий
и золотого мертвого безлюбья...

3.

ты видеть меня не желаешь и жалишь
лишь ближе на шаг подойду
змеелюбка
ты целую свору гадюк выпускаешь
шипящих
согласных с тобою ублюдков!
они отравляют и очно
и мощно
рвут медные узы столбов с расстояний –
мосты телефон телеграф
даже почта
тобою немы и захвачены в камень!
но это ж медузья повадка горгонья –
сей труд не ценить и бояться украдкой
(чтоб не отразиться в глазах отрешенных)
итог подвести:
все – мертво
все – в порядке

4.

я знаю меру миру!
мне ковать
прокрустову
чугунную кровать!
мне сталь варить
на нужды гильотины!

все измеряется умением лежать
подлизывать вставлять и подставлять...
а остальное – лишнее
кретины

5.

мой светлый ангел (что ты?) где ты?
проходят годы (естся хлеб)
ты (верно) шефствуешь по свету
да я уже – оглох (ослеп)

иссох и пыльными губами
я еле-еле шевелю
и шепелю «люблю…» веками
и веками шеплю «люблю...»
как мальчик каменный занозу
мой отвратительный склероз
еще нащупывает образ
однажды впившийся – до слез...

неправильный сонет

Владасу Таблеру

все в мире лирика друг мой все в мире – лирика
он держит шар над головой – попробуй вырви-ка
он дышит грустью голубой и блюзоват его герой
и черт не брат и бог не свят а собутыльники

все в мире лирика мой друг все в мире истово
но гармоничен и округл браслет монистовый
в запястьях девушек звенит дырявых денежек зенит
а он любуется руками пианистки

все в мире лирика труха все кроме музыки
и трещин в дебрях потолка и музы юзерпик
давно скопирован в металл винчестера – калибром мал
но девять килобайт ему – в союзники

все в мире лирика и смерть
и больно знать и сладко петь

***

порывы фламенко вращают пластинку
иглою фламинго застыл на дорожке
игрою цветов промелькнула косынка
из дома напротив и грустно немножко

парение грифа в порхающих пальцах
полуденных молний гадаются четко
капроновых ног шестиструнные танцы
да солнечный заяц щекочет решетку

и как на грустинку нанизаны мысли
сардинка на вилку костяшка на счеты
я жизни своей нанизал половинку
на ритм ожиданий чего-то...
еще ты

мне что-то хотел подсказать де Лусиа?
ну режь говори я нисколько не против –
я знаю что слишком влюблен для России
для ситца косынки из дома напротив
разрывы фламенко угробят пластинку
на пыль разнесут на тишайшие крошки...
я знаю что слишком чужой для рябинки
глухой для гармошки...

***

у вас - наверное - весна? ликуют стекла
от их восторга белизна уже оглохла
а полюбивший вас ручей - такой наивный
и он проводит до дверей - не спросит имя!
и вы не скажете ему что у подъезда
не время в нежностях тонуть - да и не место
вы дверь откроете и - шмыг! видали стольких!
а он туда - куда привык - по водостоку...

***

это все ля-рошель дорогая моя это все ля-рошель
нам не надо спешить дорогая моя нам нельзя торопиться
это все алягер дорогая моя это все ж алягер
а на ком алягер есть всегда отпечаток убийства!

это все до зари дорогая моя до кровавой зари
и еще оттого что немного патронов в мушкетах
это все за любовь дорогая моя это все от любви
и еще оттого что жестокие нынче поэты

это все от тоски дорогая моя от железной тоски
и еще оттого что ножи незаметно длиннеют
доживи до утра дорогая моя достони дотерпи
эту жуткую ночь бесподобного! варфоломея...

два эскиза

1.

топот
да яркий костер синевы
окрик пастуший да
струями косы -
огненно-рыжее стадо листвы
гонит в убой босоногая осень

и оглушительный вечер таков
что из-под зарева
из-под обломков
черною зеброй
не чуя зрачков
лес от листвы отбегает в потемки...

2.

расплатиться с осенью листом
(век бумаге воли не видать)
в клеточку – пустым как благодать...

не облагораживать стихом
черную природу за окном
дать ей нагуляться босиком
по морозным тлеющим углям
в первозданном неглиже своем

стопкой старых строчек растопить
высохшую топку ноября...
осенью не хочется творить
осенью приятней - умирать

Daria Endresen

Роман Рубанов

Родился в 1982 году в д. Стрекалово Курской области в семье рабочих: мать бухгалтер, отец механик. Живу в Курске. Оканчиваю институт (КГУ, выпускник ф-та теологии и религиоведения (теолог), работаю руководителем литературно-драматургической части, в театре юного зрителя «Ровесник». Писать начал в 1995 году. Не являюсь членом ЛИТО, СП. Участвовал в литературных конкурсах: «Проявление» (Курск), Международный конкурс журнала «Лампа и дымоход» (Москва), участник 10-го форума молодых писателей России (2010 г. г. Москва, Липки).

***

Засыпаем в тишине.
Ноги спрячь под одеяло.
Помнишь, ты вчера сказала
мне:

-Засыпаем в тишине!
«Баюшки-баю» и др.
для залатыванья дыр... -
Не придёт волчок ко мне.

Засыпаем в тишине.
Выключаем светофоры,
Прибиваем шифер шторы
К белой раме на окне.

Засыпаем. Ломких спиц
Света фонарей не чуя,
Ночь на нас с тобой ночует:
Тс-с-с-с...

***

Прочти моё имя наоборот,
добавь букву «е», и, вскоре,
тебя хмурый поезд в ночи подберёт
и высадит где-то на моР«е».

У самого берега сделает: пыш-ш-ш...
ты выйдешь на берег с вещами,
и галька зелёная, цвета кишмиш,
зашелестит под ногами.

У берега ялик мелькнёт, зашумит
прибой, как соседский транзистор
и легкий загар на плечах зашипит
и ты удивишься: «так быстро?».

А после прочти моё имя опять,
пусть «е» в окончание встанет,
за тем, чтоб никто не сумел разузнать
о нашем курортном Роман«е».

***

Улица.
Под ногами ломается снег.
Когда это кончится?
Выльется:
«Эх, мать вашу, чтобы вас всех...».
Мочится
бомж
у подъезда, облезлый, как кот.
Стрёмно.
Бог
где-то над нами в квартире живёт
съёмной.

***

Ходит ночь беременная снами,
Как большая буква «Б»

Так как я не умеет никто
Говорить о тебе.
Ночь, как конь, ходит в сером пальто
Буквой «Б»,

Ходит, цоканьем серых копыт
Будит сны.
Мордой в окна: кто, дескать, не спит?
Мы!

Это мы, это я о тебе,
Это сон,
Он спускается вниз по трубе
На газон,

Зарастает травой, сорняком,
Пылью и
Говорит ни о чём, ни о ком –
О любви.

Ночь в пальто чешет бок о фонарь,
А фонарь
Провожает глазами январь.
И как в старь,

Говорит: всё проходит как сон.
Нет, не сон.
Разве сон – эта в небе косом
Рыба сом?

Рыба камбала, рыба луна,
Рыба-сплю...
Ночь в пальто лошадином темна.
Я терплю,

Я не сплю, я могу как не тот,
Не тогда,
Говорить о тебе. И растёт
Борода

Из-под неба, рассветом грозя
Облакам.
Губошлёпую ночь бьёт лоза
По бокам,

И она убегает в луну
Буквой «Б».
Для тебя… лишь тебя я одну…
О тебе…

***

Поменяй свою грусть на коня
И скачи куда хочешь,
Чтоб позади – ни дня,
Ни ночи,

Чтоб впереди – ни сна,
Ни воздуха,
Чтоб над тобой – луна
И звёзды,

Чтоб под тобой – земля
И камни,
Чтобы в тебе тля
И память

Не истребили страх
И голод.
А в десяти верстах –
Город.

Там заложи коня,
Сними угол,
И набери меня
В google,

И расскажи мне
Мысли,
И пиши на стене
Числа

Чтоб не сойти с ума

Сразу.
И не читай Дюма.
Прозу

Вовсе забрось в окно,
Выбери
В лавке лучше одно,
Но верлибром,
Мысль его ощути
Кожей.
И если что, прости…
Сможешь?

***

Летит лист –
Бывшая задача по геометрии,
Глядит клёст –
Бывшая птица, а ныне – чучело,
Звучит твист
Популярный в прошлом столетии,
Поджал хвост
Кобель в ожидании лучшего.

Закрыл дверь
Хозяин в свою комнату,
Забыл хворь
Старик бегущий за поездом.
Идёт зверь,
От зверя несёт копотью,
А он несёт хор
Таких же зверей, за поясом.

Трубит в рог
Ангел из Откровения,
Пророк жив,
Но чувствует, что не вынесет,
И ждёт Бог
Новое поколение
Из зёрен добрых, которое может вырасти.

н_и_н_а

Дарья Серенко

Родилась 23.01.1993 в г. Хабаровске. До 2010 года жила в Омске. Сейчас – студентка первого курса Литературного института им. Горького, Москва.

«Детские болезни»

***

Моя сестра, завязанный пупок -
На память бесполезный узелок,
Уткнется головой слепой в живот,
Не сбывшись, поцелует и уйдет.

Её друзья играют в ручеёк,
У них не зарастает родничок,
Я сяду, зареву, как грудничок -
Отныне и меня не происходит.

Любимый встанет рядом - брат не брат?
Мы родинки сверяем, как часы,
Есть у родства особый циферблат,
Свой пояс часовой и свой язык.

Не совпадает? Нет. И слава Богу.

Но вот когда утроба позовет,
А гроб чем вам на свете не утроба?
Я сяду, тоже ткнусь в земной живот,
Дадут сестру и брата мне, но чтобы

Узнала, что узлы - одной рукой.
Сказала, что люблю - и отпускаю
На ручеёк, на счастье, на покой,
На белый свет, на то, чего не знаю...

Часы остановились. Ты со мной
И ты со мной. Дай руку - я слепая.

***

Когда ты спишь, тебе я не сестра,
Ты глаз моих не видишь, нет, не видишь,
Не смотришь в них, не знаешь (знаешь!) пра-
правды, ври-иврит-иди же-идиш.
Праправды нет и нет праязыка,
Любимая, сестра ли - разветвленье,
Одна из них в тени, и нет пока
Ни почек, ни плодов, ни искушенья.
Ты спишь, а я одна из берегинь
Названых, кем - не помню, помню голос,
Не помню, нет, ни зги не видно - сгинь,
Когда, как ветка, до тебя дотронусь
Зеленым-липким-первым. И с утра -
Взошло, пора, и я тебя встречаю,
И окна открываю. Я сестра,
А вот кто ты - сама уже не знаю.

***

Ящерка в банке, шмель в кулаке,
Бабочка в спичечном коробке,
Квёлые яблоки в грязной панаме
И китикет, припасенный в кармане.
Птицы больные по тёмным подъездам,
Крошки и тряпки, ругань соседок.
Птиц хоронили потом повсеместно,
То есть совместно - и крестик из веток.
Все-таки смерть была очень условна -
Птицы с утра появлялись другие,
Снова голодные, снова живые,
Снова, и снова, и снова, и снова.
Но утекает песок из песочниц,
Но забывают, где птиц хоронили,
Ящерок, кошек своих худосочных,
А ведь у каждой из них было имя.
Детство все примет в свой жадный живот,
Всё тянет в рот, что ему интересно.
Доброе злое голодное детство
Весь этот мир с потрохами сожрёт,
Чтобы хоть как-то его уберечь...
Веточка.
Птичка.
Речь.

***

Ухом припасть к животу земли -
Урчит на глубине вода.
Дли меня в это мгновенье, дли -
Я обретаю дар
Слышать и видеть в сто крат острей,
На животе моем - грязь, трава
Брынзой зелёной из-под ногтей.
Колокол - голова.
Бьётся тяжёлый литой язык,
Судя по звуку - опять набат.
Что ж ты к земле белым ртом приник?
Мне страшно тебя поднять.
И у меня - полон рот травы,
Клевера дикого, муравьев.
Колоколу не сносить головы,
А языку - всех слов.
Колоколу не сносить языка.
Гляжу - а ты рядом, звончавый весь.
Смотри, таких тьма несу*с*ветная здесь -
Пора б их любить привыкать.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

По спине - между лопаток - пущена река.
Спи, хороший, будет лошадь, будут облака.
Буду в снах твоих поджарым деревом стоять.
Буду сны твои лелеять, холить, обитать.
И раскидистою болью в маленькой груди -
Тоже буду. Вырви с корнем - в сон пересади.
Там все выболит, плодами в землю упадёт.
Кислый, яблочный, всевышний - наш круговорот...
Реки все впадают в кому. Лёд и белый свет.
Спи, хороший, боли нету, не было и нет.

***

С утра наливается светом речная вода,
И блики бегут, как проснувшиеся стада.
Трава, пятернёй приминаемая без труда,
Нахохлится - и капля по ней сбежит.
По мне - умирать лучше поздно, чем никогда
И снова рождаться, снова - не навсегда,
Чтобы забыть, забыться и заново жить.
Впервые - названо имя и будет свет
Бить по глазам спустя несколько сотен лет.
Каков вопрос, таков спрос и таков ответ -
Ты была изначально и не будет тебе конца.
Стоит почувствовать это - и смерти нет,
Есть только стремление к памяти, смерти - нет.
Оглянись:
там любимые люди
ждут
твоего
лица.

***

Я делаю вклад в нашу общую тишину.
Молчи же и ты, опускайся со мной ко дну
Этой речи, что нынче, видишь ли, мелководна,
Понимаешь ли, нынче илиста и мутна.
И без щучьих велений мы можем быть кем угодно,
Если ты замолчишь и коснёшься со мною дна.

Мы можем быть ржавыми банками и стеклом,
А много ли знает старый металлолом?
Возле нас бы паслись смешные немые рыбы,
Выпучивая базедовые глаза.
Они бы считались плохими стихами, а мы бы
Поэтами с чувством собственного "нельзя".

А потом мы бы вышли на берег из грязной пены
Новоявленными богами своей вселенной.
В солнце - на голое тело, в иле - на босу ногу,
Пристальным взглядом сделав глубже и чище дно...
И не ведая нового броду, бросались бы в воду,
Никогда не узнав, что купаться запрещено.

***

Я вижу твоё обожжённое горло. Моё ещё не слепили.
Вот так и сижу - с месивом вместо речи.
Сырыми губами тянусь к огню - за что про меня забыли?
Отодвигают, сволочи. Нет, чтоб в печку.
Я вижу, как мётлы сметают в кучу засохшие черепки.
Как же так? Подождите, какие мётлы?!.
И чувствую всем содрогнувшимся мякишем пальцы чужой руки
С глиною под ногтями - твоей и мёртвой.

КОВЧЕГ

"После нас - хоть потоп", -
Приговаривал Ной,
И ковчег раздавался вширь...
И плодилось зверьё, и прело зерно,
У людей заводились вши.
А никто не знал, ничего не знал,
Были слухи про сорок дней.
Простыней свалявшаяся белизна
Становилась грязней, темней...
И подумал Ной, что пришла пора,
И согнал со стола мышей.
И затих ковчег - на плаву сарай,
И задвигались сотни шей.
И сказал им Ной, что святая кровь
В жилах этого корабля,
Что един язык и на общий зов
Появиться должна земля.
И взревел ковчег, и затих ковчег,
И раздвинулась тишина,
И молился истово человек,
И не трогала мышь зерна,
И забился голубь о потолок
Так, что выпустили его...
Каждой твари - тварь,
каждой твари - Бог,
Выгружаемся, кто живой!

kle -m

Александра Сикирина

Родилась в Москве, 13 июля 1983 г.
Закончила МГЛУ, работаю учителем английского языка.
Состою в поэтической студии «Бродячая собака» при ЦДС «Обручевский».

***

с той стороны зеркальной мостовой
- нет, я так больше не могу, увольте -
душа моей души вниз головой,
как наизнанку вывернутый зонтик.
на летнем небе стынет акварель,
деревьев заострились очертанья.
актеры спят: буян полишинель,
плут арлекин и простачок тарталья.
увидишь невзначай - не надо, стой,
глаза б мои на это не смотрели -
как из бутылки в банку - из пустой
в порожнюю - перетекает время
и вечером, не помня ни о ком
- и даже обо мне? - за дальними домами
душа моей души гуляет босиком,
позвякивая мелочью в кармане

***

будешь ходить по проволоке -
только не оступись.
ангел сидит на облаке,
хочется спрыгнуть вниз

вымыты окна дочиста.
эй, помоги мне слезть.
как там твое одиночество?
больше не просит есть?

***

утро во рту: привкус пасты стирает вкус
снов - неотчетливых, неинтересных, плоских.
что-то будет сегодня? вымерзну, обожгусь?
как всегда, за домами траурная полоска.
семь часов. мое я, растрепанное со сна
и в ночной рубашке, ноги с кровати свесило.
мы сегодня увидимся. больше не нужно знать.
но тебе-то известно: будет не очень весело.
умоляю, не надо. не уходи под лед.
не могу достучаться, и руки уже замерзли.
что-то будет с нами сегодня? - узнаю после.
лиловое небо. в парке никто не ждет.

***

над мостовыми высится взвесь, водяная пыль.
дождь без конца. и кажется - море близко.
ангел стоит в переходе метро со списком,
лица своих подопечных выхватывая из толпы.
вижу тебя в отдалении, будто в дверном глазке.
самый любимый стишок, ежеутренняя молитва -
помню тебя наизусть: щеку, порез от бритвы,
рта уголок опущенный, волосы на виске.
кислая вишня, короткий мучительный сон.
птичка сказала голосом человечьим:
дальше так жить нельзя. крыть уже больше нечем.
медленно вертится чертово колесо...

***

застегнутый до верхней пуговицы,
ты отвернулся. жжешь мосты.
мой город в толстый свитер кутается:
замерз без прежней теплоты.
там наверху - твоя квартира, вон и
окно зажглось. чернее мгла.
твои следы заасфальтированы,
чтоб осень честная прошла.
без выдумок, без подковырок она:
листва гнилая и дожди.
все молоко, котенок, вылакано,
и больше не дадут, не жди.

***

в этот день что-то в небе так странно болело
и, безгласное, билось, как рыба об лед
обернись, и увидишь, как справа налево
мимо окон твоих пролетит самолет.
если душу живую, как сладкий подарок,
распатронить на фантики - будет ответ?
я мерцающей точкой мелькну на радарах
и исчезну во тьме, и меня уже нет
есть ли смысл засветиться на глади экрана
и пропасть не за грош, а за медный пятак?
но, пока под бинтами пульсирует рана,
отыщи черный ящик на дне океана
и скажи, что я сделал не так

***

пленкой нефти на талых потоках
брезжит утро, и дует в окно.
из окна я любуюсь на то, как
лицедей из немого кино,
мой герой неизменный, как видно,
от своих недомолвок устав,
крик души обнажает бесстыдно,
как рояль в облетевших кустах

***

подберет ночная уборщица
рукавичку с каменных плит
левая краснеет и морщится,
правая пригрелась и спит
щелкнет в темноте выключатель, но
свет не резанет по глазам
как дела? да все замечательно
прочее додумывай сам
этим ты меня убиваешь, как
больше не умеет никто
спи, моя непарная варежка,
схоронясь в кармане пальто.

***

страшно в ночь перед побегом
тонет батискаф
не ходи назад по снегу
в шерстяных носках
что ответишь прокурору
у последних врат?
вниз по лесенке и в прорубь
просыпайся, брат

***

когда у свежевырытого рва
стояли мы толпою на асфальте,
никто не мог молчания прервать,
никто не мог сказать "ну все, давайте".
прощайтесь. до свиданья, дядя миша.
знакомый галстук, блик на белом лбу.
и мы смотрели на него в гробу
и думали - чего же он не дышит

***

внизу блестит асфальт. свое лицо сырое
тоскливый небосклон вжимает мне в стекло.
остановлюсь вот здесь. усну. глаза закрою.
проснусь уже потом. увижу: все прошло
а может быть, не так? пить до последней капли,
до боли в горле звать далекую звезду,
а после отдыхать. пускать в тазу кораблик.
и знать, что ты в раю. и знать, что ты в аду.
я мимо рюмки лью промозглое вино.
я в первый день зимы последний жгу огарок.
взгляну тебе в глаза, и получу в подарок
мгновенье пустоты, где все отменено.

Ilya LiS

Алексей Сомов

Алексей Сомов, р. в 1976 году в Сарапуле. Окончил технический вуз. Публиковался в журналах «Урал», «Крещатик», «Дети Ра», «Воздух», «Место встречи», «День и ночь», «Литературной газете» и др., сборниках и антологиях поэзии и прозы, в сети Интернет. Финалист конкурса «Русский Stil-2008», шорт-лист «Согласования времен-2010», лонг-лист первой Григорьевской премии (2010), «Премии П» (2010), Астафьевской премии (2011).

Правильная история Электроника.

Адамович в Петрограде, 1923

…несчастный Адамович в одних подштанниках,
на коленках, хлюпал по полу окровавленной тряпкой и выжимал ее в ведро, пока другие рубили и впихивали в корзину. Голову решено было бросить в прорубь, чтобы трудней было доискаться, кто убитый.
Георгий Иванов «Дело Почтамтской улицы»

и богтымой какой париж-берлин
какой там поздний завтрак с глебом струве
(ты говоришь сейчас мы все устроим
ты говоришь не доверяй дверным
замкам в их ржавых скважинах остался
горелый запах мартовского льда)
я говорю тебе что на почтамтской
теперь всегда приемная среда
там томный отвратительный красавец
поет о сети шелковой на бис
легонько клавиш розовых касаясь
и в сбитой юбке пьяная кассандра
читает про поэтов и убийц
там наискось плывущий потолок
и мелкий бисер меж твоих лопаток
и отовсюду алое текло
и виноградной патокою пахло
(а после сразу снова льдом горелым)
давай о красоте поговорим
бесстыжий отрок юркий раб галерный
игрушечный танцор без головы
поэта хорошо заводит режь кромсай пили придержи-
вай коленом
поэта далеко заводит раж

когда закат играет в окнах в прятки
не ал и не багрян а тускло-рыж
как кровь с отжатой тряпки

Остеофиты

Настенька ненавидит Новый год.
Новый год отвечает Настеньке тем же.
Жахнет петарда – заплачет сигнализация – соседский дог
взвоет за стенкой жутко и безутешно.
У Настеньки не квартира, а дом-музей:
тени шкерятся по углам, мебель переминается с ножки на ножку.
А всех-то у Настеньки друзей –
теплый плед, да невидимый острый ножик,
да стеклянный позвоночник.
(В детской - сломанный скейтборд,
нераскрытые учебники, ненаклеенные постеры.
Тихо, даже мышь за обоями не скребет.
Тишина, как костная ткань, хрупка и пориста.)
Ровно тысячу лет не видела Настенька семью.
Сказывают, у мужа вырос из головы куст дрока,
сын взял в жены змею,
а дочерей лучше вовсе не трогать.
Настенька не отвечает на звонки.
Ни весело ей, ни грустно.
Все слушает, как стеклянные позвонки
трутся друг о дружку с надсадным хрустом.
Настенька умывается, чистит зубы и т. д.,
заворачивается в плед, отплывает на необитаемый остров.
Хочет увидеть во сне милых детей,
только снятся какие-то красноглазые монстры,
снится почему-то малая сцена в Большом,
кресла, лепнина, пюпитры, софиты,
слышится голос режиссера: «Первый пошел»,
и растут отовсюду прекрасные сверкающие остеофиты.

Внезапно Чехов

Человек по городу шатался,
с белым светом по углам шептался,
кровью кашлял и по швам трещал.
Белый свет не слишком с ним считался,
не обманывал, не обещал
ничего. Ах да, струны басовой
в небесах – ни грустный, ни веселый,
ни к чему не прикрепленный звук.
В жопу пьяный пристав зубом цыкнет:
господин-мусью ловкач и циник,
не угодно ль пиджачок из цинка,
паричок, как подобает в цирке –
выбирай, мусью, одно из двух.
Чехов ничего не выбирает –
в общем-то, чего там выбирать –
утром скулы чисто выбривает,
сам себя как трубку выбивает,
из казенных списков выбывает
по глотку, по буковке, задолго
до того, как, в третий класс затолкан,
никуда поедет умирать.
Вот в такой фотогеничной позе
ты его зачем-то сохрани.
В полночь отбывает скорбный поезд
на подземный остров сахалин.
Дальше в привокзальном ресторане
трудный голос пел о расставанье.
Каторжан по полкам рассовали –
и в края далекие ту-ту.
Огоньки за окнами старались,
рисовали, на бегу стирали
раскавыченную пустоту.
……
Свет.
Плющом увитая веранда.
Сытный воздух пахнет ветчиной.
Дальше снова ровно ничего.
То есть ничего.
Без вариантов.

***

Редкая нерпа заплывет на середину Днепра,
впрочем, на то он и Днепр, на то она и нерпа.
Иов, задрав бороду к небу, кричит: «Эй, ты не прав»,
с неба отвечают: «Пойми, это нервы».

«Хочешь поговорить об этом? Поговорим.
Хочешь – еще чуть-чуть похитрим, позлимся».
Наверху молчат – молчанием поистине гробовым –
потом сквозь зубы: «Прости, я не вижу смысла.

Пробовали меня на разрыв, кручение, сжатие, сгиб,
теперь все поршни стерты, приводные ремни сорваны.
В спрессованной механической мгле не видать ни зги,
зрячи, свободны и праведны только совы.

И если уж начистоту – что касается сов,
им до фонаря, чем казаться, а мне подавно.
Но кадавры в период деконструкции решают все.
В каждом учреждении есть отдел кадавров».

2700В, 5А

Электричество на вкус не горчит
Пока падает глиняный кувшин
пока плавают по кругу ковши
бойся только семихвостой камчи
Бойся бес узорной драной кошмы
Скажешь бес а он и в щелочку шмыг
Скажешь бог а абонент вне сети
Это правда с места мне не сойти
Это трудно а потом все трудней
В каждом трупе есть блуждающий нерв
Белый свет кривыми нитками шит
Не влезай в распределительный щит
там лежалое тифозное тряпье
Электричество не лечит не бьет
Из тряпья и безымянных костей
получается простой франкенштейн
Электричество не греет не лжет
Белый свет был от рождения желт
Если гвоздиком его расковырять

тьма зажжется в миллион киловатт
Бойся друже однородных полей
не гуляй между опорами ЛЭП
электроды друже в рот не тащи
не влезай в распределительный щит
там давно дизентерия и вши
Тикнут часики расколется кувшин
Ни купить его теперь ни продать
Всех делов – зубами сжать провода
(Все герои умирают смеясь)
В волчьем логове скучает змея
В сучьем вымени скисает молоко
(Это правда это правда легко –
вокруг рая на шайтане верхом)
А в раю есть экстатический холм
На холме том золотая печать
До него в три года не добежать
Звать никем по документам никто
потечешь как можжевеловый ток
по открытым проводам
по цветам
к улыбающимся мертвецам

***

Станем мы с тобой цитатами,
марсианскими закатами.
Станем подвигом разведчика и киношными рассветами.
Все на все вокруг похожее, до оскомины знакомое:
снег вали́тся как подкошенный, бьется чудище подкожное.

(Жизнь, такая невозможная,
снится или вспоминается
и на камеру снимается.
Пленка рвется и сминается.)
Жизнь такая невозможная и ни разу не понятная,
как невеста терминатора, словно шаровая молния.
А на следующем уровне будет все у нас по-доброму:
свет струится как подорванный, янтарем хоромы убраны.
В бой идут мальчишки смуглые за арктическую родину,
а в ушах играет музыка, орудийная до одури.
И, пуская автоматную в отступающих панически,
что-то бодрое командует взводный кремнийорганический.
Станем мы аэростатами в небе над любимым городом,
станем страшными рассказами и стальным победным рокотом,
станем красными бригадами,
облаками,
баррикадами.

Katrin

Анна Стреминская

Я родилась в г. Одессе. В 1980 г. поступила в Одесское театрально-художественное училище, где проучилась 3 года на театрально-декорационном отделении. Работала библиотекарем, художником-оформителем, журналистом одесских газет. В 1995 г. поступила в Одесский государственный университет, на филологический факультет, который закончила в 2000 г. Сейчас работаю ведущим научным сотрудником Одесского литературного музея.
Стихи пишу с детства. Первым учителем в поэзии был отец – художник и литератор Игорь Божко. Публиковалась в одесских периодических изданиях, а также в журналах: «Крещатик», «Дон», «Меценат и мир», «Работница», «Журнал поэтов», в газете «Литературная ярмарка», в «Литературной газете». Являюсь автором поэтических сборников «На древнем языке» и «Трое».

НЕМЕЦКАЯ КАСКА

Сергей нашёл немецкую каску с дырочками от пуль.
Ради смеха надел он её на голову, и вдруг его захлестнул
поток чужого сознанья и речи нездешней лязг.
И он закричал: «Мою голову прострелили!», и разум его погас.

И снится ему, что лежит он в поле на чистом белом снегу,
пронзённый насквозь чужою болью: «Майне либе, я встать не могу!
Зачем я лежу на большом покрывале, холодном, как чья-то смерть?
Мою голову прострелили, майне Ленхен, майн херц!

Зачем я лежу здесь, подобно снегу, а мне ещё нет тридцати!
Ведь если время приказывает нам быть, то пространство
приказывает идти.
Но я умираю, и снег накрывает белой меня простынёй...
Я был поэтом, а не солдатом, я хотел вернуться домой.

Всегда мне казалось: надо мною витают ненаписанные стихи.
Но смерть говорит: это были пули! Шаги её так легки...»

С Сергея сняли немецкую каску — зачем нам чужие грехи?
Он долгое время ходил как блаженный,
затем сел за стол и начал писать стихи.

***

Тихий, сухой, пролистала я день, как том.
Сказаны были серебряные слова…
День растворился в молчании золотом,
Только лишь ветер был слышен едва-едва.

Сотни желтеющих писем неслись, спеша,
Все к своим адресатам, в свои углы.
И на каждом следы от небесного карандаша.
И видны были: почерк Бога, печать золы.

Хочет всегда говорить природа, ее слова –
Нервные жесты глухонемых, что узрим везде.
Я – переводчик, полна моя голова
Слов и транскрипций, понятных воде, звезде.

Тихий, сухой, золотистый струился день –
Будто бы день Египта, где правит Ра.
Игры свои затевала с утра светотень…
Что же важней, чем божественная игра?

Все в равновесии было: земля и тишь –
Словно незримо качались, скрипя, весы.
Не было ритмов, и мерили время лишь
То ли песочные, то ли солнечные часы.

***

И все ж приходит ночь
И глаз Луны глядит
По-рыбьи, стон «Невмочь!»
Дерев-кариатид.
Моллюски звезд лежат
На круглом, сонном дне.
Все просто, как душа,
Когда искуса нет.
Не спи, душа, проснись!
Устроены хитро
И виноградный лист,
И голубя перо.
Но все же если ночь
Нам как покров дана,

Нужны мы и точь-в-точь
Даны нам имена!

ЭВРИДИКА

Ария Тоски в подземном звучит переходе,
Тоска поёт с затаённой надрывной тоскою.
Тоска подземная в плащике не по погоде,
с бледным лицом, что припудрено смертным покоем.

Мечется голос надтреснутый, жалкий, зовущий,
голых красоток и лики святых омывая.
Мечется и рассыпается пуще и пуще
под грохотанье летящего к морю трамвая.

Песнь Эвридики затем в этом царстве Аида…
Вот и Орфей, а быть может, Харон – я не знаю.
Выручку он заберёт, он зовёт её Лида,
вот он выводит её, вот поверхность земная.

Вот он идёт и на зов её не обернётся,
всё как всегда: и спокойно, и тошно, и дико.
Только галёрка случайным хлопком отзовётся,
только останется – То`ска, тоска`… Эвридика.

ВАВИЛОН

— Что ты там видишь, в окно окунаясь ночное?
— Вижу работы на лунных полях Междуречья.
Ночью работают, днём же, спасаясь от зноя,
в хижинах спят, шелестящую слышу их речь я...
Башен, ворот Вавилона вдали силуэты...
Ночь нависает над ними законом тирана.
Пьян во дворце Хаммурапи, пьяны горожане,
но рыбаку веселей, чем царю иль поэту.

— Утро... Что видишь в деревьях, в фигурах прохожих,
в сонных трамваях, стадами бегущих из хлева?
— Вижу — вступленье рассвета по свежести схоже
с садом висячим и с ликом ячменного хлеба.
Знаю — не пал Вавилон, на земле он всё длится:
где-то проходят воротами сонмы торговцев,

где-то цари облачаются в багряницы,
сонмы блудниц обращают помятые лица
ввысь, где бог Солнца несётся в своей колеснице...
Мы на планете языческой — дикие овцы.

***

«Мир – это театр», – сказал поэт,
но мир не театр, а тир!
Откуда бархат и мягкий свет?
Есть только мишеней пир.

Пируют мишени, земных сластей
спеша наесться скорей.
Мишени из царства больших мышей,
из царства ручных зверей.

И каждая быть боится одной,
спешит к подобной себе.
Но нет ковчега, где праведный Ной
доверился Божьей судьбе.

Вот вместо ковчега «Титаник» плывет,
а вот самолетик летит.
Вот поезд метро машинист ведет,
в котором едет шахид.

И чей-то очень пристальный взгляд
нацелен…И чья-то тень…
Тебе повезло? Не попали в тебя?
Иди в театр, мишень!

КРАКОВ

Мы пьём горячее вино с мёдом,
в старинной ратуше сидим тихо.
Перебираем медленно год за годом
из наших жизней, где сто тонн лиха.

Трубач трубит на площади Рынок
в костёльной башне — звук трубы светел.
Чем ближе мы, тем дальше, мой инок.
Ведь каждый плещется в своей Лете...

Ах, Краков! Может, каркнул так ворон,
что ты возник — прекрасен и мрачен.
К тебе прикованы твоим взором,
а жизнь идет, и значит, смысл не утрачен.

***

Капли дождя на папирусах высохших листьев,
в каплях миры отражаются ярко и рвано.
Всюду костры – в них сгорают легчайшие жизни.
Дымная и хризантемная нынче нирвана…

Вечер, трамвай, психбольница, фонарь и аптека –
всё в этой части вселенной для счастья на месте.
За освещённым окном – силуэт человека.
Я же всё мимо – с листвою мне падают вести.

Не научилась я жить и всегда я была такою,
что важнее всего была осень с её дыханьем.
И для меня мешок с опавшей листвою –
всё равно, что наволочка Хлебникова со стихами.

***

Я притаилась здесь, на этой планете,
в этой вселенной, пульсирующей, как сердце.
В этой вселенной есть улица горше смерти.
Там проживаю я — больше некуда деться.
В этой вселенной я на любимом диване,
с книгой в руках. Если выйти во двор — палисадник.
А в палисаднике маленький есть виноградник.
Выйдешь во двор — всё в зимней стоит нирване.

Рядом со мной рыжий кот — такой же, как я, подкидыш
в этой вселенной, в земных временах и странах.
С ним посидишь, ну а после из дома выйдешь.
То, что увидишь, покажется очень странным.

Что вижу я — образ Божий в альтфатер лезет,
рядом товарищ в сугробе лежит смиренный.
Мне ничего не понятно на странной моей планете,
в этой вселенной — страннейшей из всех вселенных!

автор неизвестен

Елена Фельдман

Поэт, прозаик, переводчик с английского языка. Родилась в г. Иваново в 1989 г., закончила Литературный институт им. А. М. Горького по специальности «художественный переводчик». Сейчас живет в Москве, работает над кандидатской диссертацией по зарубежной литературе, а почти все свободное время посвящает переводам поэзии – как взрослой, так и для детей. Наиболее созвучными считает голоса Э. Э. Каммингса, Чарльза де Линта, Нила Геймана и особенно – британской поэтессы и художницы начала прошлого века Сесиль Мэри Баркер. Собственные произведения печатались в журналах «Волга XXI век», «Листья», «Желтая гусеница», «Порт-Фолио», в газетах «Детский район» и «Писатель и мир». Переводы очерков Хемингуэя также публиковались в журнале «Иностранная литература».

Сон Сантьяго

Надвигается шторм, и мигрень не щадит головы.
В темной маленькой комнате ветер гоняет газету.
Старику все равно. Старику снятся львы,
Мавританский залив и тропически-пестрое лето.

Так прозрачна вода, что нетрудно на дне разобрать,
Как ползут по песку деловитые рыжие крабы.
Океан в тишине чуть качает кровать,
Положив на борта свои мокрые лапы.

Раздвигая тростник, все плывет по волнам колыбель,
И, начавшись однажды, движение длится веками.
«Я тебя не хотел убивать, голубая форель,
Так не мучай меня хоть во сне, шевельни плавниками».

Простыня обмоталась вокруг смуглых жилистых ног,
И подушка всплывает из мрака, как снежная глыба.
Старику все равно. Старику снится Бог,
И он видит, что Бог – это добрая старая рыба.

Тайный вечер

Ко мне приходят старые друзья
Под вечер пятницы, и до утра субботы
Мы пьём, ругаем жён, детей, работу
И курим прямо в кухне, хоть нельзя.

Один уйдёт на время, может статься,
Но неизменны яства без затей.
Мне нравится, что вместе нас тринадцать
И каждый хоть на четверть, но еврей.

В окно глядит чахоточный рассвет.
Мы хлебом и вином полны до края.
Друзья поют, блаженные, не зная,
О том, что их на самом деле нет.

***

Раньше ты пах апельсинами,
Теперь - молоком и медом.
В ореховые корзины мы
Собрали три четверти года.

Немного любви и терпения:
Росток пробивает камни.
Ты редкостное растение,
Ты птица с двумя сердцами.

Садовник, нежнее дерево
Избавь от его творенья.
Рукам человека вверено
Божественное рожденье.

Каштан

Я посадила маленький каштан,
Когда уже деревья засыпали,
И он пророс - смешливый мальчуган,
Которого так долго ожидали.

Кудряв и темен волос, нос курнос,
Изящен ствол, крепки большие корни.
Он за зиму до облака дорос -
Зеленый Вавилон нерукотворный.

Ты станешь всех сильнее и мудрей,
Зажжешь над мировою бездной свечи,
Но не забудь о матери своей,
Когда расправишь сгорбленные плечи.

***

Притормози за милю до Потсдама.
Тут слишком невесомо и светло.
Сосна, как пригласившая нас дама,
Расправила алмазное крыло.

Топленым маслом смазаны вершины,
Коньячно чист и выдержан закат.
Мотор затих. В снегу увязли шины.
И лес – как сад,

Запорошенный лепестками вишен.
Я знаю – дальше дом с большим крыльцом…
Но не проверить: мой мираж недвижен,
Разбрасывая отблески кругом.

И чудится: вот-вот стекло молчанья
Пробьет иглой астматик-патефон…
Секунда длится. Что за наказанье:
Зима, война, а я опять влюблен.

Германия

Империя, мой волк на пьедестале!
Твой механизм отлит из прочной стали,
И жернова крутиться не устали,
Меля века в железную муку.

Твой голос тише стал, но все же четок,
Как щелканье сухих дубовых четок.
Ты можешь быть покорен, но не кроток,
Когда на шее цепь, а в пасти меч.

Прямой наследник Северного моря,
Ты сам себе приносишь только горе,
Но за любую из твоих историй
Полжизни - невеликая цена.

Твое очарованье безыскусно,
Когда ты с пьедестала сходишь грузно
И смотришь мне в лицо светло и грустно -
Не серый зверь, а старый человек.

Север

Там мох и брусника, там горные тролли
Бросают булыжники в реку, как гальку,
Там пахнет снегами, смолою и солью,
И зимы желанны, и лета не жалко.

Там каждая вещь, наделенная духом,
Крупна и четка, словно детская пропись.
Глаза не в ладу с обострившимся слухом,
Ведущим обвалов заочную опись.

Там синее солнце, зеленое небо,
В котором колышутся складки сиянья.
Покой неизбывен, и, кто бы ты ни был,
Здесь всех подо льдом дожидается тайна.

Хрустальные сосны звенят и смеются.
Дорога домой - ни свернуть, ни споткнуться.

Наследница

Жизнь моя – свободный перевод
С древнего еврейского подстрочника.
Как в доспехи, ребра и живот
Спрятала в корсет для позвоночника.

Что болело, больше не болит.
Память – белый звон на грани слуха.
Почему же из воды глядит
Юная красивая старуха?

Врач мне рассказал, что все пройдет,
Сломанная кость срастется верно.
Катится к излому темный год –
Закрываю окна суеверно.

Превратится скоро память в миф:
Дом и лес, при доме – палисадник...
Плачет золотая Суламифь –
Птицы разорили виноградник.

Деметра

- Белой птицей спустилась на пажити осень.
Золотые галеры в небесную просинь
Уплывают, задумчивы и невесомы,
паутина-канат не удержит их дома.
Все мутнее вода, тяжелее дожди.
Ты до первых снегов уходить подожди!

- Проводник мой бессменный – любовь, а не страх.
Не грусти обо мне, я в надежных руках.

- Не проси меня, сердце мое, не грустить.
Как могу я тебя в темноту отпустить?
Там нет жизни, нет смеха кудрявых детей,
теплый свет не волнует бесплодных полей,
Только звездные очи бессонной совы
отражают разливы лиловой травы...

- Проводник мой бессменный – любовь, а не страх.
Мне без солнца светло, я в надежных руках.

- Не отвергни тогда хоть прощальных даров!
Я тебе собрала арфу южных ветров,
Виноградного меда, живого зерна,
чашу с первой росой, где купалась луна,
Звонких листьев на луч нанизала, любя...
Как же я без тебя? Как же мир без тебя?

- Проводник мой бессменный – любовь, а не страх.
Этот мир старше нас. Он в надежных руках.

Семён Эпштейн

Врач. Живу в Израиле, лечу детей. Член ЛИТО «Среда Обетованная», СП Израиля. Дипломы литературных конкурсов в России, Германии, Израиле. Публикации в журналах, альманахах, сборниках в России, Германии, Израиле. Лауреат премии «Золотое Перо Руси» 2007 года

Питер. октябрь. Этюд

Осень жалует прохожих
лоскутами пёстрой кожи -
вспоминайте о погожих
пережаренных деньках.
Из чужой земли пригожей,
что ты ищешь, что ты можешь?
"Сторож места" осторожен,
не откроет тайника.
Ностальгии жёлтой жало -
снова сердце поприжало?
Тут и вспомнится пожалуй:
"от себя не убежать".
Пусть, на время, время сжалось,
не рассчитывай на жалость.
Что тебя не удержало,
то тебе не удержать.

Елагин остров. октябрь. Этюд

Небо серое над островом, над Питером
И погода эта здесь – обыкновением.
Телефон, и тот притих в тепле под свитером,
Полчаса без суеты, вне дел, вне времени.
Листья клёнов по аллеям свежей стружкою,
Дождь припустит, помолчит и снова сердится.
Глянет белка из под ног, как нищий с кружкою.
Моросит.
По всей России небо серое.

***

Здесь всё другое: климат и природа,
смуглее люди и гортанна речь,
и близкому экватору в угоду
способен месяц на качель прилечь,
пространства фиолетовых акаций
и бугенвилейрайские кусты.
И начинает издали казаться,
что прошлое – затерянный пустырь.
Но иногда листвою горькой, прелой
потянет в феврале. И что с того?–
И отворятся памяти приделы,
и каждому – по слову и по делу,
и каждому – по памяти его.

Архангельск. август. Этюд

Лето кончилось,
Небо скорчилось,
Перемёт.
Дождь щетинится,
Туч морщинистых
Перелёт.
В мокрых зарослях
Сгинут з*а*раз ли,
Навсегда ль
Дни подсолнухов?
Время сонное
Стынет даль.
Ближе к вечеру
Недоверчивый
Бледный свет,
И оранжевый,
Словно ряженный,
Лета след.

Мёртвое море.вечер. этюд

Смущенье Иорданских гор,
смещенье красок, –
Топазом выцветил раствор
зари подпасок.

Примчался ветер, словно пёс
на зов хозяев.
Темнеет розовый откос,
твердеет, тает.

Огни гостиниц на воде –
заплатки ночи –
Огней господних новодел,
гостей морочит.

И Лот* уже не дым, а дом –
торговым лотом.
И ждёт изгнанника Содом
за поворотом.

* гостиница на Мёртвом море

Пустыня. февраль. Этюд

Зима в пустыне – памяти разлад –
Февраль травой и маками неистов.
И мы на них, который год подряд,
Глядим с восторгом юных колонистов.

Пусть нет берёз, но взгляд издалека,
Что в поисках реликвий, так реликтов,
Находит их, почти наверняка,
В ободранных, как липка, эвкалиптах.

Здесь в прошлое распахнуто окно,
Дождь забирает горизонт в кавычки,
Картина, что знакома так давно,
Что так близка, что так нам непривычна.

Северная Двина. осень. Этюд

Тоска России в этих серых днях,
Берёзах жёлтых, колее забытой,
Строениях, дождём к земле прибитых
И тучах, что извечно на сносях.
Недолгий свет – чужие миражи,
И снова – дым из труб хвостом обвисшим,
И небо распростёртое по крышам…
В такие дни – что умирать, что жить.

Моя Блокада

Смотрела фильм: блокада, смерть
И сердце бабушки устало.
В том феврале её не стало,
Светила тускло солнца медь.

На Пискарёвском муж и сын.
Лежат в воронке от снаряда.
Так прирастали к Ленинграду
Могильным холмиком косым.

P.S.
Декабрь сорок первого. Блокада.
Мама возвращалась с работы. Через Неву.
Наледь на ступеньках. Выбраться не смогла.
Истощённый блокадник протянул ей руку.
И мне.
И моим детям.

***

Незаметно свет уходит,
Не успеешь оглянуться…
Белый слоник на комоде
пожелтел,
разбилось блюдце
пережившее блокаду…
Принимаю как награду
Ощущение покоя…
Память – знание пустое…
Жизнь – последняя преграда…

***

Сердце покрывается коростой,
Больше на душе одним рубцом.
А, друзья всё чаще по погостам,
Кто под щит Давида, кто с крестом.
Все мы гости на пиру похмельном,
Неизменны записи Судьи...
Но крути помедленнее, Мельник,
Жернова тяжёлые свои.

hemail

Елена Рышкова

Поэт, литературный редактор и организатор международного проекта Русский Автобан
http://rus-autobahn.ru/
и международного литературного конкурса Согласование времён
http://soglasovanie-vremen.ru/
Родилась в середине прошлого века и до сих пор не избавилась от этого недостатка. По паспорту Olena Sukhova, по литературному псевдониму Елена Рышкова. Принадлежу исчезнувшей культуре, хотя не уверена, что она мне нравится. Профессорская семья воспитала то, что нынче не в моде, но, к счастью, не дала средств для изменения статуса. К концу жизни поняла, что можно разочароваться в человечестве, но от этого ему хуже не станет. Значит нужно искать радость в кругу близких.

Мироздание

а хочешь, я сварю тебе варенье
из спелых звезд сегодняшнего лета?
в нем будут плавать зерна мирозданья
и тысячи рассеянных лучей.
вот только б ночь поглубже наступила
и я примусь за сбор созревших ягод,
они легонько холодят ладони
и слабо пахнут пылью поднебесья.
варенье будет сине-золотое
и сладкое, как всякая надежда
пока она не стала ожиданьем
и не покрылась плесенью покоя.
ну, а теперь хвали мое уменье,
зови гостей и угощай на славу.
а вдруг из косточек, что выплюнули гости
другое мирозданье прорастет?

ещё

мой травный мир – душист и разнокрыл
зеленоватыми тенями света,
округлое гнездо под сенью свил
не помышляя, сколь безумно это
стремление к домашнему теплу
на сквозняке под сводами пространства,
съем ягоду и голову склоню
перед его безумством постоянства.
крыла венецианское стекло
над грязью лужи стрекоза расправит
и отразится небо глубоко,
астигматизм миров моих исправив.
в них гомон то ли песен, то ли свар
легко плетёт невидимые сети,
чтоб своды от паденья удержать -
ещё на миг, столетие...
на лето.

творящее

по тишине оставшихся минут
среди хулы или рукоплесканий,
я сказанному цену узнаю
чуть-чуть заранее.
а слово не надеется прожить,
оно летит, как в первый день творенья,
закладывая строчек виражи
над тьмой прозренья.
и всё ему, творящему, равно
и безразлично, как любому богу,
а тишина останется со мной -
недолго.

сущее

я зиму встретила молчанием убогим…
среди ополоумевших недель
лежит в снегу благословеньем бога
мышиное факсимиле.
и белый лист, истоптанный стихами,
в январскую корзину полетит,
так холодно, что хочется растаять
и слово под ногами напоить.
вода к воде. и наводненье низко
резинкой грязи сущее сотрёт -
где прорастает в корневища близкий,
змеящийся туманом небосвод.
но высохнет не по погоде сердце,
в углах морщины сложатся в плиссе
и где-то вспыхнет новенькое детство
в зелёном по-младенчески листе.

незаменимые

желтым обмылком падает вниз звезда.
пенится облако белой обманкой рая.
хлопают окна, и двери замков скрипят,
мягким песком на берег реки оседая.
помнишь, мы были молоды очень давно?
наши следы в песке рассыпает ветер,
жизнь бессловесна, как чаплинское кино,
неистребима, как оспенное поветрие.
мягко скользит песчинкою по руке,
и не заметим, как с нею уходят силы
к месту хранения в чёрно-немой земле,
и не поймём, что в этом незаменимы.

капельница

упала капля на ладонь.
декабрь гремит последним громом,
соединяется лэптоп с началом долгого зимовья.
по временам бежит беляк, мелькая куцей запятою,
петляя след свой кое-как под носом прошлого глухого.
и мнится, вот его дары, за ними шли волхвы в пустыню,
а надо бы для детворы устроить радости простые,
а надо бы зажечь свечу, не всё равно пред чьим же ликом,
и мать погладить по плечу, пока оно ещё так близко,
ещё в кругу защиты дня от белой мертвенности поля,
и мнится – я ещё нужна. хотя бы богу для застолья.

из ума

я выживаю из иллюзии, как из ума,
свой взгляд задумчивый заузила до словаря,
но выживая, сердце кутаю пакетом слов,
моя иллюзия беспутная сошла с основ
так, словно мраморные лестницы ей под каблук
и нет внизу оскала песьего у рыжих сук,
и не рычит мотор за окнами, не гнётся день
как пристяжная у Набокова, весь набекрень.
а предлагать ей больше нечего, и я живу,
поверивши сверчку запечному - не по уму.

прирастаю

мужу

вырастаю из детства,
синим платьицем вешаю в шкаф.
ни забыть, ни одеться,
только шелком шуршать,
переглаживать складки
за морщинкой у рта -
привкус гладкой помады
смажет перец с утра.
камасутрою бега
раздираю походки шагрень,
синим платьицем неба
срамоту прикрываю за дверью.

из любви прирастаю
то к тебе, то опять к глухарю,
жёлтым цветом токая
гаснет буря на остром углу.
вырастаю из дома,
и, теряя пошагово дань,
ухожу к незнакомым
или просто другим берегам.

доавгустовское

тяжелая сытость словами
притянет обратно к земле,
их долгие будни топтали,
но выжили, выцвели все.
не хлебом единым, но солью
я дней золотистых сыта
и мокнет моя парасолька
меж небом и точкой стиха.
пусть август горяч не по силам
и высушил влагу небес,
мой стих заалеет предзимьем
и сгинет, как ласковый бес.

клопом в книгу

не напросишься воды в пустыне -
песком сквозь пальцы,
а пустые взгляды обжигают спину,
даром, что в панцире.
саксаулом утро тянет волынку
за тугое вымя,
не напросишься у него улыбки,
клоня выю.
а клопом залезу между страницами,
лягу в спячку.
через сотни лет может пригодиться
стихов пачка.

профиль стиха

в глыбе листа угадаю черты
мира или лица,
архитектонику пустоты,
смелость творца,
азбучной линией отсеку
форм диссонанс
от запредельности простоты
белых пространств.
мраморной крошкою ссыплется вниз
лишняя суть,
вновь под резцом моим профиль стиха
дышит чуть-чуть...

творцу

ты выдул душу шариком ёлочным,
сказал - лети! разбейся -
а она висит блестящей сволочью
где-то в районе сердца.
а она сжимается в точку маковую
и падает глупая в пятки,
когда ведут её голую, маленькую
ко рву переулком К***а***тыни.
а она прорастает указующей голью,
цепляясь за жизнь когтёнком,
и взглядом безумного алкоголика
ищет тебя в потёмках.
но ей не до жиру "собачьей радости",
не хлебом единым, не водкой...
летит и летит над тобой одноразовой,
жёлтой спасательной лодкой.

Берлин. Май 1945.

облака идут голою правдой,
о ней - забудь.
если дочку родишь, назови её Мартой,
в марте крепок загар. не слезает до зимних бурь.
за берлинским акцентом кого только нет
и каменный истукан,
ждёт тюльпанов жатву и майский завет
между Мартой и прошлым. ему тяжелее, чем нам.
если дочку родишь, назови по имени всех,
кто молчит в земле. до них облака не дошли.
на войне не до правды. есть смерть и обед,
что опять к победе не привезли.
я не думал, как лучше, когда наливали по сто,
если дочку родишь, не рассказывай ей о любви.
под твоей спиной крошился берлинский песок,
а за мной стоял браток и просил - поспеши!

ливень в Берлине. верлибр

а знаешь, наверное проще
распаковать чемоданы
и выйти на площадь в уже затихающий ливень.
смотри, эти маленькие балерины дега
танцуют почти безупречно.
ах нет, я ошиблась,
это всего лишь листья на жёлтом паркете обочин.
и можно лицо отвернуть и не видеть витрину
с накрашенной куклой,
но с мокрой поверхности глаз
как убрать негатив отражений?
давай подождём
пока смазанный профиль рекламы
нам скажет, что делать.
давай?

Художники, чьи произведения вошли в книгу

A.D. (infectedbrain) http://old.photosight.ru/users/30398/

Agris Robs http://old.photosight.ru/users/21439/

Alexander Ov-Lebedev http://old.photosight.ru/users/251191/

Alla-soul Алла Алборова http://old.photosight.ru/users/188774/

AmigoSanches http://old.photosight.ru/users/262321/

Andrisd Андрей Глушко http://old.photosight.ru/users/55795/

AZELMAN (azelman.livejournal.com)

http://old.photosight.ru/users/67377/

Daria Endresen http://old.photosight.ru/users/261194/

Денис Сергеев - адрес автора неизвестен

Digin http://old.photosight.ru/users/140882/

hemail Михаил Некрасов http://old.photosight.ru/users/83774/

Ira Bordo http://www.photosight.ru/users/53937/

Ilya LiS http://old.photosight.ru/users/980/

Julia Klem http://old.photosight.ru/users/196209/

Kassandra http://old.photosight.ru/users/16172/

Katrin1 http://old.photosight.ru/users/72069/

lerock Sergey Semkin http://old.photosight.ru/users/71001/

lila адрес художника неизвестен

Mary kuzmenkova http://old.photosight.ru/users/158318/

Матушка Медоуз http://prophotos.ru/photographers/7596-matushka-medouz-%28shishkina-anna%29/images

Natalya Smirnova http://old.photosight.ru/users/160103/

Sarki Станислав Солагаян http://old.photosight.ru/users/233350/

WWWest http://old.photosight.ru/users/86395/

Н. Громов (nicothin) http://old.photosight.ru/users/21733/

н_и_н_а [Нина Ай-Артян] http://old.photosight.ru/users/22818/

проф.Персикофф Сергей http://old.photosight.ru/users/77904/

Ян Маклайн http://old.photosight.ru/users/536/

Ежегодный Международный Литературный конкурс

«**Согласование времен**» **http://soglasovanie-vremen.ru/**
проводит сайт
«**Русский Автобан/Russische Autobahn**» **http://rus-autobahn.ru/**

Координатором и литературным редактором конкурса является
Елена Рышкова http://www.stihi.ru/avtor/bagira23

Адрес для отсылки работ на конкурс и вопросов:
subrodolena@googlemail.com

Люди разделены часовыми поясами, грамматическими правилами разных языков, историей стран, в которых они живут. И, тем не менее, услышав русскую речь в другой стране, я оборачиваюсь с надеждой увидеть знакомое лицо или, по крайней мере, с желанием сказать «Здравствуйте!» по-русски.
Для живущих в Англии и Израиле, Германии и Новой Зеландии, да мало ли где ещё, русскоговорящих людей русский язык был и остаётся настоящей, неизменной, непотопляемой Родиной.
Поэтому, согласование времен разных частей света, согласование речи с людьми иных культур посредством русского языка, это ли не самое главное, что может принести в мир талантливый литератор?
Мы выбрали названием конкурса грамматическую форму «Согласование времен» для того, чтобы подчеркнуть объединение различных человеческих желаний и мыслей в речи.
Мы хотим согласовать русский день с европейским и донести до читателя в Европе неизвестную русскую литературу, так широко и богато представленную на многочисленных литературных сайтах Сети.
Целью конкурса «Согласование времен» является представление талантливых, русскоязычных авторов, независимо от места их проживания, возраста и вероисповедания не только русскоязычной но и европейской литературной общественности.
С этой целью произведения авторов-победителей конкурса, а также тех, кто войдет в короткий его список будут разосланы в известные русскоязычные сетевые и бумажные издания, а также в университеты и издательства Германии, где имеются отделения русистики и обозначен интерес к русской литературе.
Организаторы конкурса уверены, что это позволит расширить возможности проникновения талантливых русскоязычных авторов на русский и европейский книжный рынок.
Тем авторам, которыми заинтересуются издательства Германии, будет оказана помощь в продвижении их книг в эти издательства.

Содержание

Небольшой экскурс в историю поэзии 5

Алёна Бабанская 10

Андрей Баранов 15

Евгения Баранова 21

Ника Батхан 27

Леонид Борозенцев 33

Лора Векслер 39

Григорий Гаврилов 44

Ирина Гольцова 48

Наталья Артёменкова (Гостья) 54

Анна Грувер 61

Владимир Захаров 67

Екатерина Ивлева 73

Виктория Измайлова 79

Владислава Ильинская 86

Татьяна Кадникова 91

Сергей Сутулов-Катеринич 97

Алексей Караковский 103

Хилина Кайзер 109

Кирилл Ковальджи 115

Евгения Красноярова 120

Элла Крылова 132

Игорь Джерри Курас 138

Борис Кутенков 144

Александр Ланин 151

Любовь Лебедева 158

Рафаэль Левчин 163

Дмитрий Легеза 167

Станислав Ливинский 170

Лидия Люблинская 176

Иван Мишутин 182

Николай Недрин 189

Евгений Орлов 195

Роман Рубанов 201

Дарья Серенко 207

Александра Сикирина 213

Алексей Сомов 218

Анна Стреминская 225

Елена Фельдман **231**

Семён Эпштейн **237**

Елена Рышкова **243**

Художники, чьи произведения вошли в книгу **251**

Содержание **253**